

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛИЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ XLVI.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,

1809

---

*Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

І Ю Л Ъ , 1809 .

№ 13.

ЛИТТЕРАТУРА и СМЪСЪ.

I.

Приключенія заслѣнчиваго человека.

(Писанныя имъ самимъ.)

Я болѣнъ неизлѣчимою моральною болѣзнію, кошорая мѣшаетъ мнѣ пользоваться удовольствіями общества, и наконецъ принудитъ совсѣмъ его оставить. Эта болѣзнь — заслѣнчивость. Хошите ли имѣшь обо мнѣ какое-нибудь понятіе? — Извольте читашь. Отецъ мой былъ человекъ небогашой и худовоспитанный. Мать моя умерла, оставивъ меня въ совершенномъ еще младенчествѣ. Бабушка хошѣла непременно, чшобы я пользовался пѣми выгодами, кошорыхъ судьба по несчастію его лишила — шо есть хорошимъ воспитаніемъ (такъ называлъ онъ ученость, пріобрѣшаемую въ Университетахъ и шко-

лахъ), и меня опсправили въ Оксфорпскій Университетъ. Я учился и многому выучился, но былъ спыдливъ и заспбчивъ. Башюшка не могъ присылашь мнб много денегъ, и все, какъ нарочно, способствовало усиливъ во мнб шу робость и шу натуральную неловкость, копорья нынб причиною всбхъ моихъ несчастій, и отъ копорыхъ никакъ ненадбюсь избавишься. Я высокъ ростомъ, но очень тонкъ; довольно хорошб лицомъ, но шакъ часто и легко прихожу въ смущеніе, что поминутно вся кровь бросаешя мнб въ лице, и иногда бываю довольно сходенъ съ краснымъ макомъ. Внутреннее чувство неловкости пріучило меня уббгашь отъ общешва: я привязался къ школьной жизни, будучи швердо увбренъ, что грубое обожденіе и необразованность отца моего только что усилили бы во мнб собственную натуральную мою неловкость; расположился приняшь къ себб учениковъ и жишь въ Университетб — но вдругъ два неожиданныхъ происшествія разспроили всб мои планы: я говорю о смерти отца моего и о возвращеніи богатаго моего дяди изъ Бенгала.

Этотъ дядя, о копоромъ я рбдко слышалъ отъ башюшки, былъ очень давно забытб родными, почишавшими его уже

мершвымъ, и нажилъ множество денегъ въ Оствъ - Индїи. Онъ не заспалъ брата своего въ живыхъ. Признаюсь къ стыду моему — невѣжеству и грубости въ обращенїи отца моего часто заспавляли меня досадовашь, что я былъ его сыномъ: сльдственно, поперявъ его, я не былъ въ опчаянїи. Дядя мой опчаявался еще менше. Проживши двадцать лѣтъ съ нимъ розно, онъ успѣлъ отъ него опвыкнущь, и во все это время думалъ единственно о томъ, какъ бы нажишь сокровища, на которыхъ основывалъ все свое щасїе въ будущемъ. Но все суеша, сказалъ Саломонъ, и дядюшка мой, возвращаясь въ Европу, отъ перемѣны ли климата, отъ трудностей ли, которыя принужденъ былъ перенести во время переѣзда, вдругъ занемогъ и вдругъ скончался, оставивъ меня единственнымъ по себѣ наследникомъ. И такъ двадцати пяти лѣтъ сдѣлался я извъ ученаго бѣдняка владѣтелемъ имущества, приносящаго десять тысячъ фуншовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, но владѣтелемъ такимъ заспѣнчивымъ, такимъ неловкимъ въ обращенїи съ людьми, что въ свѣтѣ сначала указывали на меня пальцами, а потомъ прозвали меня *простофилею*.

Недавно купилъ я прекрасное помѣстье; сосѣдей у меня множество, и боль-

ная часть изъ нихъ люди свѣтскіе, самаго лучшаго тона. Зная, какова я происхожденія и какъ великой искусникъ обращаешься съ людьми, вы не повѣрите, ешьяи скажу вамъ, что всѣ они, особливо щѣ, копорые имѣли дочерей взрослыхъ, на перехватѣ спарались заманишь меня въ себѣ въ домъ. Каждый день приносили ко мнѣ самыя леспныя записки ошѣ по-го, другаго и прешьяго, въ копорыхъ приглашали меня по ужинашь, по завш-ракашь, по обѣдашь. Я извинялся шѣмъ, что еще не успѣлъ осомшрѣшься въ новомъ своемъ жилищѣ, а по наспоющему не зналъ, съ какииъ лицемъ показашься въ домъ людей совершенно мнѣ незнакомыхъ. Не рѣдно садился въ карешу, рѣщившись заплащшь кошорому-нибудь изъ учтивыхъ сосѣдей моихъ за визитъ; но приближившись къ дому его, лишался бодрости, и уѣзжалъ назадъ, опложивъ по-сѣщенія до слѣдующаго дня. Наконецъ рѣшившись побѣдишь нещасную мою робосшь, далъ слово (дни чешыре шому назадъ) обѣдашь у Баронеша Биллингтона, ближайшаго моего сосѣда, человека любезнаго и весьма обходительнаго. Наши помѣсшья смежны: его владѣнія прино-сящъ двѣ пысячи годоваго дохода. Онъ имѣешѣ жену и пять человекъ дѣшей (шри дочери и два сына, всѣ взрослые);

сверхъ того живешь у него въ домѣ сестра его Милади Дорсетъ, умная и свѣтская женщина, которая очень долго не выѣзжала изъ Лондона. — Все это чрезвычайно меня пугало; какъ появишься въ такое общество, гдѣ пошчасъ замѣшашь справное, гдѣ всякая неловкость должна бросаться въ глаза и показаться смѣшною? Но я за двѣ недѣли передъ тѣмъ взялъ нѣсколько уроковъ у одного искуснаго панцимейстера, который училъ *взрослыхъ*. — Сначала искусство его казалось мнѣ шарбарскою грамашою; но я, призвавши на помощь Машемашину, узналъ равновѣсїе тѣла моего и настоящее отношенїе законовъ тяжести къ главнымъ пяти позиціямъ; такимъ образомъ выучился я ходить не шапаясь, кланяться по правиламъ наклоненїя угловъ и обрачивать глаза по законамъ перспективы. Это нѣсколько ободрило меня и я отправился къ Баронету Биллингшону. Ахъ, милосшивые государи, худое дѣло *теорїя*, когда она не основана на *практикѣ* — эту истинну могу доказать вамъ собственнымъ моимъ примѣромъ. Прїѣзжаю къ Баронету, выхожу на крыльцо — зазвенѣлъ колокольчикъ; на лицѣ моемъ выступилъ холодный потъ: я вообразилъ, что прїѣхалъ поздно, что Баронетъ и семейство его садились обѣдать. По ща-

ешю спрхъ мой былъ напрасенъ — меня ввели въ библіошеку, гдѣ я увидѣлъ Баронеша; жему его, сеспру и всѣхъ дѣшей вмѣстѣ. Собранныи съ духомъ, я сдѣлалъ свой выученный поклонъ хозяйдѣ; но, по несчастію, опсшупивъ лѣвою ногою назадъ, чшобы поснавишь ее на шрешю позицію, наступилъ на большой палецъ Баронешу, который въ шо время какъ нарочно жестоко мучился подагрой. Омъ вскрикнулъ, я опскочилъ, и ударилъ Госпожу Биллингшонъ запылкомъ въ подбородокъ шакъ сильно, чшо она сбѣла на кресла, съ ношорыхъ-было встала, чшобы приняшь меня. Мучительное замѣнашельство мое можешъ вообразишь одинъ только шогшъ, кто самъ имѣешъ засшбичивый жаракшеръ. Учшивоснь Баронеша мало по малу меня успокоила. Веселосшь жемы его, привѣшливая Милади Дорсетъ и милая разговорчивосшь дочерей меня оживляли; я осмѣлился вмѣшашъ въсколькo словъ въ общій разговоръ, и наконецъ самъ началъ заводишь новыя машеріи. Библіошена сосшавлена была изъ множешва книгъ, прекрасно переплещенныхъ: эшо засшавило меня подумашъ, чшо Баронешъ Биллингшонъ имѣлъ поняшье о шѣвошорыхъ хорошихъ изданіяхъ Греческихъ классиковъ. Баронешъ соглашался со мною во всемъ. Въ шкамѣ, между про-

чими книгами, замѣнилъ я изданіе Ксенофона, состоявшее изъ 16 томовъ — это меня удивило; я любопытенъ былъ развернуть книгу; вспалъ, чтобы вынуть одинъ томъ: Баронетъ, угадавъ мое намѣреніе, вспалъ вмѣстѣ со мною, вбросяши для того, чтобы подать мнѣ Ксенофона; но я, не желая обезпечить его, бросился впередъ, дернулъ книгу — увы! вмѣсто книги я вырвалъ доску, поддланную очень искусно подъ переплетъ, уронилъ ее на столъ, на кошоромъ стояла фарфоровая чернилица — чернилица разбилась — я ахнулъ! — Ничего, ничего, сказалъ Баронетъ — но чернила бежали ручьемъ на прекрасный Турецкій коверъ — я вынимаю плашокъ, оспанавливаю чернила — въ эту минушу сказываю, что кушанье на столъ — кладу поспѣшию плашокъ въ карманъ, подаю хозяинъ руку и мы идемъ въ столовую — по счастью надлежало проходить лишь лишь шесть комнатъ весьма обширныхъ, и я успѣлъ нѣсколько успокоиться. За столомъ посадили меня между Милади Биллингтонъ и старшею ея дочерью. Надобно было говорить — а лице мое, со времени паденія Ксенофона, горѣло какъ уголь. Прошло десять минутъ, кровь моя нѣсколько оспыла, я начиналъ уже чувствовашь, видѣшь, слышашь и даже гово-

ришь — вдругъ новое несчастіе. Миссъ Арабелль, подлѣ которой я сидѣлъ, захотѣлось увидѣть мою печатку — я бросился за часами и опрокинулъ на себя шарелку съ супомъ, копорый былъ горячъ какъ кипятокъ. Салфетка и шелковая исподница были худою для меня защипою: нѣсколько минутъ казалось мнѣ, что ноги мои горѣли на огнѣ; по щастію я вспомнилъ, какое шерпѣнїе оказалъ Баронетъ, когда я наступилъ ему на больной палецъ, рѣшился ему подражать, скрѣпилъ сердце и вынесъ съ прищворнымъ спокойствїемъ ужасную боль отъ ожоги, копорая была для меня сноснѣе коварнаго смѣха людей, стоявшихъ за стульями. Не буду описывать всѣхъ дурачествъ, копорыя удалось мнѣ сдѣлать во время обѣда: разбишый стаканъ, перхопа во время пишья за здоровье Милади Дорсетъ, отъ чего я забрызгалъ виномъ лице Миссъ Арабеллы, разлишый соусъ, спаржа, копорую спараясь поймать языкомъ, посадилъ я себѣ прямо въ носъ, всѣ эши подвиги ничшо передъ послѣднимъ, о копоромъ не могу вспомнишь безъ содроганїя. Миссъ Арабелла просила меня, чшобы я подвинулъ къ ней блюдо съ полердою: въ эшо время держалъ я на вилкѣ кусокъ жареной шиквы; забывшись, чшо она ужасно горяча, кладу поспѣшно ее въ ротъ: языкъ мой

вспыхнулъ; я не имѣлъ силы сокрыть своего мученія; глаза мои выкапнулись наружу и налились кровью — всѣ спарались помочь моему несчастію; одни совѣщивали выпить ложку масла, другіе воды: наконецъ согласились, чтобы я выпилъ рюмку вина. Офиціантъ бросился въ буфетъ, подаль мнѣ полную рюмку; я выпилъ ее съ жадностію . . . но какъ описать вамъ конецъ этого жалоспнаго происшествія? Конечно офиціантъ ошибся, или можетъ быть хотѣлось ему свести меня совершенно съ ума; какъ бы то ни было, но эптошъ мошенникъ вмѣсто вина подаль мнѣ водки и самой крѣпкой — я никакимъ образомъ не могъ ее проглотить; у меня захватило горло, языкъ мой былъ весь въ волдыряхъ, я поперхнулся, водка бросилась въ носъ, брызгала изъ ноздрей, лилась по бородѣ; я хотѣлъ останоить ее, и въ шоропяхъ вмѣсто салфетки вышпцилъ изъ кармана шопъ бѣдспвенной плашокъ, коцорый шакъ пошрадалъ отъ паденія Ксенофона, ушеръ имъ лице и вмигъ сдѣлался чернѣ арапа. Тушъ всѣ, сидѣвшіе за споломъ, и Баронетъ и Милади и дочери ихъ не могли удержашься отъ смѣха: все захохошало. Я вскочилъ со спула, побѣжалъ въ двери, бросился въ карешу и поскакалъ домой съ разпухнувшимъ языкомъ, обваренными

ногами и знакомъ Каинова опроверженія на лицѣ. Какъ вы думаете, милостивые Государи, скоро ли буду опять обѣдять у Баронета Биллингтона, и удастся ли теперь кошпору - нибудь изъ моихъ деревенскихъ сосѣдей залучить меня къ себѣ въ домъ?

II.

Молочница и золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Трудолюбіе и порядокъ вѣрнѣйшіе источники богатства. Жюльетта начала зарабатывать деньги продажей молока въ прошломъ глиняномъ кувшинѣ, и хотя отъ ея деревни до Парижа добрые люди считали болѣе пяти верстъ, но Жюльетта не лѣнилась, и каждое утро, вмѣстѣ съ солнечнымъ восходомъ, являлась на одномъ изъ Парижскихъ рынковъ, продавала свое молоко, попомъ разпѣвая веселыя пѣсенки, возвращалась съ вырученными деньгами въ деревню. Наконецъ скопила она ихъ довольно, могла даже купить осла съ двумя корзинами, и слѣдственно увеличивъ свою торговлю: съ молокомъ начала она привозить въ Парижъ и сыръ и зелень; число покупателей прибавлялось каждый день, и

денъги лепѣли къ ней невидимо опку-
да — пословица говоришь правду : шруд-
нѣе нажишь первые сто франковъ, неже-
ли первую тысячу франковъ. Скоро Жюль-
ешпа принуждена была промѣнять осла,
которой не могъ уже подымать и перено-
сить въ Парижъ всѣхъ ея товаровъ, на
добрую, сильную лошадь — наконецъ ку-
пила и повозку, что было послѣднею сте-
пенью ея честолюбія — повозка, въ ко-
торой могла она возить въ Парижъ мо-
локо, зелень и огородныя овощи, была хо-
рошимъ для нее приданымъ; и черезъ мѣ-
сяцъ послѣ ея покупки Жюльешпа надѣя-
лась выйти замужъ за Башиспа, моло-
даго, зажиточнаго земледѣльца, съ ко-
торымъ общала себя прожить въѣвъ свой
щасливо и покойно — уже въ вообра-
женіи представляла себя маперью много-
люднаго семейства, и видѣла подлѣ себя
спаршую дочь, которая усердно помогала
ей продавать и молоко и зелень и огород-
ныя овощи.

Такъ располагала добродушная Жюль-
ешпа — но судьба расположила совсѣмъ
иначе. Въ одно утро по обыкновенію сво-
ему прѣѣхала она очень рано въ Парижъ
и оспановилась съ повозкою на помѣ же са-
момъ мѣстѣ, гдѣ прежде оспанавливалась
съ осломъ и доброю своею лошадью, запря-

женною пеперь уже въ оглобли. Привязавши ее къ столбу, вошла она въ ближній домъ, въ кошоромъ жопѣла сдѣлать разщепъ съ нѣкощорыми должниками. Одинъ мошенникъ вздумалъ воспользоваться ею опшущсшвѣемъ, не для того чщобы украсшь ея повозку, но чщобы съ помощію эщой повозки сдѣлать воровщво, довольно замысловатое. Эщотъ мошенникъ былъ толстый, высокорослый мужичина, смѣлый, увершливый и безщыдный. Проводивъ глазами Жюльешпу, онъ поспѣшно опшвязалъ ея лошадь, сѣлъ въ повозку, пробжалъ вдоль по улицѣ, опшановился передъ крыльцомъ господина Модрю, золопыхъ дѣлъ масщера, крикнулъ раза два на лошадь, чщобы дашь знашь хозяину, чщо онъ не пѣщъ, вошелъ въ лавку и сказалъ: гдѣ господинъ Модрю, золопыхъ дѣлъ масщеръ?

„Что щebbъ надобно, добрый человекъ?“ спросилъ Модрю, сидѣвшій за работою въ лавкѣ.

Серебряныхъ серегъ! Жена моя, большая нарядница, смерщельно хочепъ имѣшь серебряныя серги, чщобы дивишь ими сосѣдокъ своихъ по воскресеньямъ въ приходской нашей церкви Чщо будешь дѣлать съ эщою прихошницею! вынимай деньги и покупай серги!

„Вотъ самыя лучшїя и дешевыя;“
сказалъ Модрю, подавая ему шри пары.

Хищрый мошенникъ припворился, будто не знаетъ копорыя выбратьъ; нахмурился, пошеръ нѣсколько разъ въ недоумѣнїи лобъ, и наконецъ сказалъ: знаете ли, что я вамъ скажу, господинъ Модрю? Я сбѣгаю къ женѣ: она очень близко опсюда, на рынокъ; покажу ей серги, она выберетъ шѣ, копорыя ей болѣе понравятся; я возвращусь и заплачу вамъ деньги; повѣрьте мнѣ свой шоваръ, право я человекъ честный! а въ залогъ моей честности могу оставишь вамъ повозку и лошадь мою, копорая привязана у крыльца. Модрю, человекъ очень ласковый и учтивый, не захошѣлъ смечалишь добраго мужа отказомъ, ошдалъ ему шри пары сергъ, и оставилъ въ залогъ повозку его и лошадь. Покупщикъ уходишь. Модрю ожидаетъ его возвращенїя; но прошло болѣе получаса — его нѣвиъ. Модрю очень спокоенъ, ни мало не подозрѣвая, что онъ обманушь.

Между шѣмъ Жюльешта, разципавшись съ должниками своими, вышла на улицу — нѣвиъ ни повозки, ни лошади. Начинаетъ спрашивать, куда онъ дѣвались; одна шорговка сказываетъ, что онъ недавно попался какой-шо крестья-

нии, въхавшій шочно въ шакой повозкѣ и на шакой лошади, какихъ описывала молочница. Жюльешша побѣжала вдоль по улицѣ; и повозка и лошадь ея спояли очень спокойно у лавки господина Модрю. Она обрадовалась, побѣжала къ своей лошади и начала развязывать поводъ; но господинъ Модрю, увидѣвъ ее, вышелъ на крыльцо и спросилъ: довольна ли она шѣми сергами, копорыи выбралъ для нее мужъ? Жюльешша, не совѣмъ пришедши еще въ себя отъ безпокойства, и будучи очень занята, не отвѣчала ему ни слова, пошому что не вслушалась и продолжала отвязывать лошадь. Модрю потчасъ замѣшилъ, что онъ обманутъ, пошому что Жюльешша, копорой было не болѣе осмнадцати лѣтъ, сказала ему, что она еще не за мужемъ. Въ досадѣ на оплошность свою, обошелся онъ съ нею довольно грубо, и велѣлъ опвесити ее къ полицейскому приспаву и съ лошадью и съ повозкою. Приспавъ не зналъ, кого оправдать и кого обвинить. Справедливость пребовала, чтобы Модрю не лишился своего шовара; но ша же справедливость не позволяла опнять у Жюльешши повозки ея и лошади, ни почему не принадлежавшихъ господину Модрю. Зрители всѣ вообще были расположены въ пользу Жюльешши, копорая шрогала

своимъ милостивымъ лицомъ, своею молодостию, простиодушїемъ, слезами и горестнымъ положенїемъ; народъ шумѣлъ, бранился и кричалъ, чѣшбъ возвратили молодой молочницѣ ея собственности; но благоразумной приславъ, не обращая вниманїя на шумное прѣбванїе черни, хотѣлъ непремѣнно разсмотрѣшь плямбу судебнымъ порядкомъ. Онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: „Краденую вещь надлежишь опннмать у самаго вора. Переходя въ прѣшья руки, она спановишся уже собственностїю законною: господинъ Модрю не ешь похишишель повозки и лошади, принадлежащихъ Жюльешѣ — онъ были оставлены ему въ залогъ вещи, копорая споишь гораздо менѣе. Опъ кто же прѣбвашь удовлетворенїя? Конечно онъ самаго вора! И пока онъ не будешь пойманъ, по шѣхъ поръ оспашся въ убытокъ шотъ, копорый имъ обокраденъ!“ Въ слѣдствїе эшаго разсужденїя, приславъ рѣшилъ, чѣшбы повозка и лошадь были проданы, чѣшбы изъ вырученныхъ денегъ вычтено было то, чего споиши серьги, и чѣшбы оспальное опдаво было Жюльешѣ.

Жюльешша огорчилась, услышавъ эшотъ приговоръ, копорый находила жестокимъ и несправедливымъ; она заплакала;

участъ ея разстрогала сердца предстоящихъ. Модрю, копорый, не смотря на вспыльчивый нравъ, имѣлъ очень доброе сердце, чувствуя, что Жюльетту нельзя было обвинять въ покражѣ его вещи, спросилъ: опъ чего была она шакъ сильно огорчена своею потерею ?

Ахъ, милоспивый государь! съ моею повозкою и лошадыю теряю все свое счастье; опвѣчала Жюльетта, и начала съ милымъ прососердечіемъ рассказывать, какимъ образомъ нашла она деньги, купила сперва осла, потомъ лошадь, потомъ повозку, потомъ начала думать о замужствѣ, и нашла себѣ жениха, молодого Башисша!

Ты хочешь выдти замужъ, добрая Жюльетта? сказалъ Модрю. Очень хорошо; шеперь, имѣвши прекрасный случай испытать, каковъ швой будущій мужъ и искренно ли онъ къ тебѣ привязанъ, вели объявить ему о швоемъ нещасіи — жочу увидѣшь, какъ онъ поступитъ; не опасайся, мой другъ, ничего! Если швой Башисшъ окажется неблагодарнымъ, шю я берусь за тебѣ опмстить, и можешь быть ны не будешь имѣть причину почитать себя недовольною.

Жюльетта не могла угадать намбрѣнїя господина Модрю; но она согласилась на его шребованїя. Послали за Баписпомъ, между шѣмъ золошыхъ дѣлъ масперъ разговаривалъ съ Жюльеттою. Хотя не умѣлъ онъ осыпать женщинъ шѣми привѣтсвїями, кошорыя обыкновенно нравятся ихъ самолюбїю; но въ обхожденїи своемъ, голось, лицѣ и выраженїи имѣлъ онъ — чрезвычайно много прїяшнаго. Бапистъ наконецъ явился; онъ принялъ очень холодно извѣстїе о несчастїи Жюльеттиномъ, обвинялъ ее въ неосшорожности, и никакъ не согласился заложить своихъ серебряныхъ часовъ, чшобы подать ей нѣкошорую помощь.

„Жюльетта! — сказалъ господинъ Модрю — женихъ швой не очень услужливъ.“

Жюльетта плакала горькими слезами. Ахъ, Царь небесный! — говорила она, утирая глаза передникомъ — я цѣлымъ свѣтомъ оставлена.

„Спыдись обижать людей, милая Жюльетта; сказалъ Модрю, взявъ ее за руку. Я знаю одного человекъ, кошорый еще молодъ, имѣешь хорошее состоянїе, хорошей кредитъ, и вѣрно будешь согласенъ за себя поручиться!“

Кшожь эшомъ добрый человекъ?

„Я самъ, Жюльетта! охотно за тебя ручаюсь; но только съ тобой, чтобы ты согласилась выйти за меня за - мужъ!“

Ахъ, милосливый государь! но вы меня не знаете!

„Очень знаю, милая!“

Но Баписъ!

„Оставь Баписъ; онъ тебя не споитъ; онъ любитъ одного только себя. Пойдемъ ко мнѣ въ лавку; ты будешь продавашъ мои шовары и вещи мои щеты въ то время, когда я буду работашъ — помни, мой милый другъ, что надобно бышь оспорожною; что много найдешь на свѣтѣ злыхъ людей, которые живутъ на щетѣ просподушїя добрыхъ.“

Баписъ не вѣрилъ самому себѣ, негда увидѣлъ, что Жюльетта, общавшая выйти за него за - мужъ, рѣшилась его оставишь и опдала руку свою другому: но дѣлать было нечего; онъ самъ корыстолобїемъ своимъ навлекъ на себя нещасїе. Мудро не хотѣлъ однако оставишь и его въ печали: онъ подарилъ ему Жюльеттину повозку и лошадь. Приносишь намъ, сказалъ онъ, каждое утро молоко и зелень, за что всякой день будешь видаться съ Жюльеттою.

III.

О веселости.

Веселость есть самый щастливый даръ Природы; съ нею существуемъ пріятнѣйшимъ образомъ какъ для себя, такъ и для другихъ; она замѣняетъ остроуміе въ обществѣ, и самое общество въ уединеніи; она есть первая прелестъ молодыхъ лѣтъ и прелестъ единственная старыхъ; она по же въ отношеніи къ унылости, что радость въ отношеніи къ горю. Веселость и унылость — постоянный характеръ, а радость и горестъ — временное положеніе; не рѣдко человѣкъ, самый веселый по характеру, бываетъ обремененъ несносною горестію. Никогда почти веселость не бываетъ тамъ, гдѣ нѣтъ здоровья. Скарронъ былъ забавенъ; но я не думаю, чтобы онъ могъ быть веселъ. Истинная веселость разливается по жиламъ нацимъ вмѣстѣ съ кровью и жизнію; подруги ея: свобода и невинность. Веселость наружная есть не иное что, какъ цвѣтъ искусственный, который на одну минуту обманывается зрѣніе. Веселость должна присутствовать за споломъ: но весьма не рѣдко стоишь только призвавъ ее, чтобы удалиться; вездѣ ею величаются; приглашаютъ ее на всѣ обѣды; но вмѣсто ее обыкновенно является скука. Съѣтъ полонъ

птяжелыми оспроумцами и скучными забавниками, которые твердо увѣрены, что они веселы, потому что заспавляющѣ другихъ смѣяться. Когда бы надлежало мнѣ изобразить однимъ словомъ веселость, соединенную съ благоразуміемъ, добродѣтелію и благороднымъ наслажденіемъ чувствъ и сердца, я написалъ бы просто: *Философія*,
Буфлеръ.

IV.

Разговоръ Моды съ Разсудкомъ.

Разсудокъ.

Позволише ли сказать вамъ одно слово, госпожа Мода?

М о д а.

Одно слово, господинъ Разсудокъ? Не много ли эшаго?

Разсудокъ.

Много? одного слова много? Не стыдно ли вамъ, милоспивая государыня, лѣнишься выслушать одно слово!

М о д а.

Какой же стыдъ, господинъ Разсудокъ! думала ли я когда-нибудь съ вами разговаривать?

Разсудокъ.

Это правда, милоспивая государыня; не лзя попрекнушь вамъ, чшобы вы заговаривались съ бѣднымъ Разсудкомъ; но согласись, что намъ не худо было бы жить подружйе.

М о д а.

Съ ума вы сошли, государь мой! намъ подружисья? и вы и я непременно погибнемъ!

Разсудокъ.

Объяснишь! я худо васъ понимаю.

М о д а.

Вы ни на часъ безъ объясненя! совъшшую вамъ вспомнишь пословицу: умному полслова! Коротко да ясно: кредитъ мой пропалъ, ешлы замѣшались, что я имъю съ вами сношеняе.

Разсудокъ.

Осмѣливаюсь сказать, что вы даеши мнѣ весьма худое понятяе о вашихъ обожашеляхъ и любимцахъ.

М о д а.

Я мало слыжала обв вашихъ! и много ли ихъ? право не знаю. Давно уже говоряшъ, что ваши владѣня нѣсколько запустѣли.

Разсудокъ.

И говоряшъ правду — во въ этомъ надобно обвиняшъ ваше кокепсшво, мило-

спивая государыня! каждый день похищае-
ше вы у меня по нѣскольку вѣрнопод-
данныхъ.

М о д а.

Я никого не думала похищать. Мое
дѣло явишься — и всѣ за мною слѣдуютъ.

Р а з с у д о к њ.

Но скажите по совѣсти, не чудно
ли, что васъ предпочитаютъ мнѣ?

М о д а.

Какой неучпивецъ! прямой Разсудокъ!
вольно вамъ никогда не мѣняться, и быть
вѣчно одинакимъ.

Р а з с у д о к њ.

Разсудокъ не долженъ мѣняться!

М о д а.

Поэтому — по онъ и скученъ.

Р а з с у д о к њ.

Но, милоспивая государыня, не ду-
маете ли, что я совершенно всѣми оспа-
вленъ?

М о д а.

Да — можетъ быть — найдется въ
вашей свѣтѣ нѣскольکو угрюмыхъ уроковъ,
которыя сами спыдаютсяшой роли, ко-
торую играютъ противъ желанія. Мои
обожатели всѣ на лицо — а ваши скры-
ваются.

Р а з с у д о к њ.

Смѣйшесь, милоспивая государыня —
но каждый изъ обожателей моихъ бываешь.

щедро награжденъ за временное свое *inco-*
gnito. Мудрецъ умираетъ — и цѣлый мѣръ
спѣшитъ на поклоненіе гробу его; потомъ
и обожаютъ его память.

М о д а.

Нечего сказать, завидное наслажденіе!
Но знаете ли, милоспивый государь, что
это наслажденіе царь неразлучно съ смер-
тію, что непременно должно исчезнуть,
если вашему покойнику вздумается
весьма не вснати воскреснуть.

Р а з с у д о к ъ.

А кто даетъ славу заслуженную? Не
вы ли?

М о д а.

Положимъ, что вы; а кто блестящую?

Р а з с у д о к ъ.

Передъ вами блестящая слава, я до-
вольствуюсь истинною; мое дѣло возбуж-
даетъ удивленіе въ подвигахъ великихъ, а
ваше оглушаетъ одними хлопучками, или
слѣпшитъ глаза близорукихъ глупцовъ шу-
михою. Мнѣ ли неизвѣстны тѣ клубы, въ
кошорыхъ вы изволише предсѣдательство-
вать, и тѣ коншоры, кошорыми премудро
и славно управляете. Не вы ли безъ
всякой мѣры, безъ всякой основательности
раздаете богатство, достоинство,
славу, или ругательство, стыдъ, посмѣ-
даніе? Герои вашего руководья не иное что,

какъ призраки, созданные Армидою; по вашей милости человекъ, одаренный истиннымъ гениемъ, принимается за глупца, а глупый, который не умѣетъ двухъ перечесть, называется гениемъ первой степени.

М о д а.

Чтожь это за пресупленіе? Любимцы мои отъ того не спрадуютъ, и міръ не осмѣется въ накладъ: заблужденіе для него необходимо! Чѣмъ, скажите, чѣмъ бы вы заняли этихъ младенцевъ, когда бы надлежало привязываться только къ тому, что называется у васъ основательнымъ, благоразумнымъ?

Р а з с у д о н ъ.

Я бы и не подумалъ жаловаться, когда бы заблужденія, въ которыхъ вы по милости своей заводите цѣлый свѣтъ, не были часшо важныя и весьма важныя. . . .

М о д а.

А какихъ бы вамъ хотѣлось, милостивый государь? Бездѣльныхъ, робяческихъ? Но этого и для меня и для людей было бы слишкомъ мало. Знаете ли, что инокотораго рода упоеніе для людей необходимо? Приличнѣйшее, или лучше сказать, самое щасливое для нихъ состояніе, господимъ Разсудокъ, есть то забвеніе самихъ себя, въ которомъ они лишаются

способности умственовать (по моему безумственовать), и непримѣнно, безъ всякаго скачка, переходящъ изъ одного заблужденія въ другое. Человѣческая жизнь показалась бы слишкомъ долгою, когда бы человекъ осужденъ былъ всегда одинакимъ образомъ видѣть, одинакимъ образомъ дѣйственовать, одинакимъ образомъ мыслишь, и словомъ, бышь нынѣ такимъ точно, какимъ былъ вчера, будещъ завтра, и будещъ вѣчно. *Катись по свѣту, не бойся олицрачься*, говоритъ писатель, кошорой мнѣ одной обязанъ шѣмъ, что его вышацили изъ паушины и пыли, и начали славишь.

Разсудокъ.

Вамъ? . . . . Перекреститесь! вамъ обязанъ Монпанъ уваженіемъ нашего времени?

М о д а.

Мнѣ, государь мой, не взыщете!

Разсудокъ.

Съ вашего позволенія, это выдумка!

М о д а.

Выдумка или нѣтъ — но въ моей власци и выдумку сдѣлашь истинною.

Разсудокъ.

Чего добраго! Мы давне привыкли удивлячься чудесамъ вашего руководѣльа.

М о д а.

То ли еще увидите! На примѣръ: вы не повѣрите, естли доложу вамъ съ совершенною преданностию, что вашъ первый шрагивъ, *Корнель*, прозванный *великимъ*, былъ мой воспитанникъ!

Р а з с у д о к ъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Имѣю честь васъ поздравить съ такимъ воспитанникомъ!

М о д а.

Угодно ли выслушать мои доказательства? Корнель явился въ такое время, когда пожаръ, зажженный междоусобными войнами, или лучше сказать, мною; во Франціи, пошухнулъ, еще дымился. Французскія головы почипали себя Римскими, именно пошому, что были нѣсколько времени сумасбродными. Рицелье принуждалъ ихъ къ повиновенію — и все повиновалось въ слухъ, но все ропшало пошепшомъ. Чшожь сдѣлалъ Корнель! Онъ воскресилъ Римлянъ, заспавилъ ихъ говорить на сценѣ пѣмъ языкомъ, какимъ современники его говорили у себя дома или въ кругу коропкихъ пріятелей; онъ все возвысилъ, и многое сдѣлалъ гигантскимъ. Современники его выпягивали шею и подымались на цыпочки, чшобы сравниться росшомъ съ его великанами; прибавше къ симъ шайнымъ причинамъ заблужденія

неоспоримыя причины великаго духа Корнелева, и способы, которыми онъ приобрѣлъ славу свою, будутъ вамъ совершенно извѣстны.

Разсудокъ.

Позвольте, позвольте — а Расинъ? Вы сами должны признаться, что способы, употребленные симъ великимъ прагматомъ, совсѣмъ прошивны Корнелевымъ!

М о д а.

Однако указаны мною. Французы, наскучивъ республиканствомъ, начали заниматься любовію. Любовь и женщины вошли въ моду — и главною спрасію въ прагедіяхъ Расиновыхъ сдѣлалась какая-то любовь.

Разсудокъ.

Но онъ перемѣнилъ языкъ, когда подружился со мною! И эшотъ языкъ несравненно превосходитъе первого; не правда ли?

М о д а.

Можетъ быть; но какую пользу принесла эша перемѣна самому стихотворству? Онъ умеръ, не будучи увѣренъ, что Апатія, послѣдняя и лучшая его прагедія, переживетъ его и даже будетъ прочитана жюжорымъ-нибудь изъ попомковъ его отъ первой сцены до послѣдней.

Разсудокъ.

Извинише — я шепшаль ему на ухо, чшобы онъ ни о чемъ не беспокоился. Не я напомню вамъ еще объ одномъ чело-вѣкѣ, кошорый, надобно признаться, уди-вишельнѣ всѣхъ вашихъ Корнелей и Ра-синовъ. Онъ нѣсколько времени блиспаль на сценѣ прагической — но способы его были совсѣмъ иные! Въ прагедіяхъ его ни полипика, ни любовь не соспавляютъ главнаго предмета; онъ приводилъ въ дѣй-ствіе всѣ спрассти, всѣ склонности, всѣ качесшва челошческаго сердца, и всѣ ве-ликія пружины Природы; онъ даже осмѣ-лился бышь моралиспомъ.

М о д а.

Вы говорише о Вольперъ — я знаю, и оцень корошко знаю эшаго челошкна.

Разсудокъ.

Шушите, милосшивая государыня!

М о д а.

Какія шушки — Вольперъ частехонь-ко приходилъ шребовать моихъ совѣшовъ, и можетъ бышь чаще другихъ философовъ, испориновъ и спихошворцовъ.

Разсудокъ.

Поздравляю! слѣдсшвенно госпожа Мо-да иногда изволила занимашься и нраве-ученіемъ!

М о д а.

Чѣмъ же я хуже другихъ? Было такое время, когда я занималась и аспрономією, когда цѣлыя сопни Парижскихъ дамъ бѣгали за мною въ анапомическій кабинетъ смонрѣшь, какъ попросили мертвыхъ; или въ химическую лабораторію наблюдать вонючіе законы гнѣенія. Сказавъ мимоходомъ, я непременно хочу, чтобы женщины узнали всѣ тайны Природы, продолжая однако сохраняшь про себя обязанности.

Р а з с у д о к ъ.

А я скажу, что я разсердился бы на васъ, милосливая государыня, когда бы могъ на минушу забыть, что я Разсудокъ.

М о д а.

Сердишесь, сколько хотите. Но время и кончишь нашъ разговоръ! повѣрьте мнѣ, что вы лишитесь всѣхъ своихъ правъ, если не будете имѣть уваженія къ моимъ.

Р а з с у д о к ъ.

Мои права останутся навсегда драгоценными для такихъ людей, которые никогда не видали васъ въ глаза. *Мильтонъ, Тассъ, Ла Фонтень* были забыты еще современниковъ, за что никогда не умрутъ въ попомствѣ.

М о д а.

А естли бы я еспунила за эшихъ господъ, то они могли бы пожить и прежде смерти.

Р а з с у д о к ъ.

Признайшесь, что васъ уважаютъ только тогда, когда вы кажешесь мною. Къ тому же я старше васъ: вы еще не родились, когда я управлялъ уже цѣлымъ свѣтомъ.

М о д а.

Не вѣрю.

Р а з с у д о к ъ.

Но скажите сами, кто думалъ просить вашихъ совѣтовъ въ то время, когда всѣ люди жили полѣсамъ, въ состоянїи простой напуры, пипались желудями, носили вмѣсто одежды звѣринья кожи, или и совсѣмъ не знали одежды, не брили бородъ, не спригли ногшей? . . .

М о д а.

Какъ, господиъ Разсудокъ, вы хвастаешесь своими сношенїями съ этими неряхами! — шѣмъ хуже для васъ.

Р а з с у д о к ъ.

Но эти неряхи сдѣлались людьми, какъ скоро меня узнали.

М о д а.

А сдѣлавшись людьми, они узнали меня.

Разсудокъ.

Мною преобразовано множесство народовъ.

М о д а.

А мною образованы всѣ до одного.

Разсудокъ.

Я управлялъ древнею Спаршою, древнимъ Римомъ.

М о д а.

И былъ по милости моей выгнанъ изъ обоихъ. Я управляю Парижемъ, и вѣрно во вѣки вѣковъ не уступлю мѣста Разсудку.

Разсудокъ.

А надобно признахся, что мое присутствие было бы не лишнимъ въ вашемъ Парижѣ!

М о д а.

И! господинъ Разсудокъ! не совѣщую вамъ и показываться въ Парижѣ; васъ засмѣютъ. Живите съ Англичанами, читайте газеты, пейте ромъ, говорите God dam, и Богъ съ вами!

Разсудокъ.

Я думаю — что намъ не худо было бы сдѣлать небольшое дружеское условіе!

М о д а.

Понимаю — но это весьма щегошливое дѣло! бѣда есшьли узнаюшь, что мы помирились, что вы сущесствуете мною, а я вами.

Разсудокъ.

Будемъ скромны — и никто не узнаетъ!

М о д а.

А подозрѣнїя? — слухомъ земля полна, господинъ Разсудокъ! . . . Но теперь на первой случай довольно — время дорого; вы знаете, что я существую только минушами — завтра надобно явиться мнѣ въ новомъ видѣ — а вы оспаривайте при своемъ — будете время — тогда посмотримъ — можете быть — однако не даю слова — первѣнїе, скромность — лучше всего не сказывайте ни кому, что вы со мною видѣлись, и ради Бога, не спарайте меня увидѣшь — а если уже это будетъ крайне нужно, то приходите по крайней мѣрѣ въ маскѣ, на примѣрѣ можете занять Армянское платье и колпакъ съ гремушками у Мома — но всего безопаснѣе ждите приглашенїя отъ меня — и пришлю за вами — простите.

V.

У ж а с ъ!!

Я лежалъ очень спокойно въ постелѣ и думалъ о томъ, что случилось со мною вчера — вдругъ отворяющія двери моей

спальни; входивъ человѣкъ очень важнаго лица, въ бѣломъ плащѣ, съ бѣлыми волосами — словомъ сказать, съ такою наружностію, которая непредвѣщала мнѣ ничего добраго. Онъ вликнулъ меня охриплымъ голосомъ по имени, и велѣлъ мнѣ какъ можно скорѣе всѣваться съ постели. Я повиновался, прелепца какъ пресупникъ; надѣлъ на ноги шупли, набросилъ на плеча шлафрокъ и ожидалъ въ недоумѣніи, что скажетъ мнѣ ужасный незнакомецъ, котораго непременно почелъ бы прищельцомъ съ того свѣта, завернувшимъ въ гробовой саванѣ, когда бы въ то время было двенадцать часовъ ночи, а не одиннадцать часовъ утра. Онъ приближается ко мнѣ, сажаетъ меня подлѣ окна на стулъ; и я не успѣлъ мигнуть, какъ былъ уже окупанъ въ бѣлое полошню, которымъ онъ крѣпко стянулъ мнѣ шею. Господи! прими душу мою, сказалъ я, вообразивъ, что эшотъ гость разсудилъ меня удавить. Но онъ не хотѣлъ уморить меня легкою смертію; звѣрское сердце его желало подолье насладиться моимъ страданіемъ: онъ вынулъ изъ кармана бѣлое круглое вещество и началъ имъ съ ужасною силою тереть мнѣ щеки, носъ и губы; я жался, морщился, не смѣлъ кричать, но чувствовалъ, что онъ сдираетъ съ лица моего кожу; холодный потъ бѣжалъ по

щекамъ моимъ ручьями; въ минушу все мое лице покрылось пѣною, дыханіе остановилось въ груди моей, губы мои были сжаты и ноздри мои ужаснымъ образомъ раздувались. Мучитель, желая переменить пышку, вынулъ изъ кармана орудіе, похожее на ножъ, чрезвычайно острое и блестящее — приспавилъ его мнѣ въ горлу — я былъ на волосъ отъ смерти, чиналъ отходную, чувствовалъ уже шекущую изъ горла моего кровь — но эшотъ злодѣй, насладившись моимъ ужасомъ, и не желая вдругъ пресѣчь своего удовольствія, спрячалъ свой ножъ, обшеръ лице мое укусомъ, отъ котораго почувствовалъ я страшную боль въ моихъ ранахъ, и остановилъ бѣгущую по лицу моему кровь. Глаза мои были уже сомкнушы; но боль, произведенная укусомъ, принудила меня опять ихъ открыть. Смошрю — о небо! новый ужасъ! эшотъ злодѣй накинулъ на меня другое полошню, въ которомъ зашупались мои руки, схватилъ меня за волосы, началъ прижигать мнѣ голову разкаленнымъ желѣзомъ, ершилъ ее шакъ ужасно, что жилы мои всѣ надулись и гошовы были лопнушы, пошомъ вздумалось ему напустить мнѣ въ глаза пыли — наконецъ (можетъ быть и самъ онъ наскучилъ моею пышкою) схватилъ онъ огромныя ножницы, острия какъ бришвы,

и приготовился перерезать ими мнѣ шею, какъ нижку; но я замахалъ рукою, и въ щаспїю имѣлъ довольно присущивїя духа, чшобы бросить ему въ глаза нѣсколь-ко серебряныхъ денегъ — онъ наклонил-ся, чшобѣ подобрашь ихъ, а я воспользо-вался эшою минушою, чшобы схватишь лежавшїй на шуалешѣ моемъ ножикъ. Увидя меня вооруженнымъ, онъ испугался, побѣжалъ въ двери и скрылся. Я не имѣлъ и въ мысляхъ его преслѣдовать; душа моя едва держалась въ шѣлѣ. Пришедши нѣсколько въ себя опѣ ужаса, иду къ зер-калу, чшобѣ увидѣшь, какъ иауродовалъ меня эшопѣ разбойникъ, смопрюсь въ него и вижу, что я — выбришь, осприжемъ, причесанъ и напудренъ. Тогда - шолько загадка для меня объяснилась; заблужде-нїе мое произошло опѣ шого, что мой знакомый цирюльникъ и парикмахеръ за-немогъ, а вмѣсто его брилъ и чесалъ меня другой, копорого я никогда не видывалъ въ лице. Я засмѣялся, кликнулъ камер-динера, одѣлся, и поѣхалъ въ Англїйской клубъ обѣдать.

VI.

Къ К. Е. Д. III.

(Приглашеніе въ деревню.)

Wide flush the fields; the softening air is balm;
Echo the mountains round; the forest smiles;
And every sense, and every heart is joy.

*

Весна въ деревню васъ съ собою вызываетъ;
Деревня храмъ весны, — Оставьте мрачность
стѣнъ,

Оставьте городской темницы скучной плѣнъ;
Громада камней сихъ Природу омрачаетъ
И воздухъ тмился здѣсь въ сгущенныхъ
облакахъ!

Здѣсь започеніе — свобода на лугахъ!
Въ деревнѣ можно лишь намъ прямо насла-
ждаться

И живо ощущать всю цѣну бытія:
И возрожденною Природой восхищаться,
И въ умиленіи хвалить Творца ея! —
Тамъ ошдыхъ для души чувствительной и
нѣжной!

Тамъ миръ и щедріе гуляющъ средь полей.
Природа тамъ мила, плѣнительна, любезна,
Какъ вы шеперь въ веснѣ своей.

Любимицу свою Природа приглашаетъ
На пиръ весенній свой!

Хозяйка мудрая! всецѣдрою рукой
Она даритъ всегда, и скудости не знаетъ.

Свѣщите къ ней теперь: она вамъ въ встрѣ-
чу шлетъ

Зефировъ рѣзвыхъ и прохладныхъ ;
Душистый фиміамъ съ цвѣточковъ аромат-
ныхъ

Ихъ рой услужливый въ гостинецъ вамъ
несетъ !

Вамъ улыбаются и рощи и долины ;
Готовы деревья подъ сѣнью васъ скрывать ,
Готовы пѣсни птицъ вашъ слухъ обворожать ,
И холмы ближніе , и лѣсъ далеко - синий ,
И воды зеркаломъ блистаючи въ брегахъ ,
И разноцвѣтные лучи на облакахъ ,
Все вамъ утѣхи общаетъ .

Элиза! дорогъ часъ — пока цвѣтокъ блис-
таетъ ,

И радуетъ юная смѣется средь луговъ ,
И соловей поетъ въ честь Флориныхъ даровъ ,
Не медлите — вы все имѣете съ собою !
Вашъ просвѣщенный умъ способенъ разумѣть
Природы дивный кругъ , какъ стройною чредою
Порядокъ перемѣнъ таинственныхъ печетъ ;
Въ васъ сердце нѣжное любитъ ее умѣетъ ;
Вашъ тонкой , вѣрной вкусъ способенъ раз-
личить ,

Гдѣ больше прелести краса ея имѣетъ ,
И наслажденіе умѣетъ усладить !
Въ часъ алая зари , какъ ушренній пѣвецъ ,
Взвиваясь къ небесамъ , раскатитъ голосъ
звонкій ,

И поле огласитъ ; когда звѣшилъ отецъ ,

Поднявшись надъ холмомъ, шумаяъ разсѣетъ
И проберется свѣтъ по зелени листовъ;
Обширной лугъ въ росѣ, какъ въ искрахъ
И стадо пестрое ночной оставитъ кровъ:
Тогда хвалебный часъ Создашело настанетъ;
Тогда работы общей часъ —
Тутъ силы тѣла укрѣплены,
И умъ для дѣйствія и жизни обновленный,
Способнѣй для трудовъ — тогда я вижу васъ
Во цвѣтѣ здравія и юности румяной
И съ кроткой радостью въ сіяющихъ глазахъ;
Спѣшите вы иль въ садъ пріятной,
Или собирать цвѣты на шелковыхъ лугахъ;
Вездѣ спокойствіе невинности, свободы,
И размышленіе сопровождающъ васъ.

Великіе пѣвцы Природы

Займутъ прогулки вашей часъ:

Томсонъ, Делиль, и Клейстъ, и Геснеръ не-
сравненный
Бесѣдой усладятъ вашъ путь уединенный,
И душу приведутъ поэзіи въ восторгъ! —
О даръ поэзіи! ахъ еслибъ злбный рокъ,
Назначившій меня — быть можетъ — здѣсь
Обрекшій — можетъ быть — мнѣ горести
Къ усугубленію свирѣлости велѣлъ,
Любить поэзію, Природу отказать,

И сердце зашворишь для тѣхъ небесныхъ
чувствъ,
Которыя онъ въ страдальца проливаютьъ ;
Ябъ съ завистью смотрѣлъ, какъ люди умираютъ ,

И мѣръ бы для меня ужасенъ былъ и пусть!
Такъ насладившись прогулкой и досугомъ,
Вы возвратитесь домой къ своимъ прудамъ;
Работа съ отдохомъ, смѣняемы другъ дру-
гомъ ,

Для наслажденія раздѣлять время вамъ.

Когда же солнца свѣтъ угаснетъ за лѣсами
И вечеръ въ тишинѣ съ росой въ луга сойдетъ,
Простретъ молчаніе свой скипетръ надъ хол-
мами ,

И въ берегахъ ручей заснетъ ;
Вы съ Музой за клавиръ. Подъ легкими пер-
стами

Прелестныхъ звуковъ строй
Появись чрезъ окно отверстное струей ,
Достигнетъ ближней рощи ,
Обворожитъ обитель ноци ,
И намъ соперника разбудитъ соловья! . . .
Быть можешь, иногда вечернею порою ,
Когда сквозь завѣсу угрюмыхъ, черныхъ тучъ
Луна прольетъ свой тусклый лучъ ,
Едва мелькающей надъ темною рѣкою ,
И блѣдно освѣщать васъ будетъ подъ окномъ :
Мечты пріятныя слетятся къ вамъ полною ;
Сей , въ розовыхъ вѣнкахъ, игривый, милый
сонмъ ,

Волшебной еялою фантазію возбудишь ;
И все вокругъ озолотишь ;
Тогда душа сей свѣтъ юдольный позабудетъ ,
Въ обитель лучшую мгновенно прелетитъ ,
И счастье новое себѣ тамъ сотворитъ !
Когда же дикій вой совы , въ дуплѣ стелящей ,
Придетъ по вѣтерку въ вашъ слухъ ,
Средь общей шишины , глубоко вокругъ мола-
чащей ,
Иль громъ разящій все , и дождь шумящій
вкругъ ,
Борясь на мрачномъ неба сводѣ ,
Осиротятъ Природу вдругъ ! . . .
Тогда прелестный міръ фантазіи пріятной ,
Какъ быстрая мечна минетъ ;
Кисель меланхоліи унылой , но отрадной ,
На всѣ предметы тѣнь печальну наведетъ !
Сіе забвеніе души , собою полной ,
Для сердца нѣжнаго есть даръ благихъ Небесъ !
Ты дорогъ , сладкой часъ задумчивости помной !
Ахъ ! кто не плакалъ здѣсь
Объ горестяхъ своихъ , не сострадалъ дру-
гому ? . . .
Кто можетъ чувствовать Природы кра-
соты ,
И сердце посвятилъ любви къ добру свя-
тому ,
И духомъ выше сталъ грезѣнной суеты ,
Тотъ щасливъ , тотъ мудрецъ на
свѣтѣ !
Вы знаете , какъ здѣсь непроченъ ясный Май ,

Какъ юношь насъ бѣжитъ, какъ роза вя-
нетъ въ цвѣтѣ
И исчезаетъ вмигъ очарованій рай!
Превращность есть уставъ Природы неиз-
мѣнный!

Всему, всему своя чреда! . . .

Но вамъ ли въ мірѣ сѣмъ бояться сей премѣны;
Прекрасная душа прекрасна навсегда!

1807 года.

Буринскій.

въ Маѣ.

VII.

*Письмо изъ Иерусалима къ Па-
триарху Иерусалимскому.*

Съ какою чрезмѣрною печалію, пора-
жившею духъ нашъ, съ какими изъ глу-
бины сердца вырывающимися воздыхані-
ями, и съ какимъ пролишемъ горькихъ
слезъ, смѣшанныхъ при всемъ томъ съ
воцлями благодаренія ко Господу Богу,
мы намѣрены мысленно предшасть чрезъ
се, всего сословія нашего писаніе, предъ
Святѣйшество Ваше, не радостную ка-
кую вѣсть сообщая вамъ, но ужаснѣйшее
плачевное зрѣлище безушѣшнаго нещастія,
насъ постигшаго; и именно пожара, по-
пущеніемъ Божіимъ за грѣхи наши, всю
Святую Гроба Господня обитель въ пе-

пелъ обратившаго, описывая. Но какой другой безумно-сбшующей Геремїа можешъ довольно извяснишь и доспойно оплакашь сїе несчастное произшествїе! Оно случилось въ послѣднихъ числахъ минувшаго Сентября, въ заупрению, въ четвертомъ часу по полуночи, въ среду, въ день, въ который празднуется память Священномученика Григорїя Великой Арменїи; день, назначенный бышь для насъ днемъ великаго плача и безумнои горести, попущенїемъ праведныхъ, неиспытанныхъ судебъ Божїихъ. Вотъ подробности сего произшествїя: — Армяне, за двѣ недѣли передъ тѣмъ, выслали изъ монастыря своего двухъ беспорядочныхъ братьевъ въ обитель Святаго Христова Воскресенїя; сїи бездѣльники, въ ночи помянутаго числа, напившись пьяные, и будшо бы желая опмспить начальникамъ, сославшимъ ихъ, силою демона подстрѣкаемые, положили на шрапезу церкви, въ которой они служили, зажигательную шрубку, разными горючими веществами заряженную, прошивъ самыхъ окошекъ олшаря церкви нашей во имя Царя Константина, и зажгли оную, дабы сжечь одну лишь только церковь свою; а другїе утверждаютъ, что они сб вѣдома начальниковъ своихъ, нарочно зажгли эту церковь, дабы, давъ сторѣшь нѣкошо-

рой части ея, выпроишь попомъ лучшую и обширѣйшую, и что у нихъ давно уже было въ мысляхъ и матеріалъ былъ на то заготовленъ. Но пламя слишкомъ распространилось; не смотря на всѣ усилія, попушишь онаго не могли; ударили въ желѣзное клепало въ набатъ. Мы только что начали пѣшь въ церкви Святаго Константина канонъ; услышавъ тревогу, и не понимая что бы это значило, выбѣжали изъ церкви, и увидѣли пламя, изъ окошекъ выходящее, и все, что было деревянное, обхватившее. Опасаясь, чтобъ не занялся большой, свинцемъ покрытой, куполъ (что надъ гробомъ Господнимъ), побѣжали мы, вся братія, старой и малой, сколько насъ шуть на ту пору случилось, на мѣсто пожара; держа въ рукахъ разные съ водою сосуды, старались изъ верхнихъ церковныхъ окошекъ, что прошивъ колокольни, залить огонь; но всѣ наши усилія были тщетны: ибо разстояніе было шакъ велико; что вода не могла достать шуда, гдѣ горѣло. Позваны были пошчасъ на помощь приврашники; но они не прежде, какъ часъ спустя, пришли и опперли святыя ворота, когда все уже, что Армянамъ принадлежало, занялось. Помомъ, увы! о Боже! занялся и большой куполъ, которой всепожирающее пламя въ одинъ часъ со-

жгло и въ пепель обратило. Пламя шаръ было велико, что весь Иерусалимъ съ окружностями освѣщило. Въ то же время сгорѣли и мѣста, Римскими и Нопшическими называемыя, Армянамъ нынѣ принадлежащія; свинецъ весь, какъ на большомъ куполѣ бывшій, шаръ и на маломъ, что надъ гробомъ Господнимъ (ибо и меньшей шаръ же сгорѣлъ) и все, что было подвержено огню, учинилось жершвою онаго. Колонныжъ вокругъ гроба Господня стоявшія, большія и малыя, всѣ распрѣскались, сгорѣли и въ прахъ превращены; не пощажены также были и свящныя вороны, и келія ризничаго, и всѣ надъ ней находившіяся деревянныя келіи; равно и на Свяшой Голгофѣ, и въ алшарѣ бывшее: ризница, большой иконостасъ большой церкви, иконостасы придѣловъ, свишая прапеза, жершвенникъ, горнее мѣсто въ алшарѣ, и оба мѣста Паптрїаршее и Архїерейское; колонны вокругъ алшаря всѣ распрескались, и куполъ каменной сѣни, ихъ прѣосвѣнявшей, обрушился; кровля церкви, надъ Армянскою построеною, всѣ ризы, сосуды, мощи и иконы, лампы и свѣщники распонились и въ прахъ превращены. Толь ужасной пожаръ, люпосїїю своею превосходившій даже пламень пещи Халдейской, обратилъ въ пепель всю свящую обитель, кромѣ одной Свящныя пещеры гроба Господня,

коея дверей опниудь: пламя не коснулось. Безспыдной же полмачь изв Армянъ самъ проговорился, сказавъ: мы не чаяли, чшобъ эшо могло имѣшь такія слѣдствія. По окончаніи пожару, какъ православные Христіане, такъ и Франки и Армяне занимались свозкою камней и земли, каждой изв своего мѣста, которое было по нужнѣ: чшо и продолжалось до субботы 3го числа Октябрия, въ которой день по упру явился надъ гробомъ Господнимъ съ неба низшедшій свѣтъ, въ видѣ жемчужинъ, всѣми въ пещеру гроба Господня тогда входившими примѣченный. Мы не можемъ подробно описать плачевнаго зрѣлища сего, ни довольно извяснить разоренія и невозвратной потери, пожаромъ причиненной, и для шого посылаемъ къ Вашему Свяшѣйшесиву двухъ изв брашїи нашей, опца Намѣспника Іоакима и монаха Гавріила, которые изусино повѣдають Вашему Свяшѣйшесиву несчастное произшествіе сіе и горешное положеніе наше. Мы ожидаемъ съ неперѣливостію отъ Вашего Свяшѣйшесива для пораженныхъ ужасомъ и скорбію ошягченныхъ душъ нашихъ ушѣшишельной, наспавишельной и спасишельной Папшрїаршей граматы. Съ сею надеждою на помощь Всевышняго, вашими опеческими свяшѣйшими молишвами и благословеніемъ, съ

глубочайшимъ высокопочинаніемъ и преданностію пребываемъ

Вашего Святѣйшества

сыны о Христѣ и всепокорнѣйшіе слуги

Епископы } Папрійскій и вашъ Викарный, Миссилъ,
              } Лидійскій, Мелешій.
              } Неапольскій, Калиникъ.
              } Фаворскій, Анеимъ.
              } Архимандритъ Герасимъ
              } и вся прочая братія.

(Съ Греческаго.)

VIII.

МолиТВы бѣдныхъ.

(Письмо къ Издателю)

Къ удовольствію чинашелей вашего Вѣспника и всѣхъ людей благомыслящихъ, събшу доставить вамъ М. Г. извѣстіе о новомъ благодѣшльномъ заведеніи въ пользу спраждущаго челоѳчества. — Ъхавши съ Лебедянской ярмарки, съ общесшвомъ моихъ знакомыхъ, черезъ городъ Задонскъ, извѣспный по своимъ живописнымъ окрестностямъ и обильной ловль рыбъ, — прекрасное строеніе со кре-

этомъ и блестящимъ куполомъ, ошдѣланное въ новѣйшемъ вкусѣ и напомнившее намъ своею фасадою огромную Голицынскую больницу, обратило на себя все наше вниманіе. Оно возвышается при самомъ вѣздѣ въ городъ, среди разсѣянныхъ слободскихъ жилищъ. Величественное печеніе Дона, его оплогой берегъ, цѣлующій лѣсъ и синѣющія горы, испещренные лугами и кустарникомъ; а всего болѣе, рѣдкая, разительная прошивуположенность между милою преспошою крестьянскихъ домиковъ и всею пышностію новѣйшей архитектуры — все это удивительнымъ образомъ очаровало наши взоры. Съ перваго взгляда съ нѣкошорымъ сладостнымъ предчувствіемъ я заключилъ, что сіе зданіе должно бытъ приспанищемъ бѣдныхъ и спраждущихъ, и сіе предчувствіе, смѣшанное съ тайною радостію, украсило его еще болѣе въ глазахъ моихъ. Я не обманулся; намъ сказываютъ, что это больница. Съ нешерпнѣемъ входимъ во внутренность церкви — она еще не освящена — но сіе не мѣшало спеченію черни и прѣбавшимъ въ городъ богомольцамъ, кошорыхъ во всякое время здѣсь очень много, съ благоговѣніемъ разсматривать привлекательный куполь и ошмѣнно искусную живопись. Съ какимъ сердечнымъ

умиленіемъ восторгъшили мы на иконоспасѣ изображеніе Лазаря : бѣдное рубище , видѣ убожества и изнеможенія , слезные взоры , обращенные къ небу въ эту самую минушу , когда оный , кажешся , не находящѣ на землѣ болѣе помощи и ошрады : — оно проникнуло до глубины моего сердца . Церковь совсѣмъ не огромна ; но внутрѣ и искусствѣ въ убранствѣ , котораго такъ мало и которое доведено до совершенства , пѣвнютъ неслезанно . — Алтарь простъ ; но Спаситель , написанный передъ нимъ съ сосудомъ , изображенъ такъ живо , что , кажешся , произноситъ : *блаженіи милостивіи , яко тѣи помиловани будутъ* : смыслъ изреченія и чрезвычайно выразительный лиръ , сквозь который сѣютъ всѣ небесныя добродѣтели . . . неизбъясимый , благоговѣнный восторгъ ! — Сшарые инвалиды , которые здѣсь содержашся , и многіе изъ больныхъ , почувствовавшихъ облегченіе , приходили въ церковь и молились передъ иконоспасомъ . . . Каковы должны бышь сѣи молишвы ? Въ эту минушу и я внутрѣнно молился вмѣстѣ съ ними . Съ какимъ чувствомъ рассказывали они намъ о чудесномъ дѣйствіи лѣкарствѣ , о попечительности врача , о благодѣтельномъ соорудителѣ больницы ! . . . Въ половинѣ будущаго Іюня ожидающѣ сюда большаго сѣвзда

на освященіе. — Оставивъ церковь, надзирашель и городской лѣварь, которому поручено смолрѣніе надъ больницею, чѣловѣвъ почтенный сколько по своему искусству, сколько по кропикому, любезному обхожденію съ больными, повели насъ въ апшеру: — она не великолѣпна, но чистота и порядокъ украшающъ ее болѣе всякаго великолѣпія; идемъ далѣе — здѣсь сострадащельный шренешъ обнимаешъ всю мою душу — оживающа радостъ матери, которая долгое время спралада близъ больнаго своего сына, обновленіе силъ его, плодъ неусыпныхъ ея попеченій, вмѣстѣ съ слабою красною выспупали на лицѣ юноши, вездѣ находили мы — если не облегченное, то по крайней мѣрѣ — успокоенное спраданіе, прибѣжище въ послѣднія минуцы жизни, которая шакъ живы, шакъ шрогашельны ... вездѣ опрашество, чистоту и свѣжестъ. — Слава АЛЕКСАНДРУ! ни въ какое время не было въ Россіи столько благошворительныхъ и общепользныхъ заведеній. — Больницу шпроилъ и содержилъ своимъ иждивеніемъ здѣшній предводитель дворянства, Г. В...; я не знаю его корощко, но съ этого времени буду дорожилъ его знакомствомъ.

Вошъ истинно благородное упошребленіе излишества, которымъ шакъ слѣдуетъ

одбляеть Форшуна, и кошорое, за нб-
сколько дней — и самъ нб несчастію былъ
шому свидбшель — разсыналось золошыми
кучами за драгоцбнныя шали Персидскія,
за Англійскія лошади, за бриллїаншовыя
бездблки. — Перембнивъ лошадей, мы оп-
правились далбе, оставивъ навсегда въ
сердцб своемъ врїянное воспоминанїе о
Задонскб. —

Вашъ и проч.

Мая 15 дня,
1869.

М. Мленъ.

ПОЛИТИКА.

IX.

О войнѣ между Англією и Францією.

Славный Англіійскій Историкъ, *Вильямъ Роско*, недавно издалъ сочиненіе свое о нынѣшней войнѣ между Англією и Францією. Здѣсь предлагаешся оно чипашелямъ Вѣспника въ опшривкахъ, копорые однако связаны между собою, и предспавляющъ нѣчто цѣлое. Не сомнѣваемся, что многіе пожелающъ знашь мысли опличнаго писателя о споль важномъ предметѣ, въ копоромъ всѣ жипели Европы, одни по волѣ, другіе по неволѣ, берутъ великое учасшіе.

По заключеніи мирнаго договора въ Амьенѣ, связи между Англією и швердою землею были довольно обширны и выгодны для нашей порговли; но война, давъ случай непріятелю запереть приспани въ Европѣ, всѣ наши мануфакшуры привела въ совершенное усыпленіе. Война шому причиною, что мы не шолько лишились нашихъ союзниковъ, но еще всѣ они при-

спали къ споронѣ непріятеля. Чѣмъ далѣе продолжали мы войну противу Франціи, тѣмъ счастливѣе спановилась сія держава. И такъ чего надѣяшься можешь, ежели дѣла еще долѣе осмывались будущъ въ такомъ положеніи? развѣ хотимъ, чтобы Франція вознеслась еще на высшую степень благосостоянія?

Къ какимъ причинамъ ни относили бы начало прежней войны; какіе ни выдумывали бы предлоги, чтобы представить нынѣшнюю войну въ видѣ благопріятномъ! неоспоримо, что всѣ побудищельныя причины, рассказанныя одна за другою, опіюнь не соопвѣщующъ нынѣшнимъ общоящельствамъ. Для возстановленія ли прочнаго порядка въ Европѣ война была предпринята? Нельзя не видѣть, что цѣль сія недостигнута; между тѣмъ война разорила всѣхъ тѣхъ, кои въ ней полагали свою надежду. Не для шого ли предпринята война, чтобы державъ въ уздѣ тѣхъ, которые восхищались будущимъ, представляя себѣ счастливое окончаніе Французской революціи? Предположеніе сіе увѣнчано совершеннымъ успѣхомъ, и друзья вольности радостныя пѣсни свои перемѣнили въ вопли плача! Не было ли цѣлю войны возстановленіе Бурбоновъ? Сіе шребованіе всегда казалось не-

удобоисполнительнымъ, шаѣ чпо и обв-
 являшь его громко несмѣли; а теперь оно
 было бы совершенно нелѣпымъ, и никого бы
 необольшило, ниже самыхъ легковѣрныхъ.
 Когда сїи причины прекрапились, то пред-
 ложили намъ вмѣсто ихъ другїя, и мы
 продолжали уже войну подъ предлогомъ, буд-
 то правительство, съ копорымъ надлежа-
 ло начать намъ условїя, неспособно было
 сохраняшь обыкновенныя основанїя мира и
 дружбы; шаѣ будто правительство, копо-
 рое умѣло распоряжатъ силами Франціи для
 ея же пользы, не могло бы удержатъ ее въ
 покоѣ! Но согласимся на часъ, что сїе воз-
 раженїе было въ свое время основатель-
 нымъ; однакожь теперь оно, никуда него-
 дицца, и правительство, прошивъ копо-
 раго нынѣ воюемъ, споль же способно со-
 хранишь миръ и дружбу, какъ и всякое
 другое. Нелѣпость предлога сего споль
 очевидна, что обв немъ не долго и говори-
 ли. Скоро попомъ объявлено, что надоб-
 но продолжатъ войну дошолѣ, пока не
 получимъ вознагражденїя за прошедшее, и
 неувѣримся, что на будущее время мы
 обезпечены. Вознагражденїя за прошедшее!
 непрїятель не въ силахъ намъ его доста-
 вишь. Кпо вознаградишь насъ за разбро-
 санные милїоны, за пролишую кровь?
 Увѣренность въ безопасности должна бытъ
 въ виду во всякое время; не есть ли слѣдѣ

думать, что мы продолжая войну скорбе получимъ желаемое, нежели когда бы миръ заключили? Увидимъ, что справедливо. Каковы ни были бы выше показанныя причины, однакожь ихъ важными непочтисали, и онѣ невоспрепятствовали начатъ переговоры, окончившїеся миромъ Амьенскимъ. Сїи причины взаимной вражды уничтожены пракшапомъ; со времени заключенїя пракшапа онѣ несуществующи. Еслибъ мы должны были объявить Европѣ, для чего мыѣ воюемъ; что надлежало бы исказать причинѣ въ шѣхъ происшествїяхъ, кошорыя случились уже послѣ Амьенскаго договора.

Всякой поминиѣ, какъ всѣ мы обрадовались заключенїю мира, хотя цѣль, для кошорой вели войну, ошнюдь не была достигнута. Мы значно увеличили государственныя долги свои, пожертвовали немалымъ числомъ нашихъ согражданъ, оспавили Европу не въ шакомъ выгодномъ сословїи, въ какомъ нашли ее; однакожь мы ушѣщали себя приобрѣщенїемъ Цейлона и Тринидада, между шѣмъ какъ Франція увеличилась немалымъ пространствомъ земли и почти пятью милліонами жителей. Миръ нуженъ былъ для нашего опечесшва, и Англїйскїй народъ, ушомленный военными бѣдствїями, единодушно одобрилъ умѣренное поведенїе министровъ,

Тотъ самой миръ, о которомъ истинные друзья опечесхва имѣли весьма основательныя причины радовашься, шомъ миръ навелъ скуцу на людей, кои благомъ опечесхва жертвуютъ для корысполубивыхъ своихъ намбреній. Къ числу недовольныхъ принадлежали во первыхъ единомышленники прежней Французской Монархїи. Перебравшись на островъ, на которомъ нашли для себя убѣжище, они спарались возбудишь негодованіе противъ Французскаго народа и правительсхва, Намбреніе ихъ было не закрышо: неприимая никакого участія въ опасностяхъ войны, они невидѣли надобности и желать, чтобы она окончилась; напрошивъ шого для нихъ было прискорбно мыслишь, что миръ унищожитъ всю надежду возснано-вишь любимую ихъ систему и удовлетворишь духъ мщенія. Другая еще большая паршїа защитниковъ войны состояла изъ безчисленной толпы журналисовъ и наемныхъ писателей, изъ людей, которые живутъ на счетъ легковѣрія общества и ушучняются отъ несчасція народнаго, которые благоденсхваютъ среди безпокойсхва, для которыхъ новая война и сопряженныя съ нею бѣдсхва прїбыточны не менѣе богатой жашвы. Къ защитникамъ войны должно еще причислишь сборище людей другаго рода; война подавала имъ

способы къ пропитанію и къ обогащенію себя, какъ посредствомъ должностей и жалованья, которые доставались имъ удавалось, такъ и чрезъ разныя дѣла, которыя препоручаемы имъ были ошъ правительсва. Всѣ враги сіи общесвеннаго спокойствія сдѣлали заговоръ между собою, Громкой ропотъ ихъ почли за вопль общесвеннаго мнѣнія. Немедленно послѣ подписанія предварительныхъ спашей оказались сѣмена несогласія. Произведены были въ дѣйство всѣ способы къ возбужденію спрashesей, не задолго передъ шѣмъ усиленныхъ. Тѣхъ самыхъ министровъ, которые подписали договоръ, явно склонили *разсѣчь* Гордѣевъ узелъ; разсѣчь, говорю, ибо они нарушили шрактанъ, котораго немогли ошвергнушь. Англійскія книгопечашни повсюду разпрощранили поносительныя сочиненія противъ Французскаго правительсва, и война скоро пошомъ опять возгорѣлась.

При началѣ разбирающесвѣ между обоими правительсвами легко можно было замѣшншь, что ни шо ни другое не имѣли важныхъ причинъ къ разрыву. Ошкрывались въшорыя запрудненія въ разсужденіи шого, что Англичане должны были ошавишь Египетъ и Мальшу, а Французы выдши изъ Голландіи; но согласишь-

ся съ помѣ было бы легко, и примиреніе казалось уже весьма близкимъ — какъ вдругъ объявленная господиномъ Опишо жалоба оиъ Французскаго правишельства совершенно церемѣнила ходъ переговоровъ. Сія жалоба состояла въ досадѣ не на какое-либо новое приязаніе со стороны Англїи, или на вѣроломное нарушеніе Амьенскаго договора; но на поведеніе Французскихъ выходцовъ, на оскорбительныя сочиненїя пршивъ Французскаго правишельства, ежедневно выпускаемыя изъ Англїйскихъ книгопечатень, а особливо на одно мѣсто изъ Пелдещьерова Журнала.

Лордъ Гакесбури отвѣчалъ господину Опишо, что министры Е. В. а безъ величайшаго негодованїя читашь не могли спрашья, на кошорую приносимся жалоба, и что объ ней будетъ дано знань Королевскому Адвокату.

Дѣло оспавалось въ такомъ состоянїи до 17 Августа 1802 года. Французскїй министръ извяснилъ просшранїе жалобу свою въ поданной запискѣ по формѣ; оиъ предсщавилъ, что рѣчь идешь не объ одной только сщашь неоспорочно помѣщенной въ Журналъ, но о сиспемѣ, умышленно принятой и постоянно исполняемой, поносишь не только Главу

Французскаго правительсва, но всѣхъ государственныхъ чиновниковъ, весь народъ, который оскорбляешся несносными и унизительными словами, находящимися въ колкихъ сочиненїяхъ; далѣе — что въ нѣкоторыхъ публичныхъ листкахъ помѣщено даже воззванїе къ Французскому народу на счетъ правительсва его и коренныхъ законовъ Франціи. Онъ прибавилъ еще, что первую сласьею Амьенскаго договора объ державы посщамовили непрїятелей шей или другой непрїимать подъ свою защиту ни посредственно, ни непосредственно; напомнилъ министру, что какъ законы Англійскїе ни покровительствовали бы издашелей листковъ публичныхъ, однакожь по содержанію аяша обвинспранцахъ министры могутъ выслать изъ Англїи тѣхъ людей, присущствїе коихъ для нее вредно,

Лордъ Ганесбури въ отвѣтъ своемъ признался, что въ нѣкоторыхъ Англійскихъ вѣдомостяхъ были напечатаны сласьи о правительствѣ Французскомъ, и что появлялись весьма неблагоприсшойныя на счетъ его шешрадки. Однакожь, прибавилъ онъ, какъ Французское правительсво заблагоразсудило воздась пою же монещою, или по крайней мѣрѣ дозволило употребить одинакія мѣры; то уже не

надлежитъ жаловаться, что Е. В. сдѣланныя предспавленія оспавляетъ безр послѣдствій. Въ разсужденіи жь акта обвиноспранцахъ Лордъ Ганесбури ошвѣчалъ, что поспановленіе о высылкѣ ихъ за границу касаетъ только до шѣхъ, копорые по многолюдству и по образу мыслей были бы опасны для спокойствія внуспри Королевства; лица же, о копорыхъ идешь рѣчь, находящяся совершенно въ другихъ обспоншельствахъ, и на нихъ можно искашь судебнымъ порядкомъ, какъ шо уже со многими случалось по жалобамъ ошѣ чужеспранныхъ прависельствѣ.

Нѣтъ надобности теперь распроспраняться о томъ, справедливы ли были умспвованія Англійскаго миниспра и сошмѣспны ли съ полишикою; изъ нихъ однакожь видно, что новая между обоими прависельствами вражда возникла ошѣ изданія ругательныхъ шепрадокъ, кои по признанію самихъ миниспровъ были весьма неблагоприспойны, и прошивъ копорыхъ Французскія сочиненія не иначе можно почищать, какъ шолько ошвѣшными. Послѣ шого были продолжаемы разбиращельства Французскимъ Миниспромъ и Англійскимъ Посломъ въ Парижѣ; однакожь ничего удовлетворисельнаго не послѣдовало. Напрошивъ, Лордъ Виш-

ворствъ написалъ къ министру Тайлерану весьма ясно, что пока Первый Консулъ неперестанетъ досадовать на грубость Англійскихъ писателей, и пока не привыкнетъ къ сочиненіямъ ихъ смотрѣть съ какимъ же равнодушіемъ, съ какимъ Англійское правительствовало смотрѣть на Французскія, до тѣхъ поръ неудовольствія не прекращаются.

Министръ Тайлеранъ ничего не отвѣчалъ на сіе замѣчаніе; вмѣсто же того предложилъ онъ вопросъ, какія намѣренія имѣетъ Его Британское Величество въ разсужденіи острова Мальшы? Надобно знать, что уже болѣе шести мѣсяцовъ ни слова говорено не было объ Мальшѣ. Посолъ уведомилъ Англійское министерство о предложенномъ вопросѣ. Изъ отвѣта Лорда Гакесбури открываеица новое важное доказательство, какого была мнѣнія и сама Англія объ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Вычисливши приобретенія, полученныя Франціею со времени подписанія спашей предварительныхъ, упомянувши, что по духу Аміенскаго трактата Его Британское Величество имѣетъ право на равное вознагражденіе, Лордъ объявилъ, что Король намѣренъ предложить свои требованія, и что договоръ во всей силѣ былъ бы уже исполненъ, еслибъ спрание

Донесеніе Полковника Себастіани о Египтѣ не обратило на себя вниманія Егѣ министровъ; что въ семъ донесеніи содержащяся весьма оскорбительныя мысли и обвиненія на счетъ Англійскаго въ Египтѣ находящагося войска и начальствующихъ надъ нимъ чиновниковъ — обвиненія совершенно неосновательныя, и копорыя могутъ побудить Е. В. требовать удовлетворенія, какое независимыя державы одна другой давать обязаны; что сіе донесеніе уполномоченнаго Французскаго чиновника заключаешъ въ себѣ предположенія весьма противныя государственнымъ выгодамъ Англїи и несомнѣнны ни съ духомъ, ни съ содержаніемъ мирнаго договора.

Бумага сія пошчасъ подала поводъ къ нарочному свиданію и къ чрезвычайному разговору между Первымъ Консуломъ и Лордомъ Вишвортомъ.

Свиданіе сіе Перваго Консула съ Лордомъ Вишвортомъ долго еще будетъ воспоминаемо, какъ случай рѣдкою въ Дипломатию.

Первый Консулъ изъяснивъ чувствительное свое сожалѣніе, что Амьенскій миръ, вмѣсто того чтобы возстановить согласіе и дружбу между обими прави-

пелльшвами , влечетъ за собою досаду и съ часу на часъ возрастающую недовѣрчивость, изчислилъ всѣ вызовы на вражду со стороны Англїи. Сперва упомянулъ онъ о томъ , что не выводящъ войска ни изъ Мальшы , ни изъ Египта ; объявилъ , что онъ никогда и ни для чего не согласится оставить оныя мѣста подъ господствомъ Англїи , и что лучше желаетъ увидѣть Парижское Св. Антонїя предмѣстїе во власти Англичанъ , нежели Мальшу. Потомъ дошла рѣчь до обидныхъ на счетъ его статей , помѣщенныхъ въ разныхъ Англійскихъ Журналахъ ; а особливо жаловался онъ на ругательныя противъ его сочиненїя , Французскими выходцами издаваемые въ Лондонѣ. Онъ прибавилъ къ тому , что огорченїе противъ Англїи со дня на день будетъ въ немъ увеличиваться ; ибо каждое дуновенїе вѣтра съ острова сего приноситъ съ собою одну шолько ненависть и злобу.

Франція , продолжалъ онъ , имѣетъ 480,000 человекъ , готовыхъ на всѣ опаснѣйшія и самыя ошчаянныя предпрїятїя. У Англїи есть флоты , копорые доспавляютъ ей возможность господствовать на моряхъ и противъ копорыхъ онъ и въдесять лѣтъ не надѣется снарядить равную силу. Двѣ ешоль сильныя державы

живучи въ согласіи могли бы управлять цѣлымъ свѣтомъ; напрошивъ шого разнообразіе для нихъ весьма вредно. Ежелибъ со времени заключенія Амьенскаго мира Англія необнаруживала передъ нимъ непріятельскихъ своихъ замысловъ; шо онъ конечно употребилъ бы всѣ силы свои показавъ ей, сколь велико желаніе его жить съ нею въ согласіи; ибо онъ далъ бы ей случай получить вознагражденіе въ Германіи и съ пользою для себя участвовашъ въ дѣлахъ Европы; далъ бы — онъ соединился бы съ Англіею шорговымъ договоромъ и всѣмъ, что шолько могло бы служить доказательствомъ его дружбы; но вражда Англійскаго правительства была неутолима, и дѣла находились въ такомъ состояніи, что оставалось еще рѣшить, должно ли начинать войну, или не нарушашъ мира. Для сохраненія мира надлежало во всей точности исполнить договоръ Амьенскій, ежели не совсѣмъ запретишь, шо по крайней мѣрѣ сколь возможно ограничить изданіе поносительныхъ сочиненій, и явныхъ Перваго Консула враговъ, на примѣръ Жоржа и другихъ, выслать изъ Англіи. Если же Англійское правительство желаетъ войны; шо пускай шолько объявитъ о шомъ, и пускай медлитъ выполнить сшашъи Амьенскаго договора.

Лордъ Ганесбури отвѣчалъ, что послѣ столь продолжительной, столь жестокой войны, каковой имѣлъ примѣра въ Исторіи, весьма естественна видѣть нѣкопорыя непокойныя движенія; но что они, подобно волнамъ послѣ бури, мало по малу укрошились, если только полишика не будетъ продолжаться ихъ колебанія; что неушверждая, кто подалъ поводъ къ началу наступившей распри, онъ дозволяетъ себѣ напомнить, что въ Англіи поводъ не зависѣлъ отъ правительсва, какъ во Франціи.

Изъ всего выше сказаннаго открывается, что главною причиною возобновенія войны были издаваемые въ Англіи ругательныя сочиненія; не смотря на то, Первый Консулъ, изъ любви къ миру, согласился-было терпѣть умѣренные оскорбленія, лишь бы онѣ писаны были на Англійскомъ языкѣ. Если бѣ Англійское правительство въ самомъ дѣлѣ желало мира; то почему бы несогласиться на столь справедливое требованіе? Если бы подлинно имѣли въ виду безопасность Великобританіи; то не тогда ли было время самое благопріятное утвердить оную? Если Англія хотѣла увеличить свои владѣнія; то и въ томъ имѣла бы успѣхъ; ибо Первый Консулъ все сіе предлагалъ ей. Слѣдственно одна только ненависть противу Фран-

цїи и начальника ея заставила объявить войну.

Скоро однако жь открылось, что для обоихъ народовъ не было мѣста, на которомъ они могли бы встрѣпиться и сразиться; на берегахъ канала соединившееся Французское войско и собранные на противной сторонѣ волонтеры щещно предлагали взаимные вызовы. Пиншу поручено министерство: умные люди пошчасъ замѣтили, что сѣе было признакомъ новаго несчастїя. Тщещно Глава Французскаго правительсва, получивъ Императорское достоинство, писалъ въ Его Британскому Величеству о началїи вновь мирныхъ переговоровъ. Предложенїе отвергнуто; будшо пошому что Англія сперва должна посовѣтоваться съ своими союзниками. Въ самомъ дѣлѣ же она тайно заботилась о новомъ военномъ союзѣ. Послы наши при дворахъ, Вѣнскомъ и С. Петербургскомъ, работали жеупомимо. Россїя одобрила планъ войны противу Францїи; Австрїя вняла совѣщамъ Англіи и Россїи. Определено сдѣлать нападенїе нечаянное и спрашное. Сказываютъ, что сообщили Французскому правительству шакїя посредническїя предложенїя, о которыхъ напередъ знали, что оно ихъ не приметъ, и что Императоръ Австрїйскїй повозвышалъ, шо понижалъ шонъ свой, смони-

ря по мѣрѣ готовности выступишь въ поле.

Тайна военного союза скоро обнаружилась; двѣшность Бришпанскихъ словъ и большіе наборы какъ въ Австріи, такъ и въ Россіи не могли оставить его въ неизвѣстности. Тщешно Австрія въ запискѣ къ Французскому правительству увѣряла, что приготовленія клонятся единственно къ сохраненію мира; ей отвѣчали, что когда Императоръ Французовъ принужденъ будетъ отражать силу силою, то онъ неспешъ ждешь, пока Русскіе соединятся съ Австрійцами. Австрійцы, будучи принуждены начать военныя дѣйствія безъ союзниковъ, и находясь подъ управленіемъ людей между собою несогласныхъ, слабо прошивились Французамъ. При первомъ сраженіи большая часть войска ихъ опдалась въ плѣнъ; остатки разбѣяны; такимъ образомъ военной союзъ рушился.

Въ сей войнѣ примѣчается немаловажное упущеніе сдѣланное союзниками: они дозволили Прусскому Королю съ многочисленнымъ его войскомъ оставаться неуспральнымъ, не обязали его никакимъ договоромъ, незаспавили его взять участвіе въ общемъ дѣлѣ, къ чему рѣшительно прислушались бы надлежало. Ошибка сія сдѣлана отъ упованія, что Пруссія про-

живъ своей воли будешь увлечена быспрымъ стремленіемъ обстоятельствъ. Такииъ образомъ Авспрійцы оспались безъ помощи. Вторая Россійская армія на пуши задержана Пруссією, которая объявила, что не пустишь оную черезъ свои области. Слѣдственно судьба всего союза оспалась на опчетъ одной державы, на которую Англійское Минисперство не могло совершенно понадѣяться.

(Окончаніе въ слѣд. Нум.)

X.

Извѣстія и замѣчанія.

Густавъ Адольфъ, бывшій Король Шведскій, всегда чувствовалъ нѣкоторое опвращеніе отъ Спокгольма, вспоминая плачевную кончину своего родителя, а можешь бышь еще предвиди слѣдствія своего царствованія. Онъ рѣдко живалъ въ своей столицѣ, но по большей части или въ чужихъ краяхъ, или въ провинціяхъ, или въ увеселительныхъ замкахъ. Въ Спокгольмѣ 13го Марша рѣшена судьба его, а 29го числа въ Грисгольмѣ поже воспослѣдовало съ его попомствомъ. Въ сей день принудили его за себя и за дѣтей своихъ подписать опреченіе навсег-

да отъ Королевскаго престола. Мая го акшб сей прочишанъ на сеймъ государственномъ въ Стокгольмъ, предложень планъ новой конспишущїи, и Шведская корона ошдана Герцогу Зюдерманландскому, которой въ новомъ достоинствѣ своемъ называется Карломъ XIII. Онъ бездѣшенъ; слѣдственно нынѣшніе Шведы могутъ дожить до новаго Королевскаго родоначалія. Густавъ Адольфъ въ уединенїи своемъ въ Грингольмъ занимается музыкою, сочиняетъ марши, читаетъ газеты и Библію.

*

Объ Австрійскомъ Фельдмаршалѣ-Лейтенантѣ Маркизѣ Шасшелерѣ, которой теперь воюетъ въ Тиролѣ, написано въ 11 мѣ Французскомъ бюллетенѣ слѣдующее: „Шасшелеръ съ горстью забїакъ пришелъ въ Тироль. Онъ проповѣдовалъ мяшежи, грабительства и убїйства. Передъ его глазами многія тысячи Баварцовъ и около сотни Французскихъ солдатъ лишены жизни. Онъ своими похвалами возбуждалъ сихъ горныхъ медвѣдей (Тирольцевъ) къ убїйству и раздражалъ ихъ свирѣпость. Въ числѣ умерщвленныхъ на семъ побоищѣ Французовъ было 60 человекъ уроженцовъ изъ Белгїи, по ешь земляковъ Шасшелера. Буднякъ сей, осыпанный благодаренїями Императора (Наполеона), по милости коего обратнo полу-

чилъ богатыя свои помѣстья, приносящія доходу по нѣскольну милліоновъ, явилъ себя чуждымъ благодарности и шуму чувству, которое даже самыхъ варваровъ заставляетъ любить своихъ одноземцовъ.“ Шасшелеръ заслужилъ весьма худую славу у Французовъ: Императоръ Наполеонъ объявилъ его человѣкомъ состоящимъ внѣ покровительства законовъ и подлежащимъ суду военному. Напротивъ того Австрійскій Императоръ весьма одобряетъ поведеніе Маркиза. Въ письмѣ къ Ерцгерцогу Карлу написалъ онъ, что съ Французскими Генералами Дюроселемъ, Фулемъ и другими, въ плѣнъ Австрійцамъ доставшимися военными чиновниками, поступлено будетъ такъ точно, какъ Императоръ Наполеонъ поступилъ съ военнопленными Австрійцами, и именно съ Маркизомъ Шасшелеромъ. Сей Генералъ, какъ по послѣднимъ извѣстіямъ видно, дѣйствуетъ не безъ удачи. Изъ Минхена и другихъ мѣстъ пишутъ, что въ Тироль опять худо союзникамъ, и что Австрійцы вступили въ Ландау и даже ворвались въ Баварію.

Австрійская главная квартира по 7е число Іюня находилась въ Волкерсдорфѣ, на лѣвой сторонѣ Дуная. Императоръ Наполеонъ пребываетъ въ Эберсдорфѣ, увеселищельномъ замкѣ, отъ Вѣны въ двухъ

миляхъ. Между обѣими арміями ничего важнаго не происходило послѣ кровопролитной двухъ-дневной при Аспернѣ битвы, на которой съ обѣихъ сторонъ погибло 50,000 воиновъ. Рѣшительныя дѣйствія начнушя, по видимому, не прежде какъ обѣ арміи усилены будутъ новыми подкрѣпленіями: сіе должно случиться весьма скоро; ибо къ Ерцгерцогу Карлу присоединяется Ерцгерцогъ Іоаннъ, опустившій изъ Италіи, и Венгерская милиція, а къ Французамъ также идушъ свѣжія войска. Принцъ Понше-Корво, для прекращенія какихъ-то безпокойныхъ слуховъ, объявилъ своему корпусу, что Вице-Король Италіи 29 Мая всступилъ въ Вѣну, и что войско, приведенное имъ на помощь Императору, сослойшъ болѣе нежели изъ 60,000.

Несчастливая Вѣна предшавляетъ самое плачевное позорище. Временное правительство издаетъ увѣщательныя прокламаціи къ жителямъ, шребуя и убѣждая, чшобъ они осшавались въ покоѣ. Всѣ монастыри, манежи, редушныя залы превращены въ больницы и наполнены ранеными. Фуншъ хлѣба стоишъ 4 гульдена, фуншъ говядины 1 гульденъ 15 крайцеровъ, фуншъ масла 8 гульденовъ, яйцо 30 крайцеровъ; шива совсѣмъ почти дошашъ не можно.

*

Изъ Дрездена пишутъ, что 11 го Юннѣ въ вечеру совсѣмъ неожиданно, вступишь сюда Австрійской корпусъ, изъ 12 тысячъ человекъ состоящій подъ начальствомъ Генерала Аменде. На другой же день авангардъ отправился въ Лейпцигу, откуда Саксонскій Король уѣхалъ уже въ Erfurthъ.

*

Маіоръ Шиль окончилъ подвиги и жизнь свою въ Спралзундѣ. Пришедши въ сей городъ съ частію своей шайки, состоящею изъ пѣхоты и конницы, послѣ упорнаго сраженія съ Мекленбургскимъ баталіономъ онъ рѣшился защищать его отъ Голландцовъ и Дашчанъ, которые спѣшили для освобожденія Спралзунда. Войска сіи подступили къ городу, и несмотря на храбрую оборону, ворвались въ самую внутренность. Улицы усѣяны были мертвыми тѣлами; сраженіе продолжалось до пѣхъ поръ, пока ружейныя пули не повергли Шилья. Трупъ его отнесенъ въ рашушу, и спокойствіе возстановилось. Такъ гласящъ извѣстія изъ Спралзунда. Кажется бы, что нѣтъ ни надобности, ни причины сомнѣваться въ смерти Шилья; однакожь въ Гамбургѣ и во всей сѣверной Германіи поговаривающъ, будто сей начальникъ удалцовъ обрѣшается еще между живыми. Не нужно сказывать, что къ

безприспращію газетирова сѣ нѣкопорого времени имѣющѣ мало довѣренности, по причинамъ весьма извѣстнымъ. Полишики бульваровъ и кофейныхъ домовъ несравненно охотнѣе читающѣ и списываютъ рукописныя реляціи, нежели газетны, по дозволенію правительсва печатаемыя. И шанъ не мудроно, что въ Гамбургѣ, или гдѣ - бы то ни было, за общимъ споломъ въ гостинницахъ, держа въ одной рунѣ ложку, въ другой листокъ, сѣ жадностію читающѣ рукописныя извѣстія, которыхъ часщю бывающѣ не вѣрнѣ печатныхъ.

*

Новости изъ Португалліи непріятныя. Генералъ Веллеслей окружилъ Французскую армію подѣ начальствомъ Герцога Далмашскаго при Опорно, шанъ что Французскій военачальникъ принужденнымъ нашелся вступитъ въ переговоры, и пожелалъ шѣхъ же условій, какія въ прошломъ году заключены сѣ Генераломъ Жюно. Но канъ Г. Веллеслей не имѣлъ охоты въ другой разѣ перевозитъ Французское войско во Францію, то и несогласился удовлетворитъ волю Маршала, а потребовалъ, чтобы онъ отдался въ плѣнъ со всѣмъ корпусомъ. Увѣряютъ, будто Герцогъ наконецъ подписалъ условія. Въ Гамбургѣ знаютъ, что Французской корпусъ состоялъ изъ 14,000, что онъ отправленъ въ Англію и что

Лондонъ три дни освѣщенъ былъ по сему случаю.

*

Спешительный шокъ разлившейся воды влечетъ съ собою и тяжелыя бревна и легкіе опломки. Политической миръ представляетъ нѣчто подобное. Нѣкогда подумалъ бы, что Пруссія такъ скоро послѣ крайняго изнеможенія ощутила въ себѣ новыя силы къ военнымъ предпріятіямъ? Однакожь всего вѣрнѣе, что войско сей державы мало по малу приведено уже въ такое состояніе, что въ случаѣ нужды можетъ дѣйствовать: теперь полки снабжаются всѣми потребностями; набираются рекруты и погоньщики; артиллеристы непрерывно работаютъ въ лабораторіяхъ; солдаты заставляютъ учиться; офицерамъ, въ службы находящимся и получающимъ только половинное жалованье, дано знать, чтобы не отлучались отъ мѣстъ своего пребыванія; короче: пишутъ изъ Берлина, что самъ все приближаетъ видѣ военный, что Королю ожидаютъ съ часу на часъ въ сей городъ, и что нѣкоторымъ полкамъ наслано уже повелѣніе идти въ походъ, а другимъ гонимымъ къ высшупленію.

*

Маршалъ Герцогъ Монтебелло (Ланнъ) умеръ отъ раны. Императоръ Наполеонъ

весьма огорченъ смертію своего друга — такъ называющіи его издашліи Вѣдомостей.

Найена и Маршиника достались Англичанамъ. О сдачѣ первой подписанъ договоръ 12 Января 1809, съ одной стороны Французскимъ главноначальствующимъ въ Найенѣ и Гвіанѣ Викпоромъ Гюгесомъ, а съ другой: начальникомъ соединеннаго Англійскаго и Португальскаго флота Джамесомъ Люкасомъ Иео и Подполковникомъ Португальской артиллеріи Мануелемъ Маркесомъ; договоръ о сдачѣ Маршиники заключенъ 24 Февраля 1809 съ одной стороны начальствующимъ надъ сухопутнымъ Англійскимъ войскомъ Генералъ-Лейтенантомъ Жоржемъ Беквиномъ и Консрѣ-Адмираломъ Александромъ Кохраномъ, а съ другой Французскимъ Генераломъ Вилларешомъ.

Островъ Маршиника открытъ Испанцами. Французамъ достался онъ въ половинѣ 17 столѣтія, попомъ былъ подвластію по Французовъ, по Англичанъ попеременно до 1802 года, въ которомъ по Амьенскому договору отданъ Франціи. Жителей на немъ, бѣлыхъ, мулатовъ и негровъ, считается до 110,000. Главныя произведенія сущь: сахаръ, кофе, хлопчатая бумага и индиго.

Островъ Кайена и обширная приморская полоса земли соспавляютъ Французскую южную Америку. Кайена въ окружности имѣетъ 10 миль географическихъ, изобилуетъ лѣсами и болотами и для людей весьма нездорова. На возвышенныхъ мѣстахъ разводятъ сахаръ, кофе, какао, индиго, хлопчатую бумагу и проч., но не въ большомъ количествѣ. Вся южная Французская Америка заключаетъ въ себѣ не болѣе 14,000 жилищей; число ихъ невелико по причинѣ множества ядовитыхъ змѣй и другихъ весьма опасныхъ животныхъ.

26 *Июля.* К.

XI.

У в ѣ д о м л е н і е.

На имя Издашеля получено изъ Понна письмо слѣдующаго содержанія:

„Препровожденные отъ васъ въ чешырехъ пакетахъ 180 рублей я получила. Извѣстишь вамъ свою благодарность за то одолженіе, которое вы оказали мнѣ, помѣстивъ письмо отъ неизвѣстнаго въ пакетѣ Всѣмъ о горестномъ положеніи моего семейства, я не въ силахъ: одинъ Всевышній зривъ, чю я чувствую. Да

наградить Онъ васъ всѣми благами! Вы испоргли несчастную мать и прехъ дѣшей изъ пагубной бездны нищеты. Горесць доводила меня не рѣдко до опчаченія; дѣши въ рубищахъ, спенящїе отъ холода и голода, всечасно раздирали мою душу. Положеніе мое было шѣмъ ужаснѣе, что я не надѣялась ни опчоль получить помощи, какъ вдругъ услышала, что мое несчастіе описано въ Вѣспникѣ Европы. Съ шѣхъ поръ, до сего времени, получила я значущую помощь; но всѣхъ болѣе обезпечена щедростію великодушнаго Владѣльца мѣспечка Почепа, Его Сїапельсшва Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, кошорый приказалъ изъ своей економїи выдавать мнѣ ежегодной пенсїи по 150 рублей.

Присоедините къ вашимъ одолженїямъ еще одно: номѣспшите сїе письмо, съ приложеннымъ рееспромъ въ вашемъ Журналѣ. Пусть благодѣшельныя Особы увидятъ плоды своего великодушїя. Ихъ помощію перешла я изъ убогой хижины въ приличную моему соспоянїю кварширу, и шеперь имѣю хлѣбъ для себя и дѣшей моихъ. Мнѣ ошалося до конца жизни своей молить Бога за своихъ благодѣшелей и бышь съ испиннымъ почшенїемъ, ващею и пр.“

Подписано: *Марїа Берингова*;

Р Е Е С Т Р Ъ,

сколько и откуда получено отъ благодѣ-
тельныхъ Особъ на вспоможеніе для не-
счастливаго семейства Марьи Васильевны
Беринговой, по письму напечатанному
въ 8 Но Вѣстника Европы, 1809.

Его Сіятельство, Графъ Алексѣй Кири-
ловичъ Разумовскій назначилъ еже-
годную пенсію по - - - - - 150

Въ Почепъ:

Неизвѣстная Особа. - - - - - 30

Ея Высокоблагородіе, Елисавета Яковлев-
на Безобразова. - - - - - 10

Его Высокоблагородіе, Федоръ Ивановичъ
Острогорской. - - - - - 10

Черезъ Г. Издателя Вѣстника Европы:

Отъ неизвѣстныхъ Особъ. - - - - - 60

Въ другомъ пакетѣ отъ разныхъ Особъ. 75

Изъ Горбашова отъ Господина Приклонскаго. 10

— Москвы отъ Андрея Дмишріевича
Суцова. - - - - - 10

— — отъ господина С. - - - - - 25

На имя мое:

— — отъ неизвѣстной особы. 100

Черезъ Господина Зандмарна:

Изъ Осташкова отъ неизвѣстной Особы. 5

— Москвы отъ Госпожи С. К. Н. 25

— Санктпетербурга подъ литерами А.
Б. ассигнаціями. - - - - - 85

- - и червонецъ! - - - - - 8

	Руб.
Изъ Курска отъ Н. Росс... каго	25
— Константинограда отъ Его Высоко- благородія Дмитрія Ивановича Су- лимы.	10
— — — — отъ Его Благородія, Але- ксандра Игнатьевича Безобразова.	5
— — — — — Павла Иг- натьевича Бужинскаго.	5
— — — — — Якова Ива- новича Гилевскаго.	5
— Переяславля отъ Его Благородія, Григорія Федоровича Киселевскаго.	25
— Семенова отъ неизвѣстной Особы.	10
— Суздаля отъ Господ. Купца В. Белина.	10
— Волочиска отъ В. С. А.	100
— Симфераполя отъ неизвѣстн. Особы.	50
— Инсары отъ неизвѣстной Особы.	25
— Кирсанова отъ неизвѣстн. Особы.	25
— Вышняго Волочка отъ неизвѣстн. Особы.	10
— Чернигова отъ Его Благородія Маш- вѣя Григорьевича Гудима-Левковича.	5

И того 763

М. Берингова.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

І Ю Л Ъ , 1809.

№ 14.

ЛИТТЕРАТУРА и СМЪСЬ.

I.

Истинное происшествіе.

Не можете ли вы сказать мнѣ, кто э́тотъ оригиналь, безрукой, въ черномъ фракѣ, съ сѣдою головою, съ сердитою миною? — спросилъ молодой Дюранъ у стараго Вилара (бывшаго прежде Графомъ и знашнымъ чиновникомъ при Дворѣ Людовика XVI го), съ которымъ онъ встрѣтился въ Тюльерійскомъ дворцѣ, на балѣ, данномъ по случаю коронаціи Наполеона. —

Виларъ оборотилъ голову, и увидѣлъ подлѣamina, въ сторонѣ отъ общества, стараго д'Обинье, который съ важнымъ своимъ лицомъ и съ черною перевязкою, обвитою вокругъ лѣвой руки, прострѣленной пулею на сраженіи, за нѣсколько десятковъ лѣтъ — составлялъ разитель-

ную прѣшивуположенность съ блестящею и веселою толпою новыхъ придворныхъ, которые мелькали передъ нимъ, какъ пѣнь.

Я знаю этого чудака, опвѣчалъ Виларъ: это старинный мой сослуживецъ, д'Обинье! Въ самомъ дѣлѣ чудакъ! Вообразишь въ наше время человека съ великою опытностію, съ глубокимъ познаніемъ свѣта, и при всемъ томъ съ прѣпростосердчіемъ, чистою добродѣтелію современниковъ Сюллія и Генриха Великаго! Таковъ д'Обинье. Не чудакъ ли онъ? Надобно вамъ знать, что онъ весьма недавно явился въ Парижъ. Обыкновенное мѣсто его пребыванія провинція Дофине, гдѣ онъ имѣетъ нѣсколько десятинъ земли, маленькой домикъ и старую управительницу, которая въ простые дни сдѣлаетъ на столъ его только два блюда, а въ праздничные прибавляетъ къ нимъ прѣшье; каждое первое Января дѣлаетъ ему обнову, и велитъ выворачивать старую его кафтанъ; кормитъ до сыта заслуженную лошадь, а оснапокъ годового дохода прячетъ въ сундукъ, на всякой случай. Впрочемъ, что изъ запаснаго напишала, скопившагося отъ этихъ остатковъ, отдѣлила она нѣкоторую часть на проѣздъ его въ Парижъ и на возвращеніе въ Дофине; въ противномъ случаѣ, вы

не увидѣли бы его въ Тюльери на балѣ; а еще вброшише то, что онъ не долго уживеся въ нашей столицѣ, и разпрощавшись съ нею навсегда, уѣдеши въ свою провинцію, въ маленькѣй домикъ, думаешь на покое о томъ, что было прежде, и о томъ, что видѣлъ онъ теперь, не заботясь о домашнихъ дѣлахъ своихъ, которыхъ непосредственно соспоиши подъ вѣдѣніемъ управительницы.

„За чѣмъ же онъ прѣѣхалъ въ Парижъ?“

Изъ любопытства! Ему удалось когда-то видѣть Дворъ Людовика XVI, Марію Антуанетту и прежнихъ придворныхъ — онъ видѣлъ ужаснаго Робеспьера съ ужаснымъ дворомъ его, и видѣлъ можетъ быть слишкомъ близко: ибо едва не перерылъ голову на гильйотинѣ, отъ которой спасло его де число Термидора — наконецъ ему захошлось увидѣть Наполеона и созданныхъ имъ чиновниковъ. Любя размышленіе, онъ началъ чувствовашь, что прежнія идеи его нѣсколько устарѣли, что нужно было привести ихъ въ движеніе и обновить свѣжими, и для того отправился въ Парижъ, надѣясь запасись въ немъ нѣкоторыми матеріалами для сравненія прошедшаго съ настоящимъ — матеріалами, которыхъ было бы ему довольно на все остывающее время жизни.

„Удивительный человек! Не многие посещают Дворъ съ такими намереніями.“

За по мой добрый Обинье — и весьма редкое явленіе на балѣ придворномъ; скажу вамъ однако спраннымъ: именно при Дворѣ, гдѣ истинное удовольствіе шамъ чуждо, гдѣ будемъ напрасно искать искренности и живости въ чувствѣхъ, просто-сердечный, прямодушный, суровый въ добродѣтели своей Обинье наслаждался щасливѣйшими минушами жизни — кто бы это подумалъ! Хотите ли выслушать эту исторію?

„Разскажете, прошу покорно!“

Обинье служилъ съ опличіемъ, и всегда показывалъ истинную храбрость. На сраженіи при Фоншенуа — признаешь, что онъ давно живетъ на свѣтѣ — равили его въ руку; но это не заставило его покинуть службу. Наконецъ, при послѣднемъ уже Королѣ, въкопории приѣхшенія опѣ начальниковъ принудили его взять опшавку; онъ написалъ челобитную, но вмѣсто того чтобъ получить съ опшавкою и чинъ и заслуженное имъ жалованье, онъ исключенъ былъ безъ всякаго апшесапа изъ службы. Д'Обинье разсердился, написалъ къ Ми-

ниспу письмо, въ кошоромъ не соблюде-
на была форма, но выражалось съ живо-
спію оскорбленное сердце. — Вмѣсто удовле-
створенія справедливому требованію, при-
казали ему немедленно удалиться изъ Па-
рижа и жить безвыѣздно въ своемъ по-
мѣстѣ. Обинье былъ еще не старикъ,
слѣдспвенно горячъ, и слѣдспвенно жестпо-
но оскорбился несправедливоспію; но онъ
получилъ отъ напуры душу высокую,
а вмѣстѣ съ нею и рѣдкую способность
наслаждаться собственными чувствами и
мыслями, и сіе наслажденіе почишашъ са-
мою лучшею замѣною всякаго богатспва.
Уединеніе, разсмаприваніе Напуры, сво-
бода и ясное спокойспвіе совѣсти поми-
рили его съ людьми; онъ называлъ себя
даже щаспливцемъ, пошому что имѣлъ
маленькой уголокъ, собственное шале, и
могъ размышляшъ вслухъ.

Графъ Б * *, любезнѣйшій изъ при-
дворныхъ, служившій прежде въ одномъ
полку съ нашимъ безрукимъ Цинцинна-
шомъ, имѣлъ помѣстье въ сосѣдствѣ съ
его деревушкою. Когда случалось ему уда-
ляшся отъ Двора, то онъ обыкновен-
но прѣзжалъ на нѣскольکو мѣсяцевъ въ
эту деревню вмѣстѣ съ женою. Обинье
любилъ общеспво Графа Б * *, кошорый
въ самомъ дѣлѣ былъ истинно добрый

человѣкъ — а Б** съ особенною привѣтливостію и уваженіемъ принималъ заслуженнаго воина, который не церемонился, приходилъ къ нему въ просномъ фракѣ, пѣшій, и часто забывалъ спираль пыль съ большихъ сапоговъ своихъ. Графиня, женщина гордая и живая, но добрая, привыкла къ угрюмому его нраву, очень любила его разговоръ, въ которомъ изливалось безъ всякаго искусства доброе сердце. Каждый разъ, при отъѣздѣ въ Парижъ, говорила она ему: „Для чего не просите вы Короля объ ашпешахъ и пенсіюмъ, Господинъ д’Обинье? Времена перемѣнились; вамъ непременно оказана будешь справедливосшь. Позвольте мнѣ бышь за васъ челобитчицею! Я имѣю друзей, и могу бышь вамъ полезна своимъ кредитомъ.“ — Но д’Обинье всегда отвѣчалъ ей одно; нахмуривъ брови, указывалъ онъ на перевязанную руку свою и говорилъ: *Эта челобитчица не выпросила мнѣ ничего! Какаяжъ другая сдѣлаеть мнѣ болѣе чести и съ большимъ успѣхомъ будетъ хлопотать за меня у Короля и его министровъ!* И онъ оставался при своемъ. Но ему опредѣлено было выѣхать изъ своей деревушки, явиться ко Двору и бышь просителемъ. Братъ его, котораго д’Обинье любилъ со всею нѣжностію просодушнаго воина, имѣлъ про-

цессъ съ однимъ случайнымъ человекомъ. Дѣло его, совершенно правое, было запушено; онъ могъ проиграть свою пшябу, ибо имѣлъ соперника корыстолюбиваго и безсовѣстнаго, и проигравши ее, необходимо долженъ былъ лишиться послѣдняго куска хлѣба. Обинье, прочитавши письмо, въ которомъ братъ его описывалъ свое несчастіе, велѣлъ управительницѣ опсчитатьъ изъ запаснаго капитала для путешествія его деньги; и на другой же день отправился въ Парижъ, просить Графиню Б** о дѣлѣ своего брата — прѣвзжаетъ; идетъ къ Графинѣ: его принимаютъ очень ласково. „Наконецъ вы усмирились, Господинъ д'Обинье — сказала ему съ улыбкою Графиня Б** — пора вамъ сдѣлать честь своимъ посѣщеніемъ Версаля и Парижу!“

Какъ же бытъ, Графиня! отвѣчалъ д'Обинье. Гоповъ называешь ихъ и раемъ, ешьли прикажеше, шолько вступишесь за бѣднаго моего брата.

„Дайте мнѣ записку о его дѣлѣ; завтра пошрудишесь пожаловать ко мнѣ часу въ осьмомъ ушра!“ — Д'Обинье подалъ Графинѣ бумагу, поклонился и ушолъ.

На другой день приходитъ онъ въ назначенное время въ домъ Графини Б**;

она еще не просыпалась, но ему приказано ее дожидаться, и его вводятъ въ кабинетъ. Прошло полчаса... Графини нѣтъ; д'Обинья начинаетъ скучать. Заслуженному, безрукому солдату сидѣть на караулъ передъ спальнею молодой женщины — шакъ думалъ онъ, спуща пальцами по столу — ждашь ея пробужденія, просишь ея милости... „Но это не для меня“ И мысль сѣя успокоивала доброе сердце его. Вдругъ отворяется похаенная дверь, входитъ молодая женщина, прекрасная лицомъ, чрезвычайно стройная, величественнаго вида, веселая, ласковая — д'Обинья поклонился; она спросила у него прѣшнымъ голосомъ: гдѣ Графиня Б**?

Говорятъ, что она еще не просыпалась — свѣчалъ нашъ воинъ съ замѣчнымъ неудовольствіемъ.

Незнакомка посмошрѣла на него приспально, улыбнулась, позвонила въ колокольчикъ — вошла горничная дѣвушка, она пошептала ей нѣсколько словъ на ухо — между тѣмъ проситель разхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, иногда вздыхалъ, иногда оспанавливался и успрямлялъ глаза на раненную свою руку, жмурилъ брови, поширалъ себя по лбу — незнакомка разположилась въ большихъ креслахъ, и разсматривала съ истиннымъ удовольствіемъ странную фигуру вицязя, одѣшаго

въ епарый , давно выслужившій срочное время мундиръ. И онъ и она молчали. Наконецъ незнакомка , перебирая листы въ книгѣ , спросила : конечно, *Государь мой , вы имѣете какое нибудь дѣло въ Версали?*

„Безъ дѣла сюда не заѣдешь, отвѣчалъ д'Обинье , смотря въ прошивной уголъ.“

Незнакомка улыбнулась. Вы служите? спросила она.

„Служилъ!“

И такъ въ опшавнѣ? По вашему мундиру догадываюсь, что вы служили въ полку Королевы!

„Точно такъ!“

Полковникомъ у васъ долженъ быть , ешьли не ошибаюсь , Маркизъ Л. . . . ?

„Да! онъ былъ Полковникомъ въ по время, когда меня опшавили; шеперь надобно ему быть Маршаломъ; по крайней мѣрѣ онъ прямо мѣшилъ въ Маршала. А такимъ людямъ, каковъ онъ, во всемъ удача!“

Ваша правда; Маркизъ Л * * человекъ достойный! но Королю не угодно было сдѣлать его Маршаломъ при нынѣшнемъ производствѣ.

„Въ самомъ дѣлѣ! за это все заслуженные люди скажутъ спасибо Его Величеству!“

Я замѣчаю, что вы не очень хорошо расположены къ Маркизу Л**.

„Вы не обманулись; я презираю этого человека. Онъ Полковникъ — это правда; но за что Полковникъ? Богъ знаетъ! Желалъ бы я, чтобы вы посмотрили на подвиги его во время осады Гибралтара! И если бы не покровительствовала ему Королева — —“

Продолжайте.

„Но ей непременно хотѣлось еще одному неблагодарному оказать милость — что же шутя говоришь! хотѣлось, только и всего! Старые сослуживцы мои нахмурились, а Маркизъ Л*** вздумалъ еще хвастать такою милостию, за которую всякой другой не пожалѣлъ бы своей жизни. Это меня взорвало; я наговорилъ ему тысячу грубостей; онъ снесъ ихъ очень милостиво въ присутствіи всѣхъ своихъ офицеровъ, а мнѣ отплатилъ, какъ подлецъ, по ешь, замаралъ меня передъ военнымъ Министромъ, который повѣрилъ ему, не далъ мнѣ при отпавкѣ ни аншеспаша, ни пенсіона . . . . шаконъ-по, прощу не погнѣвашься, вашъ достойный человекъ Маркизъ Л**. Какъ же не удивляться, что онъ еще не Маршалъ!“

Надобно вамъ сказашь, что при Дворѣ совсѣмъ иначе объ немъ думаютъ.

„При Дворѣ ни о чемъ не думаютъ!“

Позвольте жь спросить, за какимъ дѣломъ прѣехали вы въ Версаль? не хошите ли имѣть полкъ? Въ такомъ случаѣ Графиня Б** можетъ быть для васъ весьма полезна!

„Сохрани меня Богъ кланяюсь Графинямъ и Маркизамъ тогда, когда у меня есть проспрѣленная рука, двѣ рамы на груди и имя честнаго офицера! Нѣтъ! я прѣехалъ въ Парижъ за другимъ дѣломъ; одно несчастіе погибающаго моего брата могло принудить меня пасахъся по переднимъ: сильные люди опнимаютъ у него, и опнимаютъ самымъ бездѣльническимъ образомъ послѣдній кусокъ хлѣба. Графиня Б** обѣщала ему покровительствовать — она имѣетъ доброе сердце; но я боюсь ласкаться надеждою! Въ наше время правые люди почти никогда не бывають оправданы....“

Конечно вы рѣдно выѣзжаете изъ провинціи?

„Очень рѣдно!“

Признайшесь, что мы жилили столицы у васъ не въ милости?

„Правду сказать, объ васъ не думаютъ.“

Но вѣроятно, что вы иногда удостоиваете своего вниманія Короля и Королеву. Что, еслили смѣю спросить, говорите у васъ о Королѣ?

„О Королѣ? Его называютъ добрымъ. Но всѣмъ вообще непріятно, что вмѣсто его управляють государствомъ министры — всѣ опасаются общаго разстройства въ дѣлахъ, ужасныхъ долговъ, безпорядку доходовъ, худой экономіи; народъ страдаетъ отъ налоговъ, а честнымъ людямъ горестно видѣть, что явные бездѣльники занимають шакія мѣста, въ которыхъ они могли бы приносить истинную пользу опечесству. . . .“

А что говорятъ о Королевѣ?

„Королеву называютъ милою, умною, прекрасною женщиною; удивляюся ея добродѣтелямъ, которыхъ покорили бы ей каждое сердце, когда бы она не имѣла такого множества слабостей. . . .“

Но видали ли вы ее когда нибудь?

„Никогда!“

Продолжайте!

„Говорятъ, что она благодѣтельница однимъ только любимцамъ, а

прочихъ обогащаетъ пустыми общаіями, что рѣдко помнитъ оказанныя ей услуги, что все гогова принесъ на жертву своимъ удовольствіямъ.“

Продолжайте, продолжайте!

„Говорящъ, что она удалила отъ себя всѣхъ разсудительныхъ людей, способныхъ руководствоваться ей совѣтами, и любитъ общество однихъ только льстецовъ, вѣтренныхъ женщинъ, или развратныхъ людей, которыхъ надобно подкупить, чтобы имѣть свободный доступъ къ прону. . . .“

Ахъ, Боже! какое ужасное мнѣніе! бѣдная Королева! ее ненавидятъ!

„Ненавидятъ! воскликнулъ Обинье, вскочивъ со стула и присупивъ на пришага къ незнакомкѣ: можете ли вы это подумать! каждый Французъ гоговъ пожертвовалъ за нее жизнью! ненавидятъ! Боже мой! я обиженъ по службѣ, но каждое утро подымаю эту ошавшуюся мнѣ руку къ Небу и молю Его, чтобы сохранило нашихъ Монарховъ! Ненавидятъ! по всему догадаешься можно, что вы, милоспивая государыня, изъ числа придворныхъ.“

У незнакомки навернулись на глазахъ слезы. Она съ чувствительностію смол-

рѣла въ лице добродушнаго Обинье, который самъ едва не плакалъ.

„Можетъ быть вы близки къ Королевѣ — продолжалъ онъ въ сильномъ движеніи — можетъ быть вы искренно къ ней привязаны! осмѣльшесь объяснитесь съ нею опкровенно: повѣрьте, что въ этомъ состоитъ прямая польза ея. Осмѣльшесь пересказать ей нѣкоторые изъ истинъ, которыя вы слышали отъ стараго простодушнаго солдата; скажите ей, чтобы она всему предпочитала спокойствіе совѣсти, довѣренность, любовь и уваженіе народа; скажите ей, что Франція привыкла находить благодѣтелей своихъ въ Бурбонахъ, что въ нашемъ опечесствѣ одни злодѣи должны быть несчастливы, и что напрощивъ они-то и пользуются всѣми выгодами, они-то и поржесствуютъ! осмѣльшесь, повторяю вамъ, быть опкровенною, хотя бы то навлекло на васъ ея немилость! Ахъ! върше моей совѣсти, такая немилость спокрашно славнѣе, спокрашно достойнѣе уваженія нѣхъ пречестей; которыми осыпаетъ васъ такъ щедро...“

Д'Обинье, замѣшивъ великое замѣшательство на лицѣ незнакомки, вдругъ оспановился, замолчалъ и вспомнилъ, что онъ обращался въ кабинетѣ любимицы Королевиной, и говорилъ съ такою женщи-

ною, но порою не видывалъ никогда прежде въ лице, и ко порою характеръ былъ ему неизвѣстенъ. Мысль, что можешь быть своею безвременною опроверженностью испортилъ онъ дѣло своего брата, смутила и огорчила его сердце; онъ робко пощупилъ глаза въ землю. Незнакомка вспала съ своего мѣста. Государь мой! сказала она, я никогда не забуду вашихъ словъ, онъ были слишкомъ чувствительны для моего сердца: завтра непременно перескажу ихъ Королеву. Прошу васъ оставишь меня теперь наединѣ съ Графиней Б* *; увѣряю васъ, что вы очень скоро обо мнѣ услышите.

Обиные не смѣлъ ни опрѣчашь, ни оставишь въ кабинетѣ, взялъ шляпу, сдѣлалъ весьма неловкѣй поклонъ и опправился на свою квартиру. Что ты начудилъ, старый младенецъ! — сказалъ онъ самому себѣ. Кто просилъ тебя проповѣдывать мораль такимъ людямъ, опъ которыхъ надобно было просишь одной помощи бѣдному своему брату, и которые не могутъ терпѣшь, чтобы ихъ почитали учениками. Съ кѣмъ это разговаривалъ ты такъ свободно? Знаешь ли, что на сердцѣ у этой Госпожи? Можешь быть это одна изъ твоихъ добросовѣстныхъ любимицъ Королевы, которые всему предпочитаютъ собственную выгоду. Что, если она, въ благодарности за твои наставленія, вздумаешь

наградить себя покойным углом в Баспильи? Кто заступится тогда за швоего брата? . . . Онъ пришелъ на квартиру, и цблый день ходилъ взадъ и впередъ по горницб, сложивъ руки и нажмуривъ густыя свои брови.

На другое утро являешся къ нему полицейской офицеръ и требуетъ, чтобы онъ за нимъ слбдовалъ. Обинье, увбренный, что его ведутъ въ тюрьму, схватилъ перо и бумагу, написалъ нбсколько спрокъ къ своей управительницб, два слова къ брату, два слова къ Графу Б** , запечаталъ эти записки и отдалъ ихъ своему хозяину, съ прозьбою, чтобы отослалъ ихъ на другое утро по адресу, если онъ самъ не возвратится домой въ тотъ вечеръ. Сдблавъ такое расположеніе, онъ успокоился. И въ Баспильи можно думать, спать и быть довольнымъ собою, говорилъ онъ, слбдуя за полицейскимъ. Приходитъ къ военному министру. Его ведутъ въ кабинетъ. Министръ приближается къ нему съ привбплымъ видомъ, пожимаетъ его руку и подавая ему бумагу, говоритъ: Король проситъ, чтобы вы извинили его въ той несправедливости, которая оказана вамъ его именемъ; онъ жалуется васъ чиномъ, скарпшинствомъ и тысячью ефимковъ ежегоднаго пенсіона. Вашъ вашъ ашшешашъ;

сама Королева, которая испововала за вас у Его Величества, и ей обязаны вы, цюю милоспїю, или лучше сказашь цюю справедливоспїю, копорая вамъ сдѣлана; я почишаю себя щаспливымъ, господимъ Обинье, цюю мнѣ поручено объявишь вамъ волю великодушнаго моего Монарха.

Обинье осполбенѣлъ, и едва могъ вѣришь ушамъ своимъ; онъ пожалъ у Министра руку, сказалъ нѣсколько несвязныхъ словъ, и побѣжалъ къ Графинѣ Б*** извѣстивъ ее о неожиданномъ происшествїи, копорое съ нимъ случилось.

„Что же теперь вы думаете о Дворѣ, Версалїи и Парижѣ?“

Я думаю — я думаю — что вездѣ есть добрые люди.

„Вамъ надобно благодарить Королеву!“

И цюу незнакомую даму, копорой я столько же обязанъ, какъ и самой Королевѣ. Кто она, еслили смѣю спросить?

„Она нехочетъ, цюобы вы ее знали!“

Этому не бывашь! благодарный человекъ всегда можетъ узнать своего благодѣтеля.

„Побдемъ-ше вмѣстѣ со мною во Дворецъ. Королева непременно желаетъ васъ видѣть. Она приказала мнѣ помѣстивъ

васъ въ той залѣ, черезъ кошорую пойдешъ нынче въ церковь. Смотришежь, не оробѣйте. Всѣмъ извѣстно, что вы великой синоякъ. Не осыдыте себя замѣшательствомъ, неприличнымъ спарому офицеру.“ — Обинье усмѣхнулся; Графиня подала ему руку, посадила его съ собою въ карету и повезла во Дворецъ. Входящъ въ галлерею. Графиня указываетъ ему мѣсто, на кошоромъ надлежало дожидаться выхода Королевы, и идешъ во внутреннїя покои. Черезъ полчаса ошворились двери; цѣлый рой пажей, одѣтыхъ въ блестящее платье, громчался передъ глазами нашего рыцаря; за ними пролетѣла шумная шолпа придворныхъ — онъ успремилъ глаза на двери, изъ кошорыхъ нѣсколько минушъ никто не являлся — въ галлереѣ все ушшло — всѣ ожидали — наконецъ послышался шепотъ: *Королева! Королева!* — Она явилась одна, одѣтая просто, но величественно и прелестно; шла тихо. — Обинье успремилъ на нее глаза. . . . Кшо опишетъ его удивленїе! Это на самая незнакомка, кошорой давалъ онъ такіе поучительные уроки въ кабинетѣ Графини Б**. — Марїя, увидѣвъ своего ценсора, улыбнулась и поравнявшись съ нимъ, остановилась. Теперь увѣрены ли вы, господинъ Обинье, сказала она, подавая ему руку, что Королева

иногда можешь сносить и правду? — но, добрый Обинье не мог уже опровергать ни слова: он плакал и обнимал ее колѣна.

„Встаньте, почтенный Обинье — сказала Марія — берусь покровительствовать вашему брату; уверьте его от меня, что он не должен опасаться никакой несправедливости по своему долгу; просите. Надеюсь, что мы разсыдемся не навсегда!“ — Ваше Величество! воскликнул разпроганный Обинье: съ этой минуты единственная моя молитва къ Богу будетъ та, чтобы Онъ послалъ мнѣ счастье принести вамъ на жертву жизнь мою. — Королева удалилась; придворные окружили Обинье; но онъ незамѣчалъ ихъ, и даже нечувствовалъ слезъ, которыя лились по щекамъ его ручьями: глаза его слѣдовали за Марією; она казалась ему удаляющимся Ангеломъ милости. Онъ возвратился въ провинцію; братъ его выигралъ свою тяжбу — съ тѣхъ поръ Обинье никогда не могъ говорить равнодушно о Маріи Аншуганшѣ. Ему суждено было еще одинъ разъ въ жизни ее увидѣть — но въ какихъ обстоятельствахъ! Марія Аншуганшша, которая за нѣсколько лѣтъ очаровала глаза его и сердце своимъ веселымъ, прѣнзительнымъ видомъ и пышностію окружавшей ее толпы, Марія, — помимая печалію,

вдова погибшаго супруга, лишнная дѣшею, окружаемая палачами, шла передъ судилище злодѣевъ, которые уже приготоовляли для нее ужасную гильйопину. Обинье хотѣлъ непременно быть свидѣтелемъ ея допроса; но увидѣвъ Марію, онъ запрѣпшалъ, выскочилъ изъ толпы, обнялъ ея колѣна и залился слезами. О, Ваше Величество! шавой ли участи вы достойны! воскликнулъ онъ съ гореснїю.

„Что вы дѣлаете, Обинье! сказала Марія; вы не спасете меня, а себя погубите!“

Ахъ, Ваше Величество! лучше погибнуть, нежели жить съ этими палачами! воскликнулъ онъ, посмотрѣвъ съ негодованїемъ на гнусныхъ убійцъ Людовика и Марїи. Его окружили.

Ахъ, Обинье! могу благодарить васъ только слезами, сказала Марія подавая ему руку; онъ поцѣловалъ ее съ жаромъ. Нужно ли сказывать, что вѣрность и благодарность были причтены ему въ уголовное преступленїе, что смѣлость его наименовали бунтомъ, что его бросили въ шюрьму, что и для него приготоовлена была гильйопина какое чудо спасло его, не знаю — но онъ и самъ едва ли надѣваясь оспашься въ живыхъ, а еще болѣе

философствовать черезъ нѣсколько лѣтъ на балѣ Императора Наполеона!

Оригиналь, какихъ немного! сказалъ Дюранъ, подходя къ камину, чтобы всмотрѣвшись въ лице почтеннаго инвалида.

Съ Франц.

II.

Разговоръ Ума съ Сердцемъ.

У м ъ.

Скажи мнѣ, Сердце, долго ли тебѣ поступать со мною такъ самовластно? долго ли мнѣ бѣдному быть у тебя въ неволѣ? Ты единственная причина моихъ мученій; ты истинный источникъ удовольствій моихъ и радостей. Повинуясь своимъ непобѣдимымъ склонностямъ, я безпрестанно бываю завлеченъ тобою въ заблужденіе: опшупись опъ меня! предъ тобою свои благодѣнія, шолько оставь мнѣ свободу мою, и возврати мнѣ мою собственность, предапельски тобою присвоенную.

С е р д ц е.

Чемъ заслужидо я такіе упреки? если позволено спросить.

У м ъ.

Правду скажешь, я нѣсколько поздно начинаю на тебя жаловаться; давно бы пора мнѣ вздумать, что ты владѣешь моимъ имѣніемъ, что мнѣ не должно, въ угодность тебѣ, лишаться естественнаго своего права.

С е р д ц е.

Естественнаго права? Но скажи мнѣ, ради Бога, кто думалъ опинимать у тебя швое право?

У м ъ.

Какое безстыдство! Хищный ширани! ты никогда не осмѣливаешься обнаруживать своего деспотизма! но отъ шого-шо и бываешь шакъ опасно. Сколько разъ обманывало ты меня своими ненавистными обольщеніями!

С е р д ц е.

Ахъ, добрый Умъ! какая несправедливость! не должно ли скорбе швои ошибки, швое несовершенное, или лучше сказать ложное просвѣщеніе почипать наспоющими причинами общихъ нашихъ нещасій?

У м ъ.

Боже мой! я не могу эшого равнодушно слышать! Не швои ли желанія даютъ предметамъ наружность плѣнительную и украшаютъ ихъ ложнымъ блескомъ? Не ты ли съ удивительною быширокою

предаешься спрасни, всегда умбешь по-
селишь во мнѣ опасное предубѣжденіе,
осыпаешь край пропасти цвѣтами, нави-
дываешь на истину гибельный покровъ,
копорый никакое опынное око мудреца
проникнуть не можетъ. Ты льспишь,
плѣняешь, обманываешь прелестію милыхъ
надеждъ, легкими, очаровательными опы-
тами мечтательнаго наслажденія — и за-
шобою слѣдують безъ боязни. Сначала
повиновеніе волѣ швоей кажешся услади-
тельнымъ — шы налагаешь легкія цѣпи
изъ цвѣшковъ; но скоро на мѣсто ихъ
являющіяся тяжосныя оковы, неволя ужа-
сная и жестокая. — Нѣтъ! горестная
опытность сдѣлала меня осторожнымъ!
Полно мнѣ слушать швоихъ разсказовъ!
Я швердо рѣшилсѣ возвращить потерян-
ное мною первородшво; хочу бытъ глу-
химъ, и вѣчно буду совѣщываться прежде
сѣ собшвеннымъ просвѣщеніемъ, нежели
сѣ швоею волею. Будь мнѣ покорно, и не
смиѣйся сказашъ слова!

С е р д ц е.

Пользуйся своею власпію, сколько ше-
бѣ угодно: я никогда не подумаю. у себя
ошнимаешь ее; но признаюсь, что шебѣ
необходимо надобно будешъ подѣлишьсѣ ею
со мною. Что сдѣлаетсѣ сѣ шобою, не-
благодарный! если наконецъ рѣшусь ошѣ

тебя опсшупишься? Скажи, оскорбишь ли несправедливый, кому, если не мнѣ, обязанъ ты минушами истиннаго наслажденія? и что же причиною испытанныхъ тобой мученій? Чувства мои всегда повинуются своему просвѣщенію; если приймаю ихъ такъ, какъ должно, то это единственно опъ того, что ты несправедливо судишь. Кто изъ насъ двоихъ видишь и сравниваешь? не ты ли? Исправь же свои заблужденія, и я постараюсь исправить свои склонности.

У м ъ .

Спранная дерзость . . . мнѣ приписываешь собственные просшупки свои и слабости! Но полно тебя слушать! молчи! опънѣвъ всякое сообщеніе между нами пресѣклось.

С е р д ц е .

Какъ, добрый Умъ! можно ли этому быть? ты самъ признался, что и единственная причина всѣхъ твоихъ удовольствій, и самъ же хочешь опнять у меня эту превосходную способность? И такъ я уже не буду услаждать ими шу мрачную скуку, на которую осудила тебя Природа? Мы созданы жить въ союзѣ: раздоръ нашъ и для тебя и для меня долженъ быть равне вреденъ. Я безъ тебя

пошеряюсь и погибну, а ты безъ меня не будешь наслаждаться собою, упранишь публичную простоту свою и живость. Царшвуй — я на это согласно; однако царшвуй, какъ добрый Государь, для моего счастья; будь моимъ правителемъ, а не шираномъ. Не обманывай себя ложными умствованіями, научись управлять мною для моей пользы и совѣшаваться со мною для собственной. Предлагаю тебѣ мои услуги, и пребуду въ замѣну одной пользы своею подпоры; признаю тебя своимъ повелителемъ, но ты признай меня истиннымъ своимъ другомъ.

У м ъ.

Увы! ему вѣчно удаеися меня переувѣришь.

Гжа. Роланъ.

III.

Оригиналъ и копія.

Въ исторіи живописцевъ находимъ гораздо болѣе случаевъ, достойныхъ нашего замѣчанія, нежели въ исторіи стихотворцевъ. Ни одно славное произведеніе поэта не имѣло такихъ горячихъ заступниковъ, какъ вѣкошорая славная картина великихъ

живописцевъ. Поэму сначала судящъ, потомъ уже начинающъ ей удивляющъся; напротивъ, картина сперва удивляющъся, потомъ уже начинающъ судить ее. Одинъ древній Генералъ снялъ осаду одного города единственно для того, чтобы не испорчить находившейся въ немъ превосходной картины. Франція не приняла миліона за святого Иеронима. Нѣкоторые картины цѣнимы были такъ дорого, что одни только владѣтельные Принцы были въ состояніи заплатить за нихъ деньги.

Всѣмъ извѣстенъ великій палатъ Адриана Вандеръ - Вельда, но рѣдкимъ извѣстно происшествіе, случившееся въ Англіи съ нимъ и съ однимъ страстнымъ любителемъ живописи.

Лордъ Кларендонъ купилъ прекрасный домъ въ окрестностяхъ Анвера: воды, роціи и холмы составляли въ этомъ мѣстѣ ландшафтъ восхищительный, могущій воспламенить воображеніе и живописца и поэта. Вандеръ - Вельдъ, который проѣзжалъ черезъ это помѣстье, плѣнившись красотою мѣстоположенія, остановился на нѣсколько времени въ деревнѣ, снялъ нѣкоторые виды и написалъ превосходную картину, которую привезъ продавать въ Лондонъ. Будучи недоволенъ суммами,

предложенными ему отъ нѣкоторыхъ охотниковъ, рѣшился онъ продать ее съ аукціона, желая лучше оставить ее у себя, нежели отдать за безцѣнокъ.

Лордъ Кларендонъ, находившійся въ то время въ Англіи, зашелъ по случаю на аукціонъ. При первомъ взглядѣ на картину, узналъ онъ свою Анверскую деревню со всѣми прелестными ея видами. Цѣна безпреспанно возвышалась — уже предлагаемая сумма далеко превосходила надежду и требованія Вандеръ-Вельда — *прибавляю двадцать пять гиней!* сказалъ Лордъ Кларендонъ — *я тридцать!* закричалъ другой покупатель — *я сорокъ!* воскликнулъ прешій — *даю оригиналь за эту колію!* сказалъ Кларендонъ . . . При словѣ копія всѣ изумились. Адріанъ Вандеръ-Вельдъ подбѣжалъ въ ужасной досадѣ къ Лорду и спросилъ: по какому праву называетъ онъ копіею его картину? значокъ ли онъ въ живописи? — „Такой великой значокъ — ошвѣчалъ Кларендонъ — что смѣло предлагаю въ другой разъ: *оригиналь за эту колію!*“ — Но, Милордъ, опомнишесь! вы въ заблужденіи. — Ни мало! я признаю Адріана Вандеръ-Вельда единственнѣйшимъ авторомъ этой картины, и не смотря на то, даю ему *оригиналь за колію.*“ — Тушъ живописецъ понялъ

слова Кларендона, взявъ картину, поднесъ ее Лорду, и они пошли вмѣстѣ къ Ношаріусу писать купчую на Анверскую деревню, копорая щупъ же и была уступлена Вандеръ - Вельду.

IV.

Я д е с т е .

Восточные народы забавляются очень часто игрою, копорая иногда можешъ продолжатья нѣсколько медѣль сряду. Она состоитъ въ томъ, чшобы отъ чловѣка, съ копорымъ играешъ, не принимаешъ ни одной вещи; не сказавъ: *ядесте*, слово, отъ копорого и сама игра называется *ядесте*. Проигрываетъ и плашитъ обыкновенно томъ, кто, не сказавъ этого слова, принимаетъ какую-нибудь вещь отъ своего противника, копорый съ своей стороны разными образами стараешся завести его въ ошибку.

Одинъ восточный Философъ, особенно занимавшійся наблюденіемъ женщинъ, записывалъ въ книгу всѣ хитросни, копорыя онъ въ разныхъ случаяхъ употребляли, и для того чшобы предохранить самого себя отъ ихъ обмана, вѣчно но-

силъ эту книгу при себѣ. Однажды, путешествуя черезъ Аравійскую пустыню, остановился онъ у вѣзда въ лагерь кочующихъ Арабовъ. Молодая, прѣпшнаго лица женщина пригласила его къ себѣ въ палашку, и съ такою привѣтливостію, что нашъ Философъ никакъ немогъ не принять ея приглашенія. Мужъ этой женщины былъ въ оплучкѣ. Мудрецъ чувствовалъ, что хозяйка его опасна, и для предосторожности вынулъ свою записную книгу, устремилъ на нее глаза, и началъ читать съ великимъ вниманіемъ. Арабка была нѣсколько оскорблена пренебреженіемъ путешественника.

Скажи мнѣ, спросила она, какая это книга? Безъ сомнѣнія она очень занимательна.

„Очень — отвѣчалъ Философъ — не для женщинъ.“

Такой отвѣтъ еще болѣе раздражилъ любопытство молодой хозяйки, которая начала прислушаться къ посвѣтшелоу своему съ вопросами. Наконецъ онъ отвѣчалъ ей: „Эта книга сочинена мною; въ ней записаны всѣ обманъ и хитрости, выдуманныя въ разное время женщинами.“

Всѣ хитрости женскія, господинъ Философъ? я сомнѣваюсь.

„Всѣ, безъ сомнѣнїя; и этой книгѣ наконецъ обядаѣ я шѣмъ, что ни одна женщина щецерь не можеть быць для меня опасна!“

Арабка улыбулась. Погоди, самохвалъ — подумала она — я научу себя не боясья женщиѣ. Она взглянула на путешественника шаними нѣжными, умильными глазами, что сердце его распяло какъ воскъ. Онъ позабылъ заглянуть въ свою книгу, попомъ зшворилъ ее, уронилъ въ ногамъ своей прелесцной хозяйки, попомъ и самъ очутился у ногъ ея. — Ахъ, бѣда! — воскликнула прелесцница, опскочивъ онъ спрашнаго обожашеля своего шаговъ на пять — я вижу вдали своего мужа! Что дѣлашь! онъ страшно ревнивъ и бѣшенъ. Скорѣе, скорѣе спрячься въ эшоѣ сундукъ! я запру тебя замкомъ, и выпущу, когда уйдеѣ мой мучитель. Не лзя было шеряшь ни минушы. Философъ поспѣшно поднялъ свою книгу, и его спряшали въ сундукъ со всѣми женскими хипросшями. Арабка, съ ключемъ въ рукахъ, вышла на встрѣчу къ своему мужу, и видя, что онъ въ веселомъ духѣ, сказала: знаешь ли, какое спранное случилось со мною приключенїе? Немного спустя послѣ себя, пришелъ ко мнѣ гощь, кошорой, неизвѣсно почему, называетъ себя Философомъ, и имѣетъ при себѣ кни-

гу, въ кошорой, по увѣренію его, записаны всѣ хищроспи женскія. Этомъ Философъ вздумалъ говорить со мною о любви: я выслушала его извясненія. Онъ молодъ, пріятенъ, и признаюсь, начиналъ мнѣ нравиться — но ны очень ксташи подоспѣлъ защищать мою слаббующую добродѣтель. — При этомъ словъ ревнивый мужъ вспыхнулъ и началъ бранишь свою жену; а бѣдной Философъ, кошорый сидѣлъ, согнувшись въ дугу, въ шбеномъ ларцѣ, проклиналъ ошъ всего сердца и книгу свою, и любовь, и ревнивыхъ мужей и женщинъ. Но вообразише его ужасъ, когда бѣженный мужъ воскликнулъ: гдѣ этомъ разврашникъ? сказывай! я опорву ему голову! и когда жена ошвѣчала: въ этомъ сундукѣ! вошъ ключъ! — Мужъ выхватилъ изъ рукъ жены своей ключъ — *ядесте! ядесте!* закричала она, ны проигралъ, изволь разплашиться! — Мужъ ошполбенѣлъ, ключъ выпалъ изъ рукъ его; онъ замѣялся: можно ли шакъ шушишь! сказалъ онъ; но выдумка хороша, и я признаюсь побѣжденнымъ. — Минуть черезъ десять онъ ушелъ. *Прошу записать это въ вашу книгу*, сказала Арабка, опирая сундукъ, въ кошоромъ шомился нашъ бѣдный Философъ; но онъ не ошвѣчалъ ей ни слова — и давай Богъ ноги!

V.

*Краткое историческое описаніе о
бывшей въ Астраханѣ моровой язвѣ.*

(Прислано изъ С. Петербурга.)

1го Декабря прошедшаго 1806 года, промежь Юршовскихъ Ташаръ Царевского Ташарскаго селенія, составляющаго предмѣстіе Астрахани, открылась заразительная болѣзнь, которая занесена однимъ Муллою, прѣбывавшимъ съ Кавказской линіи, въ то самое время, когда, по удовольствіямъ тамошняго правительсва о совершенномъ ея прекращеніи, снята была со стороны Астраханской Губерніи Джузрукская карантинная засада.

Отъ непрерывнаго между Ташарами сообщенія появилась она въ Трехъ-продномъ селеніи, въ которомъ, равно и въ Царевскомъ, хотя и прервана была, но отъ вещей, по невѣжеству Ташаръ въ земляхъ сврываемыхъ, обнаружилась въ кочевь Келиченскихъ Ташаръ; оттуда перешла въ садъ Коллежскаго Совѣтника Воронина; а изъ послѣдняго занесена въ Апрѣль мѣсяцѣ 1807 года въ самую Астрахань.

Городъ сей, вмѣщая въ себѣ около 60 тысячъ жителей, составленныхъ болѣе

нежели изъ десяти разныхъ націй, имѣющихъ каждая особенное вѣроисповѣданіе, нравы, обычаи и обряды, производивъ торговлю съ Персією, со многими другими приморскими мѣстами и съ самыми верховыми городами Россіи на нѣсколько миліоновъ рублей. Онъ окруженъ весь водою; разположенъ на луговой споромѣ рѣки Волги, въ шечейи своемъ раздѣляющейся на большіе и малые рукава, ошъ кошорой сверхъ шого проптекающъ многія рѣки, рѣчки, ручьи, ильмени и заливы, по шамошнему черными именуемые, весьма близкіе одинъ ошъ другаго, наполняющіеся водою ошъ приливовъ морскихъ, и обросшіе частыми камышами, удобно сокрывающими въ себѣ мѣлкія лодки; съ другой стороны, вся почти луговая степь открыта и ненаселена; съ шрешней, вся нагорная спорона шакже представляешъ необозримую, однимъ кочующимъ народомъ обитаемую степь, по коей безчисленное множество находишся проселочныхъ дорогъ, весьма мало знаемыхъ самими шамошними коренными жителями, кромѣ однихъ Калмыкъ, кошорые переходя съ одного мѣста на другое, не рѣдко доходящъ до предѣловъ Кавказскихъ и ошшуда паки возвращающся въ степи Аспраханскія.

Вскорѣ послѣ того прорвалась чума въ городъ Красный Яръ, въ 30 верстахъ отъ Аспрахани лежащій, и въ деревню Графа Безбородна Александрію, гдѣ зачумленіе разпространилось на многія семейства.

Медицинскіе чиновники, по должностямъ своимъ къ разнымъ начальствамъ принадлежащіе, освидѣтельствовали больныхъ и умершихъ заразою; нѣкоторые изъ нихъ основательно удостоверили, что болѣзнь была настоящая моровая язва, по прослу именуемая чумою, а другіе напротивъ оприцали это мнѣніе, и называли ее злокачественною горячкою.

Отъ сего случая, по видимому, укоренилось между чернью шамошняго народа невѣжественная недовѣрчивость относительно къ существованію заразы; будучи подспрекаема со стороны торгующихъ людей, она увеличилась наконецъ до такой степени, что въ 18й день Іюня 1807 года представилось самое поразительное позорище въ Аспрахани.

Мяшущійся народъ приступилъ толпою къ дому Гражданскаго Губернатора; настоятельно требовалъ распустишь людей выдерживающихъ карантинъ, и уни-

чтожишь всѣ пріемлемыя по сему случаю мѣры оспорожности. — Нѣкоторые люди были споль дерзки, что осмѣлились войти въ домъ Губернашора, и приступая къ нему съ своими прѣбываніями, толкали его.

Мѣстное начальство, сколько отъ нечаяннаго появленія шолко опасной болѣзни въ губернскомъ городѣ, которой по коммерціи знаменитѣ, а по многолюдству и положенію своему различествуетъ отъ всѣхъ прочихъ, сполько и отъ внезапнаго волненія народа, лишилось совершенно той бодрости, какая необходима въ подобныхъ обстоятельствахъ. Оно единожды позволивъ себѣ удовлетворить нелѣпое прѣбываніе народа, вынуждено было уступить ему и въ другой разъ, и шовары выпущены на Макарьевскую ярмарку (*) съ крапивою въ караншинахъ очищеніемъ, и съ явною опасностію для всей вообще Россіи. Между тѣмъ захвативъ въ то же время главныхъ начальниковъ буйства, оно приняло оборонительныя прѣшиву народа, и предосудительныя собственено для себя мѣры.

Человѣколюбивый Монархъ, отъ свѣденія коего не можетъ быть укрышо бѣд-

---

(*) Въ Нижегородской Губерніи.

спвіе самага послѣдняго гражданина, обра- шивъ св соболъзнованіемъ взоръ на спрану, угрожаемую совершенною гибелію, пове- лѣлъ способы къ ошвращенію оныхъ про- извести въ дѣйствіе Сенашору Неплюеву, кошорый, опсправясь въ Макарьевъ, не до- пустилъ на ярмарку выпущенные изъ караншиновъ св крашкимъ очищеніемъ Аспраханскіе шовары, учредилъ для нихъ караншинъ, и приказалъ, чшобы всѣ они были щщашельно очищены, а самъ поспѣ- шилъ въ Аспрахань, гдѣ его присущствіе было необходимо.

Первый по прибытіи шуда предметъ былъ шотъ, чшобъ удостовѣришься въ шочности сущеспвующей заразы, дабы ош- вратишь народное, касашельно ея невѣрїе, и пошомъ приняшь всѣ узаконенныя сред- ства къ ея испребленію. Для сего всѣ вообще Медицинскіе чины и даже пуше- шеспвовавшій въ шо время изъ Бенгала чрезъ Египешъ въ Россію Англійскій Ме- дикъ Томазъ созваны, шакже Гражданское и Военное Начальствво и лучшіе изъ Рос- сійскаго Купечества и прочихъ Азіашскихъ націй люди приглашены были въ язвен- ный караншинъ, въ кошоромъ производи- лось освидѣпельспвованіе зараженныхъ.

Признаки заразы, и имянно горячка св головною болью, шощиношою, рвошою,

или поносомъ и чрезвычайною слабостію; а языкъ покрытый нечистою или влагою; черныя, шемносинія и шемнобагровыя пята, открывавшіяся въ разныхъ частяхъ шѣла и разной величины, въ горошину, чечевицу и менѣе, называемыя пешехіями; корбункулы на мясиспыхъ частяхъ и на шавихъ, кои снабжены сухими жилами, какъ-то, красное пятно, на срединѣ коего прыщъ, выросшій не рѣдко съ Руской орѣхъ и наполненный влагою желповатою или свинцовато цвѣта; воспаленіе вокругъ прыща, часѣ отъ часу разпространявшееся и оплывавшее весьма ярко зараженный членъ отъ здоровыхъ; язвенныя зашвердѣлости и опухоли выше и ниже паховъ, подъ мышками, за ушми, на шеѣ, выше и ниже ключевой кости и проч. — все это удостоверило собраніе въ несчастной истинѣ, что язва плочно существовала, и всѣ коммерческующіе принуждены были согласишься, что они заблуждались.

Тогда внушено народу, что мѣры, пріемлемыя Правительствомъ, служили не къ напрасному успѣшенію, а къ собственной пользѣ его, и усшрешено было вниманіе во первыхъ на усшршеніе язвеннаго и очистительныхъ карантинныхъ, вмѣсто коихъ до того времени служило небольшое коли-

чество лубяныхъ шалашей, въ которыхъ не только народъ, выдерживавшій карантинъ, но и самые несчастные зараженные не могли имѣть убѣжища отъ бурной и ненастной погоды. Новые караннины спроены были должнымъ порядкомъ, съ сохраненіемъ при томъ, по мѣрѣ возможности, казеннаго интереса; во вѣсѣхъ на очищеніе зараженныхъ домовъ и вещей, которыхъ во множествѣ и даже по цѣлымъ селеніямъ не были очищены; что и исполнено съ возможнымъ тщаніемъ и успѣхомъ; въ прѣдѣлахъ, на испребленіе чумы, которая существуя до того времени чрезъ 8 мѣсяцовъ, была уже во многихъ мѣстахъ разсѣяна, слѣдовательно прѣбовала непомирныхъ прудовъ и опличной Полицейской дѣятельности, безъ чего не можно было достигнуть до настоящей цѣли, ибо всѣ врачевственныя пособія въ столь пагубной болѣзни не дѣйствовали. Способы, къ прекращенію моровой язвы употребленные, заключались въ слѣдующемъ:

1) Со всѣми вообще зараженными домами, гдѣ только чума появлялась, пошчасъ прѣсѣкаемо было всякое сообщеніе. Люди, оказавшіеся зараженными и имѣвшіе съ ними сообщеніе, вывозимы были въ язвенный карантинъ; изъ нихъ дѣйствительно зараженные помѣщались въ 3й;

много сомнительные во 2й, а мало сомнительные во 1й кварталы. — Имущество, къ которому зараженный имѣлъ прикосновеніе, было безъ малѣйшаго замедленія сожигаетъ въ присутствіи Полиціи и Медицинскаго чиновника; слѣдующія за него деньги плавились отъ щедротъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА безъ возврата; а прочее имѣніе, равнымъ образомъ самые зараженные дома; и даже пѣ, кошорые только были по сему случаю сомнительны, тщателью очищались; испочникъ, откуда пагубная болѣзнь къ нимъ занесена, изыскивался со всею Полицейскою дѣятельностію, дабы предупредить и самомалѣйшія отъ того послѣдствія.

2) Многолюдныя собранія и торговля бани были воспрещены; передача денегъ въ Судебныхъ мѣстахъ, на рынкахъ, въ церквахъ, питейныхъ домахъ и повсюду производилась не иначе, какъ чрезъ укусъ или соленую воду, по шамошнему шулукомъ именуемую.

3) Часпи города, въ кошорыхъ зараза производила свое дѣйствіе, попеременно одна за другою запирались, и всѣ вообще жилищи жителей были очищаемы и провѣтриваемы. Поношенные шубы, лоскутья, вешони и прочія опасныя вещи,

въ коихъ наиболѣе ядѣ заразы кроется, во многомъ количествѣ искуплены и преданы огню.

Сверхъ того, какъ по большому бшенію изъ верховыхъ городовъ Россіи рабочихъ людей, многіе изъ нихъ, не имѣя ни родствениковъ, ни друзей, ни знакомыхъ, во время случающихся болѣзней не находили себѣ нигдѣ пристанища, потому что всякой изъ жителей опасался принимать ихъ въ домъ свой: чтобы предупредить пагубныя отъ сего послѣдствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить и на грядущія времена участь ихъ, убѣждены были нѣкоторые изъ жителей, имѣющіе значной достатокъ, показать опыты усердія къ Августѣйшему Престолю и послѣдовать безпримѣрному челолюбію Монарха, устроивъ на собственномъ иждивеніи своемъ, кромѣ временныхъ, вмѣстѣ съ прекращеніемъ заразы получившихъ конецъ свой, при непремѣнныя больницы, въ коихъ довольствуется пищею, одеждою, прислугою, шепломъ, лѣченіемъ, свѣтомъ и покоемъ споода душа. Самая временная Полиція, составленная мѣстнымъ правительствомъ изъ чиновниковъ, незаслуживавшихъ спольваемаго довѣрія, была смѣнена гражданами выбранными отъ общества, изъ

нопорыхъ въ наблюденіе каждому Квар-
тальному опредѣлено было не болѣе 30
домовъ.

Словомъ : сими и другими, подобными
имъ средствами, чума, существовавшая
въ селеніяхъ Царевскомъ, Трехъ Протоц-
комъ, въ Кочевъ Келиченскихъ Ташаръ,
въ Красномъ Яру и въ деревнѣ Графа Без-
бородки Александріи, равномерно прорвав-
шаяся въ послѣдствіи въ селенія Черно-
ярскаго уѣзда и Надворнаго Совѣтника
Варвація, лежація въ низѣ по Волгѣ къ
Каспійскому морю, также въравшаяся
въ Солянское селеніе, на нагорной противу
Аспрахани споронѣ находящееся, и въ
очистительный Селянскій карантинъ,
испреблена совершенно. Наконецъ въ самой
Аспрахани, перья время опъ времени дѣй-
ствіе свое, продолжалась она не далѣе 16 го
Маія 1808 года. — Во все продолженіе чу-
мы въ Аспраханской Губерніи, и именно
въ годъ и 6 мѣсяцовъ, содѣлалось ей жерт-
вою обоюго пола душъ 1186 съ несомни-
тельными знаками заразы.

Жители Аспрахани, избавленные опъ
спрашнаго, угрожавшаго имъ бѣдствія,
по принесеніи шоржесшвеннаго о прекраще-
нїи заразы Господу Богу благодаренія, раз-
ными чрезъ двѣ недѣли продолжавшимся

празднествами ознаменовали радость свою и благоговѣніе къ челоѡколюбивому Монарху. Такимъ образомъ не допущено сей ужасной пагубѣ разлихся на милліоны людей. Въшвъ государшвенной промышленности оживлена снова, и значная шорговля, въ шомъ краю процѡшавшая, но по случаю продолженія опасной заразы ошпановленная, получила прежніе обороты свои безъ малѣйшей опасности для другихъ городовъ Россіи: ибо шовары, ошшуда вывозимые, очищаемы были посредствомъ oxigene, или газа пресыщенной соленой кислоты, по правиламъ Генералъ - Шшабъ - Доктора Крейшона, преподаваемымъ по методѣ Смиша и Гипона де Морво. — — Сенаторъ Неплюевъ, ошправленный съ полною довѣренностію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, во всѣхъ случаяхъ относился прямо къ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ и поступалъ во всемъ соотѡшшвенно Высокомонаршимъ наспа-вденіямъ.

VI.

Два лисьма къ Издателю.

1.

Я находилъ въ вашемъ Въспникѣ анекдоты, ушѡшшельные для друзей чело-

вѣчешва, — чиналъ ихъ и радовался; ибо можно ли бытъ равнодушнымъ, когда говоряшь намъ о доспохвальномъ подвигѣ, о благодѣянїи, о спасенїи чловѣка отъ бѣдспвія? Такія произшешствїя должны бытъ всѣмъ извѣсны.

Позвольте и мнѣ доставить чинателямъ вашимъ удовольствїе, сообщивъ имъ свѣдѣнїе о великодушномъ поступкѣ Михаила Васильевича Арсеньева, Предводителя Чембарскаго дворянства.

М...й и М...въ имѣли пяжебное дѣло, начавшееся между фамилїями шого и другаго и продолжавшееся около осмидесяти лѣтъ. Во все сїе время обѣ спорны взаимно питали наслѣдственную ненависть другъ къ другу. Наконецъ дѣло рѣшено въ пользу г-на М...го. Соперникъ долженъ былъ заплашить искъ, превосходящїй все его имѣнїе. Будучи окружену семействомъ, привыкши къ довольствію и удобствамъ въ жизни, вдругъ увидѣшь себя въ крайности! Весьма понятно, какой удѣлъ готовился для г-на М...ва, и что чувствовалъ онъ въ своемъ сердцѣ. Почтенный Г. Арсеньевъ узнаетъ о случившемся; оспавя собственныя дѣла, пошчасъ ѣдетъ къ г-ну М...му, которой до шого времени не имѣлъ съ нимъ знакомства; живыми красками изо-

бражаетъ ему бѣдственное положеніе г-на М...ва; убѣждаетъ прекратить дѣло примиреніемъ; краснорѣчиво, съ жаромъ челолюбія описываетъ великость благодаренія, которое Г. М...й безъ труда оказавъ можетъ ближнему, и шѣмъ доставивъ самому себѣ пріятнѣйшее удовольствіе. Убѣжденный прозьбами и движеніемъ доброй души своей Г. М...й согласился отказать оупъ иска своего за нѣкоторую сумму, которая однакожъ была бы шягосшна для г-на. М...а. Почтенный Арсеньевъ съ новымъ жаромъ просилъ о снисхожденіи. Сдѣлана уступка; еще просилъ — и Г. М...й рѣшился взять самую умѣренную сумму, единственно на однѣ провспи имѣ издержанную. — Вошѣ примѣрное великодушіе! Г. Арсеньевъ слезами радости благодарилъ г-на М...го, какъ за свое собственное дѣло. Какія слѣдствія швердой рѣшительности благороднаго сердца! Тяжба окончена, взаимная вражда прекращена, и обѣ стороны довольны! Имѣю честь быти и проч..

Подписано: *Евгеній Вышеславцовъ.*

17 Іюня, 1809.

Четбаръ.

2.

Посредством Журнала вашего желаю сообщить любезным моим соотчичамъ лѣкарство отъ подагрической болѣзни. Мнѣ отъ роду сорокъ четвертый годъ; болѣе десяти лѣтъ я былъ одержимъ жестокою подагрическою ломотою въ ногахъ; всѣ средства, врачами употребляемая, оказывались совершенно тщетными, и я не чувствовалъ ниже малѣйшаго облегченія. Наконецъ, можно сказать, по вдохновенію Всевышняго, пришло мнѣ на мысль, составить описываемую здѣсь клеенку; обвертывалъ ею ноги по голому шѣлу съ самыхъ сшупней до икоръ, а по клеенкѣ уже надѣвалъ чулки, копорыхъ я и на ночь не снималъ; дни черезъ при или чешыре я обширалъ пошъ на ногахъ, слегка ножемъ ослаблялъ свернувшіеся напышки въ сгибахъ клеенки, опять по прежнему обвертывалъ ноги, и такимъ образомъ поступалъ до износу клеенки; потомъ обвертывалъ новою.

Черезъ всю зиму и весною обыкновенно я не могъ не только ходить, но и шевелишь ногами. Когда же началъ употреблять сію клеенку съ 10 го Января 1808 го года; по сперва боль хотя была нѣскольکو чувствительна, однакожъ я могъ свободно ходить и исправляшь мою долж-

нось. Видя споль благонадежный способъ, я не упустилъ и въ нынѣшнемъ году онымъ пользовашься, и боли почти уже не чувствовалъ. Теперь же, благодаря Всевашияго, я пакъ здоровъ, какъ бы у меня никогда не бывало сей мучительной болѣзни.

Составъ для моей клеенки самой немудреной: *взялъ смолы, называемой галбанъ, одну долю, варенаго коноплянаго масла, какъ обыкновенно для крашенія приуголовляютъ, двѣ доли; сливъ то и другое вмѣстѣ, намазаль кистью лафту, растянутую въ пльцахъ, и сушиль на солнцѣ или у печки одну или двѣ недѣли. Высушивъ посмотрѣль, и ежели лафта такъ рѣдка, что отъ одного разу насквозь свѣлилься будель, то намазаль въ другой разъ и опять высушилъ.*

Подписано : Антонъ Ячменевъ,
Аллекаръ Оренбургской полевой
Аллеки.

VII.

О покойномъ Докторъ Фрезе.

Нашедши въ Рижскомъ Зрителѣ письмо изъ Москвы о Докторъ Фрезе, помѣ-

щаемъ переводъ онаго въ Вѣспникѣ Европы. Сказываютъ, что оно писано перомъ г - на Р - а , достойнаго врача , извѣстнаго по своимъ дарованіямъ и обширнымъ свѣдѣніямъ въ спасительной наукѣ.

„За нѣсколько времени передъ симъ скончался здѣсь почтеннѣйшій врачъ, Докторъ Фрезе. Болѣе 30 лѣтъ пользовался онъ довѣріемъ жителей здѣшней столицы, и можно сказать, всего Россійскаго дворянства ; а что гораздо шруднѣе, онъ въ полной мѣрѣ заслужилъ совершенное уваженіе и любовь соповарищей своихъ по искусству лѣченія. Достоинства его, и какъ человека и какъ врача, вселяли почтеніе во всѣхъ шѣхъ, которымъ былъ онъ извѣстенъ, и заграждали уста завистливыхъ. Онъ принадлежалъ къ числу шѣхъ первосепенныхъ жрецовъ науки врачевой, кои обладаютъ всеми качествами, необходимо нужными для сего высокаго сана. Основательное изученіе въ Геттингенѣ и въ славившемся тогда Лейденѣ, неутомимая дѣятельность въ прохожденіи науки, рѣдкая память, опитная ловкость и умѣнье обходиться съ людьми, чрезвычайно пріятная наружность, внушающая уваженіе, внимательность и постоянство въ связяхъ съ больными, взоръ быстрой и проницательной, знанія не

на сиспемахъ, но на опысахъ основан-
 ныя, благоразумное поведеніе при вра-
 чебныхъ совѣшоваіяхъ, благородная увѣ-
 ренность въ своемъ доспдѣиствѣ, и на-
 конецъ пріобрѣщенная практикою способ-
 ность угадывать — вошъ причины, заспа-
 вляющія и ученыхъ и неучеыхъ имѣшь
 къ покойному совершенное уваженіе; онъ
 освобождали его отъ власпи людскихъ пере-
 судовъ и непосшояннаго мнѣнія публики,
 власпи, съ копорю многіе правпическіе
 врачи, къ несносной досадѣ, чрезъ всю
 жизнь должны были боршсья. Трудно, очень
 шрудно оградить себя спокойствіемъ, буду-
 чи въ семъ званіи и живучи въ такомъ
 мѣстѣ, гдѣ шарлапанство споль часшо и
 легко находишь себѣ поклонниковъ, на нѣ-
 которое время помрачаешь истинную за-
 слугу, и по милоспи легковѣрныхъ людей
 играешь жизнью ихъ и смерщю. — На
 мнимое досшюинство взиралъ онъ съ пре-
 небреженіемъ, но истинное умѣлъ почи-
 шать въ своихъ иностранныхъ сошовари-
 щяхъ по врачебной наукѣ: доказательство,
 что самъ онъ имѣлъ досшюинства и права
 на уваженіе. Занимаясь большою, упоми-
 шельною практикою въ обширной Москвѣ,
 онъ находилъ для себя досужное время по
 возможности исполнять одну обязанность,
 о кошорой немногіе врачи большихъ горо-
 довъ думаютъ: болѣе 30 лѣтъ сряду онъ

постоянно велъ записку обо всѣхъ больныхъ своихъ! Къ общему удивленію иногда случалось слышать отъ него, какимъ недугомъ спрдалъ больной его за 20 лѣтъ прежде, и какими средствами тогда онъ его вылѣчилъ. Равнымъ образомъ дѣлалъ онъ прилѣжные наблюденія о народныхъ и повальныхъ болѣзняхъ. О! еслибъ симъ доспойнымъ подраженія примѣромъ воспользовались врачи, копорые, живучи въ большихъ городахъ, легко привыкаютъ болѣе почипать искусиво свое временнымъ средствомъ набогатишься, нежели отпра-влять оное съ тѣмъ умѣньемъ и порядкомъ, кои полью мыслящимъ, великимъ врачамъ всѣхъ временъ принадлежатъ!

Вообще ученые и въ особенности врачи всячески старались съ нимъ знакомишься; иностранцовъ принималъ онъ весьма благосклонно; разговоръ его былъ легокъ, живъ и заманчивъ; почти во всѣхъ теоретическихкихъ наукахъ, равно какъ въ свѣдѣніяхъ опытностію пріобрѣтаемыхъ и въ предметахъ до общежитія касающихся, показывалъ онъ ясность понятий своихъ и всегда почную, философскую разсудительность.

Въ самую даже минушу кончины явилъ онъ себя врачомъ прозорливымъ, и человекомъ духа швердаго, возвышеннаго.

Бывъ нѣсколько дней нездоровымъ, и проведши весело послѣдній вечеръ, онъ пошелъ спать; идучи вдругъ началъ кашлять; нѣсколько капель свѣжей выброшенной имъ изо ршу крови, а можетъ быть еще и внутреннее, для врача понянное сщущеніе, кошораго извяснить неимѣлъ онъ времени, заспавили его открышь супругъ своей близкую опасность. Онъ велѣлъ позвать дѣшей своихъ, ободрялъ ихъ, совѣщавъ имъ любить и почипать мать свою, объявилъ, что нѣтъ уже никакого средства, проснулся и — умеръ.

Вѣроятно, что причиною смерти его было распорженіе какого-нибудь большаго сосуда въ груди; шрупа его однакожь не разрѣзывали. Онъ скончался на 63мъ году жизни, и оставилъ семейству своему благопріобрѣщеннаго имѣнія на 300,000 рублей.

И здоровые и больные вообще сожалѣють о покойномъ Докторѣ Фрезе. Многие слезами своими почтили могилу шого, кто осушилъ слезы многихъ своихъ согражданъ. Память его долго пребудеть для насъ священною.

ПОЛИТИКА.

VIII.

О войнѣ между Англією и Францією.

(Окончаніе.)

Такимъ образомъ нарушеніе Амьенскаго договора, случившееся по содѣйствію желашелей войны, навлекло ужасное несчастіе на Европу, и послужило поводомъ къ достопамятнымъ перемѣнамъ, коихъ слѣдствія, можешь быть, и теперь еще не для всѣхъ ощушительны во всемъ своемъ пространствѣ. Событія сіи, ускоренныя, какъ говоряшь, смертію Пинша, поразили ужасомъ его товарищей. Кормило правленія выпало изъ рукъ ихъ; на ихъ мѣста посажены другіе чиновники, и вступленіе въ должность Лорда Гренвила, Фокса и друзей ихъ возродило въ сердцахъ ожиданіе не только мира, но и постепеннаго приведенія въ лучшій порядокъ дѣлъ нашихъ по внутренней части. По прошествіи короткаго времени увидѣли, что принимающся желаемыя мѣры. Въ Февраль 1806го представился г-ну Фоксу случай показать прямой и честной харак-

шеръ свой, копорымъ онъ всегда опли-
чался. Одинъ незнакомецъ, обьявившій
себя за прѣзжаго изъ Франціи, требо-
валъ свиданія съ симъ Миниспромъ, го-
воря, что имѣетъ открытъ ему дѣло
весьма важное. Послѣ короткаго разгово-
ра онъ объявилъ Фоксу планъ, предна-
чертанный имъ для умерщвленія Главы
Французскаго правительсшва, къ чему уже
нанятъ имъ былъ и домъ на пуши къ Пасси
для предварительныхъ распоряженій, что-
бы произвести въ дѣйство свой умыселъ.
Г. Фоксъ прогналъ онъ себя злодѣя сего,
и приказалъ вывезти его изъ Королевсшва.
Недовольствуясь первымъ симъ знакомъ
своего негодованія, 28 го Февраля написалъ
онъ къ Миниспру Талейрану и увѣдо-
милъ его о семъ ненавистномъ приключе-
нн. Французскій Миниспръ въ отвѣтъ
своимъ онъ 5 го Марша изьявилъ Фоксу
благодарность Наполеона, и вмѣстѣ совер-
шенную увѣренность въ правилахъ чести
и справедливости, коими Г. Фоксъ всегда
руководствовался — въ правилахъ, онъ
копорыхъ самая война получила уже со-
всѣмъ другое направленіе. Во второмъ
письмѣ Миниспръ Талейранъ увѣдомилъ
Фокса о намѣреніи Главы Французскаго
Правительсшва окончить войну. „Я же-
лаю, сказалъ Наполеонъ, мира съ Ан-
гліею; съ моей стороны незамедлю ни

„одною минутою; всегда готовъ буду за-
 „ключишь его, на основаніи спашей Амьен-
 „скаго договора.“ Такимъ образомъ при
 счастливыхъ предзнаменованіяхъ открытъ
 пушь къ новымъ сношеніямъ.

Переговоры между Фоксомъ и Таллей-
 раномъ начались въ Маршѣ мѣсяцѣ. Пер-
 вой желалъ, чшобы Россія, какъ союзница
 Великобританіи, имѣла участіе въ шрак-
 шахъ. Онъ швердо стоялъ въ семъ пунк-
 тѣ, о которомъ долго было разсуждаемо.
 Между шѣмъ какъ сіе происходило, Г.
 Убриль, Россійскій Министръ въ Пари-
 жѣ, началъ особые переговоры, не смощря
 на сдѣланныя ему со стороны Англійска-
 го Посла представленія. И шакъ казалось,
 что первая шрудность шшвращена шдѣль-
 ными сношеніями Россіи. Но скоро встрѣ-
 шилось другое затрудненіе: шшвъ Француз-
 скихъ переговорщиковъ пошребовали, что-
 бы *uti possidetis* принято было основаніе
 емъ договора, заключаемаго между Англіею
 и Франціею. Кажется, что сіе предложе-
 ніе формально объявлено не прежде 24го
 Іюля, хотя сношенія продолжались уже
 съ Марша мѣсяца. Правда что въ пере-
 пискѣ между Фоксомъ и Посломъ нашимъ
 въ Парижѣ Лордомъ Ярмушомъ часто бы-
 ло о шомъ упоминаемо; однакожъ шолько
 въ Іюль спашья сія сдѣлалась главнымъ

предметомъ сношеній, Французскіе переговоры предъставили возраженія, и объявили, что *uti possidetis* не можетъ быть основаніемъ такого договора, въ которомъ обоюдныя уступки имѣются мѣсто, и при которомъ Франція вызвалась уже отдасть Гамбургъ Королю Великобританскому безъ всякой замѣны. Въ доказательство, что съ обѣихъ сторонъ положено уже касательно *uti possidetis*, ссылались на многія письма г-на Талейрана, и между прочимъ на письмо отъ 13 го Іюля, въ которомъ Французской Министръ написалъ къ Лорду Ярмушу упоминая о Сициліи: *Она въ вашихъ рукахъ; мы ее отъ васъ не требуемъ.*

Лордъ Ярмушъ того же дня въ письмѣ своемъ къ г-ну Фоксу выраженіе сіе предъставилъ въ такомъ видѣ, какъ будто бы оно значило: *мы отъ васъ ничего не требуемъ*, и какъ будто бы въ словахъ сихъ предпологаемо было *uti possidetis*, по есть онъ отъ частнаго вывелъ заключеніе общее. Ссылались еще и на другое письмо отъ г-на Талейрана къ Фоксу, 1 го Апрѣля писанное, въ которомъ сказано: Императоръ не желаетъ имѣть ничего изъ принадлежащихъ земель Англіи. Однакожь надобно замѣтить, что сіе ошюдь не было предложено въ

основаніе договора; самъ Фоксъ также думалъ, ибо въ отвѣтъ своемъ 7го Апрѣля онъ не упоминаетъ о томъ ни слова, а предлагаетъ другое основаніе, по ещѣ что договоръ долженъ быть непрощивенъ чести обоихъ народовъ. Талейранъ прибавляетъ къ тому: и чести ихъ союзниковъ. Юня 2го Г. Талейранъ предложилъ двѣ спашьи въ основаніе договора: 1 ю, что миръ долженъ служить къ чести обѣихъ державъ и союзниковъ ихъ; 2 ю, что обѣ державы должны имѣть равныя права на участіе въ дѣлахъ Европейскихъ какъ на швердой землѣ, такъ и на морѣ. Г. Фоксъ 14 Юня отвѣчалъ, что сіи намѣренія совершенно сходны съ мыслями Англійскаго Правительсва, предполагая, что каждая изъ обѣихъ державъ не покусится дѣйствовать ко вреду большихъ и малыхъ государствъ Европы. И такъ во все сіе время *uti possidetis* не было предложено въ основаніе для переговоровъ.

Тракшашъ г-на Убриля не утверждёнъ въ С. Петербургѣ. Англійское Министерство пошчасъ обратилось къ прежнему своему намѣренію договариваться о мирѣ не иначе какъ вмѣстѣ съ Россією. Въ слѣдствіе того Лордъ Лаудердаль извѣстилъ Французскаго Министра, что Ан-

глія тогда, только приступитъ къ миру, когда требованія союзницы ея Россіи будутъ исполнены. Съ начала переговоровъ Г. Талейранъ предложилъ не только отдать Ганиверъ безъ всякой заплаты, но уступить даже Мальпу и Мысъ доброй надежды, заплата при томъ, что Ганиверъ возвращается для чести Англійской короны, Мальпа для чести морской силы, Мысъ доброй надежды для чести торговли. Когда Лордъ Лаудердаль потребовалъ себѣ пропускныхъ видовъ для отъѣзду изъ Парижа; въ то время сдѣланы ему новыя предложенія, еще выгоднѣйшія для Англїи. Кромѣ Мальпы и Мыса доброй надежды уступаемы были еще Пондичери, Шандернагоръ, съ принадлежащими къ нимъ землями въ Индіи, островъ Табаго, и сверхъ того, именно для вознагражденія Короля Сицилійскаго, Балеарскіе острова и пенсіонъ отъ двора Испанскаго, чтобы дать возможность сему Государю жить соотвѣтственно его достоинству. Россіи обѣщано уступить островъ Корфу, въ дополненіе прашаща подписаннаго Убрилемъ. Предложенія сіи отвергнуты. Лордъ Лаудердаль твердо настаивалъ съ удовольствіемъ Россійскаго Двора во всѣхъ его требованіяхъ, а особливо насильственно уступки Далмаціи.

И такъ Англія прекратила сношенія со Франціею не для своихъ выгодъ, но для выгодъ Россіи.

Въ продолженіе переговоровъ Наполеонъ, обѣщавшись отдать намъ Ганноверъ безъ всякой заплаты, ошнесся къ Прусскому Королю съ требованіемъ обратной уступки оной области, предлагая ему равную заплату. Огорченный симъ требованіемъ Прусскій Монархъ рѣшился не уступить никому земель своихъ по волю Французскаго правительсва, и сія рѣшительность его скоро произвела войну между Пруссіею и Франціею. Справно! мы воевали съ Пруссіею за то, что она взяла себѣ нашъ Ганноверъ, потомъ опять мы же сдѣлались союзниками ея, когда начала она войну противу Франціи для удержанія при себѣ сего несправедливаго стяжанія! Но быстрые успѣхи Французскаго оружія не дозволили Прусскому Королю воспользоваться нашею помощію. Судьба Пруссіи рѣшилась сраженіемъ при Енъ, на которомъ потеряла она 40,000 воиновъ и 20 Генераловъ. Переговоры между Англіею и Франціею прекратились 8го Октября, а въ 24й день тогожь мѣсяца Наполеонъ посѣтилъ уже гробъ Великаго Фридриха въ Потсдамѣ, отправилъ шпагу и шарфъ сего Монарха въ Парижъ къ инвалидамъ,

и черезъ три дни попомѣ вошелъ въ Берлинъ торжественно. Такимъ образомъ государство сильное, на однихъ военныхъ правилахъ основанное, въ нѣсколько дней разрушено.

Россія, внявъ убѣдительнымъ обществѣннѣмъ Англіи, рѣшилась принять участіе въ сей кровопролитной трагедіи. Она подвинула свои войска, и война возобновилась въ Польшѣ. Прежде Наполеону стоило только однажды сразиться или два раза, и судьба Монархіи подвергалась его власти; но война между Россією и Францією предшавила совсѣмъ иное зрѣлище. Безчисленные средства вспомогапельныя необъянной Россійской Имперіи спояли противъ ополченій Франціи и государствъ оныхъ нее зависящихъ; неодолимое мужество Русскаго воина боролось съ пылкимъ напикомъ Французскаго; долго побѣда оставалась неизвѣсною; война продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ подъ жестокимъ небомъ и въ жестокую пору года. Наконецъ послѣ сраженій при Ейлау и Фридландѣ начались переговоры о мирѣ. Оба Императоры сносились между собою. Пруссій Король принужденъ былъ пожертвовать пятью милліонами подданныхъ своихъ для удержанія при себѣ остатка. Извѣсно, какую помощь подавала Англія

своимъ союзникамъ въ продолженіи сей брани : на Балтійскомъ морѣ войска ея совсѣмъ неавлялись; нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не сдѣлала она полезнаго опводу.

Въ то же самое время произошла перемена въ Англійскомъ Министерствѣ, и сіе сдѣлано посредствомъ чрезвычайнаго обмана, чѣобы пошупишь надъ народнымъ легновѣрїемъ. Члены новаго Министерства были защитники войны; всѣ знали о томъ, и слѣдственно не ожидали никакихъ благопрїятныхъ начинаній къ заключенію мира. Россія по Тильзитскому договору обѣщала употребить свое посредство къ примиренію Англїи со Франціею. Новые Министры отклонили сіе посредство.

Во все смутное для Европы время съ самаго начала Французской революціи, Данїя наслаждалась непрерывнымъ спокойствїемъ; она тѣмъ обязана была мудрой своей политикѣ и постоянному храненію системы неупралишеша. Для вѣрности сего неупралишеша она давно уже собрала войска на твердой землѣ въ своихъ владѣніяхъ; увѣряютъ даже, что сіе сдѣлала она именно по желанію Великобританїи. Вдругъ неожиданно являющійся спрашный Англійскій флотъ со многочисленнымъ войскомъ у береговъ Зеланд-

дѣи. Нѣмецкїй легіонъ, находившійся на островѣ Рюгенѣ, присоединился къ сему войску, и Г. Жаксонъ, посланникъ нашъ въ Копенгагенѣ, по даннымъ ему отъ Дюра насшавленїямъ, потребовалъ отъ правительсва выдачи Дашскаго флота подъ сохраненїе. впредь до заключенїя общаго мира. Наслѣдный Принцъ съ презрѣнїемъ отвергнулъ сіе шребованїе; въ слѣдствїе того Англичане вышли на берегъ, а военачальникъ ихъ Лордъ Капкаршъ издалъ объявленїе, чшобы оправдать такое насильсшво, и грозился разрушить городъ Копенгагенъ, ежели спашешъ онъ сопротивляться. Наслѣдный Принцъ велѣлъ обороняться до послѣдней крайности. Ничего не было приготовлено къ оборонѣ, пошому чшо нападенїя почли вовсе непредвидѣли. Корабли были невооружены и люди находились въ опсущсшвїи. Сешября 2го Англїйскїя войска начали дѣйсшвовашъ въ шрехъ пунктахъ и продолжали шри дни съ раду; 6,500 бомбъ брошено въ городъ; пожаръ оказался вдругъ въ шридцати мѣсшвахъ. Дерево для кораблеспроенїя приготовленное, пороховые магазины, кафедральная церковь и множество домовъ сдѣлались жершвою пламени. Англичане подвели шраншей свои шакъ близко къ городу, чшо отъ ихъ воли зависѣло совершенно превратить его въ пепелъ. Тогда

оказалось, что бесполезно было бы долѣе вопрошиваясь. Датскій начальникъ подписалъ договоръ; положено отдать флотъ Англичанамъ, которые черезъ шесть недѣль должны были очистишь Зеландію.

Англійское правительство издало объявленіе, которымъ надѣялось оправдать предъ лицомъ свѣта шолье безпримѣрное нарушеніе народнаго права. Нельзя было извиняшь ни шолье явнаго насильства, ни ужасныхъ онаго послѣдствій; почему и ссылались шолье на политическія причины.

Первая побудительная причина, въ объявленіи ошъ Англійскаго правительства упомянушая, ешь жестокая необходимость, коею будшо бы убѣжденъ Его Бришпанское Величество начать непріятельскія дѣйствія противъ народа, съ которымъ желалъ не шолье жить мирно, но даже соединишь взаимнымъ союзомъ еще пѣснѣйшей дружбы. Такое правило ужасно своими слѣдствіями: оно учишь всѣ злодѣйства оправдывать побужденіями личной пользы. Ежели державы начнушь симъ правиломъ руководствовашься, шо общественный порядокъ совершенно уничтожись. Самымъ же опаснѣйшимъ поводомъ къ развращу служишь шо, когда

правительсво явни руководсвуешся споль пагубнымъ, споль разрушительнымъ правиломъ.

Вторая побудительная и оправдывающая причина: Его Бришпанское Величесво получилъ дошовѣрныя извѣстїя о намѣренїи Французскаго правительсва заняшь своими войсками Дашскїя обласпи ко вреду Англїйской торговли, а флотъ Дашской упошребить для высадки въ Англїи и Ирландїи.

Правда что Миниспры были бы виноваты, еслибъ невоспрошвили сему намѣренїю; но для того надобно ли было нападать на Данїю, разорять Копенгагенъ, похищать флоты? Не лучше ли бы мы запрошивъ того поступили, если бъ съ нашей стороны предложили Данїи всевозможную помощь, и подали бы ей способы опразить нападенїе Францїи? Нѣтъ сомнѣнїя, что соединенная морская и сухопутная сила Англїи и Данїи успѣла бы много сдѣлать въ свою пользу. Ошъ мѣстныхъ обстоятельствъ острова Зеландїи и ошъ перевѣса соединенныхъ флотовъ дрошиву всего того, что ни могла бы выспавить цѣлая Европа, надлежало надѣяться весьма счастливыхъ слѣдствїй. Симъ поступкомъ могли бы мы засвидѣтельсво-

вашь о честномъ и швердомъ нашемъ характерѣ, копорымъ любимъ хвалишься; мы пріобрѣли бы довѣріе и благосклонность народа, по необходимому порядку дѣлавъ намъ доброхошнаго, народа, коего Монархъ есть ближній родспвиникъ нашему, и копорой при всѣхъ случаяхъ поступалъ такъ, что мы не вражды, но помощи и содѣйствія ожидаемъ отъ него имѣли причину; мы ушвердили бы независимость и безопасность Швеціи; у Державъ, съ копорыми теперь воюемъ, мы отняли бы предлогъ на насъ жаловаться; наконецъ мы поселили бы отличное въ себѣ уваженіе въ нашихъ непріятеляхъ. Если бы Данія сама собою распоргла дружескую связь между ею и Англією, и явно приняла бы сторону Франціи; тогда мы имѣли бы право дѣйствовать противъ нее, какъ противъ явной непріятельницы, открытою войною. Но нѣтъ, въ Англійскомъ объявленіи не осмѣлились написать сего предлога; тамъ сказано только, что Данія подвергается опасности нападенія отъ Франціи, коея войско шлоитъ на Данскихъ границахъ, и что она при другихъ обстоятеляхъ обнаружила бы слабость свою и невозможность сопротивляться мочушесиву и угрозамъ шоль страшнаго непріятеля, коковы Французы. Очень хорошо! такъ надлежало бы дать помощь Даніи — тогда не-

упральныйя сїя держава сдѣлалась бы сильною и весьма важною для насъ союзницею.

Сказано о намѣренїи Французскаго правительствя напасть на Данїю. Но чѣмъ доказать это можно? Откуда Министры получили достоверныя извѣстїя? До сихъ поръ еще они о этомъ не объявили.

Нападенїе на Копенгагенъ сдѣлано не только противъ справедливости, но и противъ политики. Продолжительныя усилїя сего Королевства съ давняго времени являлись къ сохраненїю связей съ державами северной земли. Австрїя, несмотря на кровопролитную войну, въ которую мы вовлекли ее, и даже по заключенїи Пресбургскаго мира, все еще благосклонно была расположена къ Англїи. Россїя даже послѣ Тильзитскаго мира захошѣла явить намъ свое доброхотство, предложивъ посредство свое къ примиренїю насъ со Франціею. Швеція крѣпко держала сторону Англїи, съ невѣроятнымъ фанатизмомъ упорствуя противу Франціи. Данїя, по видимому, наблюдала строгой неупрательствъ на границахъ; однакожь нѣтъ сомнѣнїя, что желала болѣе укрѣпить естественную связь свою съ Англїею, нежели ее ослабить. Нападенїе на Копенгагенъ все переѣнило. Началось шѣмъ, что Данїя приняла сторону Франціи.

Хотя мы получили 18 линейныхъ кораблей, совершенно для насъ бесполезныхъ; однакожь принадлежащіе къ онымъ машпрсы, которые дѣйствовали бы въ нашу пользу, если бы мы поступили справедливо и оспорожили, нынѣ назначены служить на флотахъ нашего непріятеля, и выгоды отъ сей службы для него весьма важны. Въ Дашскомъ Государствѣ, въ миниспрахъ его и въ цѣломъ народѣ мы произвели такую досаду, которая можетъ равняться только оскорбленію отъ насъ имъ причиненному. Всѣ предложенія наши о мирѣ отвергнуты съ презрѣніемъ, и при такомъ положеніи дѣлъ приняты спрочайшія мѣры къ отмщенію за нашу несправедливосць. Таковы слѣдствія нашего поступка, слѣдствія, кои всякому знающему движенія чловѣческаго сердца можно было предвидѣть, и которыя всякой Миниспръ, уважающій свое опечесыво и себя самаго, предотвращить бы долженъ.

Австрія, получивъ извѣстіе о нападеніи на Копенгагенъ, шолчасъ рѣшилась выслать нашего посланника. Приспани въ Голландіи и въ другихъ государствахъ сдѣлались для насъ еще неприсступные. Россійскій ИМПЕРАТОРЪ, почитая сей поступокъ Англійскаго правительсва за опреченіе отъ всѣхъ правилъ чести и

оправедливости, и за оскорбленіе такой державы, коея безопасность охраняема была особеннымъ Его поручительствомъ, повелѣлъ обнародовать декларацію, равнозначительную обыкновенному войны объявленію. Онъ не только опрелекъ быль по желанію нашему посредникомъ между нами и Данією, но еще объявилъ, что желаніе сіе почиаетъ личнымъ для Себя оскорбленіемъ, и что до сихъ поръ не согласится вступитъ въ посредство, пока Данія не получитъ совершеннаго удовлетворенія.

Съ точностію и безприсрастїемъ, сколько мнѣ было возможно, изобразилъ я побудительныя причины къ войнѣ, которую ведемъ пятнадцать лѣтъ почти непрерывно, къ войнѣ, которую мы и вся Европа начали прошиву Франціи, и которую нынѣ продолжаемъ прошиву той же Франціи и прошивъ цѣлой Европы. При нынѣшнемъ весьма опасномъ положеніи дѣлъ каждой Англичанинъ заботливо разсуждаеть долженъ объ оныхъ причинахъ; и ежели справедливо, что неосновательность ихъ, какъ я думаю, доказана: то общая польза возлагаетъ на всѣхъ долгъ съ подобающимъ благоговѣніемъ повергнуться къ подножію престола искреннее прошеніе о прекращеніи войны, столь долговременной и столь тяжостной для опечесшва.

Защитники войны твердо стоятъ въ помѣ, что мы сражаемся за наше правленіе, за нашу свободу, за наши законы, за нашу вѣру. Но кто же хочетъ лишить насъ оныхъ? Развѣ Франція въ Амьенскомъ трактатѣ, или въ переговорахъ 1803 года, или въ другихъ 1806 го, предлагала что-либо клонящееся къ нарушенію правъ нашихъ? Самыя жалобы Главы Французскаго правительства на дерзость Англійскихъ писателей записали, и уже болѣе не принадлежали къ разбирательству. Франція не только не требовала отъ насъ какихъ-либо уступокъ, выгодамъ нашимъ прощавныхъ; но при сключеніяхъ 1806 года сама согласилась на всѣ наши требованія, и даже предлагала намъ оспровѣ Табаго, котораго мы опшюдь недобивались. Англійскіе министры объявили сами, что миръ опвергнутъ не пошому будшо бы условія невыгодны были для Англїи, но что онѣ для Россїи неудовлетворительны. Ежели несогласимся на благо-разумныя и справедливыя предложенія, ежели лучше захошимъ продолжашъ войну единственно по ненависти, ревнованію и высокоумрїю; шо безъ сомнѣнїя на послѣдокъ до того дойдетъ, что будемъ сражашъ за бышіе наше, и тогда останешся намъ винить самихъ себя, подобно игроку, которой въ несчастїи

самъ на себя жаловаться долженъ, что всё имѣнїе свое опдалъ на произволь случая.

Защитники войны любятъ повпорять одно возраженїе, которое многимъ кажется очень сильнымъ. Основанїемъ надъ нимъ. Если мы заключимъ миръ съ Французскимъ правительствомъ, говорятъ они, то оно, воспользуясь имъ, заведетъ у себя флоты, которые могутъ взять верхъ надъ нашими и покорить наше отечество.

Тотчасъ отвѣчать можно, что Франція, хотя граничитъ съ морями, и хотя пространство ея владѣнїй со дня на день увеличивается, отъ напуга не предназначена быть сильною морскою державою. Ни духъ жителей, ни выгоды ея не указываютъ ей пути къ могуществу на влажной стихїи. Торговля есть важнѣйшїй предметъ для Англїи, но не для Франціи, которая избыточествуя во всемъ необходимомъ для жизни и въ вещахъ для удовольствїя служащихъ, почти можетъ обойтись безъ привозныхъ товаровъ; Франція всегда имѣла флоты только для обороны, а не для нападенїя, кромѣ нѣкоторыхъ особливыхъ случаевъ, когда была она принуждена употребить минувшїя усилїя; въ самое лучшее время могущества ея, и при самомъ честлюбивѣйшемъ изъ всѣхъ

Королей морская сила ея всегда была слабѣе Голландской. Теперь ни Французскіе флоты, ни союзниковъ Франціи никакъ не могутъ равняться морскимъ силамъ Великобританіи. Мирное время послужило бы для насъ не только къ сохраненію перевѣса, но и къ увеличенію онаго. Въ необъявляемой торговлѣ нашей и въ неизмѣримыхъ владѣніяхъ мы имѣемъ безчисленныя пособія къ пользѣ морской нашей силы. Но если бы Франція дѣйствительно воспользовалась мирнымъ временемъ, еслибы дѣйствительно увеличила она морскую силу свою и сдѣлала ее опасною для нашей независимости; то не ужели для того должно желать вѣчной войны, какъ мы теперь дѣлаемъ? такое желаніе обнаруживаетъ совершенное безумство.

Мое мнѣніе: во первыхъ, намъ невозможно долго вести войну; во вторыхъ, еслибы и возможно было, слѣдствія окажутся совсѣмъ не тѣ, какихъ мы ожидаемъ. Не должно терять изъ виду, что Англія есть такое государство, которое одною только торговлею можетъ сохранить бытіе свое. Ежегодныя издержки наши нынѣ превышаютъ всѣ поземельные доходы Королевства; оспашаешь посредствомъ торговли дополнять недоста-

шюв. По мѣрѣ продолженія войны шор-
товля наша со дня на день будетъ на
швердой землѣ уменьшатся. Сверхъ шо-
го всѣ Англійскіе флоты могутъ ли помѣ-
шатъ непріятелю, когда онѣ захочетъ по-
спроить перевозныя суда въ своихъ приспа-
няхъ, и ждатъ удобнаго случая или попуш-
наго вѣпра? Самые жаркіе наши защитни-
ки войны признаются, что сіе не только
возможно, но даже и очень правдоподобно.
Одинъ изъ нихъ увѣрялъ, что намъ нельзя
всѣ пристани непріятельскія и во вся-
кое время года держать въ осадѣ, хотя
бы имѣли мы морскую силу втрое боль-
шую нынѣшней. Между тѣмъ шотъ же
писатель спарается убѣдить насъ, что
мы должны вѣчно воевать проливу
Франціи, дабы помѣшатъ ей возста-
новить морскую свою силу. Но сія-то
вѣчная война скорѣе заспавитъ непріятеля
исправиться съ флотомъ и исполнишь
свое намѣреніе вразсужденіи высадки.

Вспомнимъ, что при началѣ револю-
ціи Франція совсѣмъ неимѣла военнаго ду-
ха, и что первые защитники ея были
воины неопытные, незнающіе порядка.
Спрашный союзъ государствъ пробудилъ
въ ней дѣятельность, и скоро Франція
одолѣла сильныхъ своихъ сопрошивниковъ.
Не шо вышло бы, когдабъ новое прави-

шельство образовалось въ мирное время. И пакъ непріятели Франціи сдѣлали Французовъ народомъ воинственнымъ. Теперь они не мореходцы; но если спанемъ угрожаешь Франціи вѣчною войною, если принудимъ ее думать, что не лъзя дожидаться окончанія войны, пока Англія въ сосоянїи будетъ флотами своими прошивишься на Океанѣ; ишо поручишься, что Французы не получатъ охоты превращишься въ мореходцовъ, и что имъ не уdasся наконецъ сдѣлаться спрашными намъ соперниками? Можно ли, имѣя пакой примѣръ передъ глазами, упорно и слѣпо ославаться при своемъ мнѣнїи, и безразсудно подвергать себя столь великой опасности? —

(Съ Нѣмецкаго.)

IX.

Извѣстія и замѣчанія.

На политическія и военныя произшествія нынѣшняго времени пѣнять должно, ежели не всѣ извѣстія оказывающіяся справедливыми. Правда что нынѣ есть и всегда были записные вѣсповѣдники, которые для каждаго дня имѣютъ надобность въ свѣжихъ приключеніяхъ, сообщаемыхъ ими благосклоннымъ своимъ слушателямъ; но исторія нашего времени чрезвычайными событіями своими такъ заманчива, что и самые равнодушные хотѣтъ узнать, что дѣлается на великомъ позорищѣ политическаго мѣра, и при томъ хотѣтъ узнать какъ можно скорѣе, гораздо прежде нежели по обыкновенному порядку. Досужій политикъ назначаетъ, гдѣ по его выкладкамъ должно быть сраженіе и на чьей спорѣ должна оставаться побѣда; въ жару воспора произносятся рѣшительной приговоръ, основанной однакожь на догадкахъ и предположеніяхъ; сообщаютъ мечпы свои нѣкоторымъ пріятелямъ; выдуманная новость ходитъ по рукамъ до шѣхъ поръ, пока сострадательной какой-нибудь участникъ въ спорахъ между народами не опомлеть ее для печатанія въ газетахъ. Издашель получивъ спашью, снабжаетъ ее пропускомъ

видомъ по формѣ: *лишуть изъ* * * — и черезъ три недѣли. во всей Европѣ говорятъ о небывалыхъ произшествіяхъ. Къ числу такихъ произшествій издатели Парижскихъ листовъ относятъ договоръ Герцога Далмашскаго съ Маркизомъ Валлеслеемъ, взятіе въ плѣнъ Аспурійцами Герцога Ельхингенскаго, покореніе Испанскими мяшежниками Барцеллоны, отбвздѣ Короля Юсифа изъ Мадриша, мяшежи въ Германіи, неудачныя дѣйствія Французовъ и проч. и проч. Издатель Журнала Имперіи всю вину кладетъ на Голландцовъ, которые выдумываютъ будто бы и разглашаютъ извѣстія вредныя для Французовъ. По сему случаю въ Лейденской газетѣ напечатано пространное опроверженіе такой ужасной напраснины. Сочинитель спашь сей убѣдительно доказываетъ, что Голландцы душевно предавы Французамъ, почитая выгоды ихъ своими собственными.

*

Наблюдатели, занимаясь важными произшествіями въ Германіи, совсѣмъ упустили изъ виду Испанскія дѣла, также весьма важныя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Французы сами говорятъ, что Австрійская война удобна была возродить пріятную надежду въ мяшежныхъ Испанцахъ, но что покореніе Вены лишило

ихъ всей бодрости, и что Императоръ Наполеонъ въ Вѣнѣ довершивъ завоеваніе Испанскаго Королевства. Дѣла въ сей землѣ приняли совсѣмъ другое направленіе, нежели какого ожидали передъ симъ незадолго. Небольшой Французской корпусъ покорилъ Аспурію —, доказательство, что Испанцы слабо сопротивляются. Полагаютъ, что Герона, осажденная Французами, скоро сдастся по недоспашку сѣвѣрныхъ припасовъ. Вестфальская изъ четырехъ пѣхотныхъ полковъ состоящая дивизія Генерала Моріо и одинъ Вирцбургской полкъ находящаяся при арміи въ Каталоніи; но они, какъ думаютъ, посланы будутъ въ южную Испанію. Генералъ Дюгесмъ все еще начальствуетъ въ Барцеллонѣ. Въ Аррагонскихъ горахъ скрываются толпы мятежниковъ, которые лишь только покажутся, поспѣшъ бывающъ разбиваемы. Появленіе Англичанъ въ Португалліи и безпокойства въ Галиціи и Аспуріи на вѣкопореое время остановили походъ Французовъ въ Андалузю. Въ 23й день Мая Герцогъ Далматскій, вышедшій обратно изъ Португалліи, соединился съ Герцогомъ Ельхингенскимъ въ Луго.

*

Объ испребленіи шайки извѣснаго Шилля и о смерти сего отважнаго чело-
вѣка напечатаны въ разныхъ вѣдомостяхъ

подробныя описанія, по донесенію, которое Генераль Граціанъ представилъ Королю Голландскому. Въ Мекленбургскомъ Герцогствѣ Шилль собиралъ деньги и рекрутъ; Висмаръ и Ростокъ находились въ его власти; въ Спралзундѣ прибылъ онъ для того чтобы опшуда прикрывать города Ганзеатическіе. Вспуивши въ Спралзундѣ 26го Мая и захвативъ находившихся тамъ Французовъ, изъ коихъ умершвилъ многихъ своими руками, онъ рѣшился защищаться; для того сдѣлалъ окопы и укрѣпилъ всѣ вѣроша пушками. Генераль Граціанъ съ Голландцами и Дашчанами подспунилъ къ Спралзунду. Осаждающіе нашли способъ ворваться въ городъ; жестокое сраженіе продолжалось по всѣмъ улицамъ до тѣхъ поръ пока Шилль не лишился жизни. Дашчане вступили опять въ Голштинію, а Голландцы возвратились по прежнему къ войску Веспфальскаго Короля. Сіе войско вмѣстѣ съ запасною арміею Маршала Келлермана, копорого, какъ слышно, смѣняетъ Герцогъ Абранскій (Жюно), предназначено для обороны Саксоніи и для усмиренія Тирольцевъ.

*

Весьма недолго Авспрійцы госпили въ Саксоніи. Іюня 22 вошли они въ Лейцигъ, а 24го опправились обратно въ Богемію,

услышавъ о приближеніи Короля Герони-
ма, копорой съ Веспфальцами своими, съ
Голландскими и Бергскими войсками поспѣ-
шилъ на помощь къ Саксонцамъ. Сей Го-
сударь освободивши Лейпцигъ, двинулся
къ Дрездену, откуда Авспрѣйцы также
разсудили убраться. Впрочемъ носилъ
молва, что другой многочисленный кор-
пусъ ихъ подъ начальствомъ Генерала
Кинмайера ворвался въ Саксонію. Княже-
ство Байрейтъ давно уже занято Авспрѣй-
цами.

Вице - Король Ишаліи дѣйствуетъ въ
Венгріи, гдѣ одержалъ онъ немаловажную
побѣду надъ Авспрѣйцами. Сей Принцъ
отъ самыхъ береговъ Адриатическаго моря
шелъ по слѣдамъ Эрцгерцога Іоанна, копорой долженъ
былъ привести войско свое къ арміи Эрц-
герцога Карла. Іоаннъ соединился съ Эрц-
герцогомъ Палашиномъ, начальствующимъ
надъ Венгерскою милиціею. Правое крыло
его примкнуло къ Раабъ; лѣвое закрывало
дорогу къ Коморшу. Французы пишутъ,
что Вице - Король съ 35 ю тысячами
напалъ 14го Іюня на 50,000 непріятель-
скаго войска, что Авспрѣйцы потеряли
3,000 плѣнными и столькожъ убитыми,
6 пушекъ, 4 знамена, между тѣмъ какъ
Вице - Король лишился только 900 чело-
вѣкъ убитыми и ранеными. Авспрѣй-

цы же пишутъ, что у нихъ было 20,000 человекъ регулярнаго войска и 16,000 Венгерской милиціи, что непріятель напалъ на нихъ съ 50 тысячами, что урокъ его вообще проспирается до 2,000, что съ ихъ стороны пошеряно не болѣе 1,500; очевидное несходство, которое шѣмъ болѣе замѣчательно, что Французы говорятъ, будто преслѣдовали побѣждаемыхъ по дорогѣ къ Коморшу и Песпу, а Австрійцы увѣряютъ, что непріятель не только не гнался за ними, но еще самъ опсшупилъ обратно за Рабу.

Въ Вѣнѣ все тихо. Герцогъ Данцигскій (Маршалъ Лефевр) находится въ Лицѣ. Дивизія наслѣднаго Принца Баварскаго расположена на правомъ, а дивизія Генерала Вреде на лѣвомъ берегу Дуная. При Эберсдорфѣ работы продолжаются съ неупомимою дѣятельностію. Три моста черезъ Дунай уже окончаны; малые острова приведены въ самое лучшее состояніе. Императоръ Наполеонъ живетъ по въ Шенбрунѣ, по въ Эберсдорфѣ, и готовится къ новымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Не смотря на то, въ Вѣнѣ и въ другихъ мѣстахъ ушвердительно говорятъ о продолжающихся будто бы мирныхъ переговорахъ.

*

Противъ Ерцгерцога Фердинанда въ Польшѣ дѣйствующи: Князь Поняшовскій при Сендомирѣ; Генералъ Дембровскій, котораго главная квартира находится въ Сучевѣ за рѣкою Пилицою; Генералъ Зайончекъ, стоящій надъ Вислою противъ Пулавы. Ерцгерцогъ Фердинандъ донесъ изъ Вланицы, главной своей квартиры, что укрѣпленный городъ Сендомиръ сдался Австрійскимъ войскамъ.

*

Церковная обласль присоединена къ Франціи. Повелѣніе о томъ, подписанное въ Вѣнѣ 17го Мая, обнародовано въ Римѣ 10го Іюня при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости св. Ангела. Карлъ I Императоръ Франковъ далъ Римскимъ Епископамъ разныя земли въ ленное владѣніе для спокойствія своихъ подданныхъ; несмотря на то однакожь, Римъ составлялъ часть его Имперіи; соединеніе двухъ власпей, свѣтской и духовной, послужило поводомъ къ безпрестаннымъ раздорамъ; всѣ предложенія, клонящіяся къ безопасности Французскихъ армій, къ спокойствію народовъ и къ достоинству и ненарушимости Имперіи, оспаривались: по симъ причинамъ Папа лишается своихъ владѣній. Римъ объявляется Имперскимъ вольнымъ городомъ; памятники Римскаго величія сохраняемы будущи

на счетъ казны ; государственныя долги прїемлющя на отчетъ правительсва ; Папъ опредѣляется доходу до 2хъ милліоновъ ливровъ. Управленіе на время препоручается чрезвычайной Консульшъ , коея предсѣдательствъ назначенъ Римскій Генераль-Губернаторъ Мюллисъ, а членомъ Г. Салличешши, министръ Короля Неаполитанскаго , и другіе. Е. В. у Королю Іоакиму препоручено главное начальство надъ войсками въ Римской области ; въ слѣдствіе того Монархъ сей съ гвардіею своею уже выступилъ изъ Неаполя.

*

Въ Зарѣ , Далмашскомъ городѣ , получены извѣстія , что Русскія войска на многихъ сраженіяхъ совершенно разбили Турковъ , и что Фелдмаршалъ Князь Прозоровскій поспѣшно идетъ къ Адріанополю. Съ рѣки Майна пишутъ , что Сербы всѣми силами своими помогаютъ Россіянамъ противъ Турковъ , и что Георгъ Черный готовится осадить крѣпость Виддинъ.

13 Іюля. К.

Х.

У в ѣ д о м л е н і е.

Присланные изъ Павлограда отъ Господина Петровскаго деньги 25 рублей немедленно по полученіи здѣсь опшправлены въ Почепъ къ М. В. Беринговой, кошорая симъ свидѣшельствуетъ досподолжную благодарносшь почшенному благошворителю.

Изд.

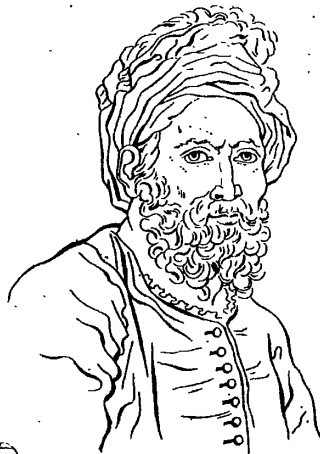

Грав. Рафаелло.

РАФАЕЛЬ.

Грав. Себаст. Пиллоб.

МИКЕЛЬ-АНЖЬ.

Грав. Вил-Дукк.

РУБЕНСЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АВГУСТЪ, 1809.

№ 15.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

*Письмо къ Издателю Вѣстника
Европы.*

(Статья полезная для женатыхъ.)

Уже при года, милоспивые Государи, какъ я имѣю честь именовашься Рыцаремъ священнаго ордена *сулруговъ* — ордена, котораго первымъ учредителемъ и Гроссмейстеромъ почитаютъ нашего праотца, блаженной памяти Адама, и въ которой, есѣли не ошибаюсь, записаны двѣ прети челоѡческаго рода. Одинъ изъ васъ, сказывали мнѣ, обведенъ уже вокругъ наля, а другому, есѣли вѣришь тому, что говорятъ люди, и на яву и во снѣ грезишья одна только женишьяба. Въ часъ доброй! И такъ имѣю причину думать, что вамъ непрошивно будетъ напеча-

№ 15.

К

масть въ вашемъ Журналѣ и въ копорыя мысли, полезныя для людей женашыхъ и внушенныя мнѣ собсшвеннымъ моимъ опытомъ.

Извѣстно вамъ — (это ошносится къ женашому Издашелю Вѣстника и вообще ко всѣмъ женашымъ люлямъ Европы, Азіи, Африки, Америки и Южной Индіи; а вы, Господинъ холоспой Издашель, будыте внимашельны, вѣрыте и пользуйтесь нашими опытомъ) — извѣстно вамъ, что всѣ мы, по ешь мужья, шерифливы, снисходительны, воздержны, шрудолобивы, сговорчивы, скромны, бережливы, а болѣе всего поспоянны и вѣрны — обв этомъ никшо и не спорить. Извѣстно вамъ, что всѣ непріятности семейсшвенной жизни, огорченія, переворошы форшуны, ссоры и нарушенія супружескихъ обязанностей должны поспавлены бышь на счешъ любезнѣйшихъ нашихъ половинъ, копорыя, на бѣду земнаго шара, созданы вѣшренными, прихотливыми, непосшоянными, любопытными, жадными и прочая, и прочая, и прочая. Все это вамъ извѣстно; слѣдовашельно будешъ излишнее предшавлять вамъ вѣ примѣрв нашего пра-родишеля Адама и иснашь вѣ земномъ раю доказашельсшва моей истины, доказашельсшва, копорое, признашься мимохот-

домъ, не совсѣмъ было бы убѣдительно въ наше время. Мы такъ непохожи теперь на добросовѣстныхъ праотцевъ нашихъ, что не для чего насъ съ ними и сравнивать. Не стану также изчислять вамъ безчисленнаго множества примѣровъ, заимствованныхъ изъ земнаго ада, то есть изъ древней и новой Исторіи, которые неоспоримо доказали бы всему свѣту, что безъ жены человѣкъ былъ бы созданіемъ совершеннымъ. Не почиаю за нужное сказывать, что такой-то очень сраменъ, именно отъ того что жена его очень любезна; что эшотъ обезславленъ, единственно отъ того что жена его сдѣлалась слишкомъ славною; что на такого-то всѣ стали указывать пальцами, съ тѣхъ поръ какъ жена его пропала; что эшотъ не смѣетъ показаться въ люди, съ тѣхъ поръ какъ жена его себя показала; что эшотъ поднялъ носъ, съ той самой минушы какъ жена его унизилась; что наконецъ эшотъ живетъ въ крайней нищѣ, отъ того точно что жена его жила слишкомъ богато: все это было бы одно пустословіе. Кто хочетъ доказывать, что наши жены не годятся никуда; шотъ право не имѣетъ никакой нужды искашь доказательствъ своихъ вдали — ему только спойти осмошрѣшься вокругъ себя, и дѣло кончано. Коротче сказать, милоспи-

вые Государи, зло явное; надобно думать о томъ, какъ бы его исправить, и вошь пошь великій предметъ, копорымъ я занимаюсь въ эту минушу. Другой на моемъ мѣстѣ сказалъ бы вамъ: „Друзья мои, соединимся, призовемъ на помощь искусство Демосееновъ и Цицероновъ; начнемъ опровергать нашихъ противницъ по правиламъ Логики и Краснорѣчія; выславимъ наружу ихъ губельныя прелести, ихъ милые недоспашки; сорвемъ съ нихъ шу очарованную личину, копорая всякаго увлекаетъ въ ихъ сѣпи, и скажемъ поржешвенно мѣру — смощри безумецъ, чему шы удивлялся.“ Такъ върояшно поступилъ бы на моемъ мѣстѣ другой; но я, милосшивые Государи, будучи увѣренъ, что злословіе болѣе вредно нежели полезно, и будучи мужемъ во всей обширности эшаго слова, слѣдовашельно Философомъ наспоющимъ, имѣю честь объявить вамъ, что мѣнѣе мое объ эшомъ дѣлѣ совсѣмъ другое, и вошь оно: намъ мужчинамъ не лзя обойтись безъ женщинъ; слѣдовашельно, само по себѣ разумѣется, не лзя не имѣть женъ — эшо зло необходимое. Женщины имѣющъ недоспашки — извѣстное дѣло! Мы, мужчины, будучи сами по себѣ совершенны, впадаемъ иногда въ просшупки единшвенно опъ шого, что прижудемъ быць мужьями нашихъ женъ! Что же

въ такомъ случаѣ дѣлать? Перестать съ ними браниться, и приступить къ исправленію этихъ опасныхъ грѣшницъ, которыя и насъ — чего добраго! — увлекутъ за собою шуда, гдѣ вѣчный плачь и вѣчный скрежещъ зубовъ! И такъ, Государи мои, согласимся *исправить* любезныхъ своихъ подовинъ, и мѣръ обратимся для насъ опять въ шовъ свѣшлый Едемъ, изъ кошораго выгнаны мы по милости женщины — скажу мимоходомъ, что мы и шеперь наслаждались бы удовольствіями райской жизни, когда бы эта система исправленія за нѣсколько тысячъ лѣтъ передъ симъ пришла въ голову прародителю Адаму! Въ его время эта система легко бы могла быть *всеобщою*, пошому вѣроятно, что тогда на землѣ всего навсе считалось одинъ шолько мужъ и одна жена — въ наше время, напрошивъ, не лзя ожидать такого единодушія и согласія! что мужъ, по мнѣніе! Признаюсь вамъ откровенно, мнѣ удавалось не одинъ разъ слышать, какъ одинъ мужъ бранилъ жену свою за то именно, что другой его сосѣдъ называлъ лучшею добродѣтелю женщины.

На примѣръ, загляните въ одинъ изъ уѣздныхъ нашихъ городовъ, ешлыли угодно, въ Балахну, въ Муромъ, въ Крапивну,

въ Кинешму и пр. и пр.; подслушайте
 нѣкопорохъ мужей въ шу минушу, когда
 они даюшъ спасительныя насшавленїя сво-
 имъ женамъ — вездѣ, или почти вездѣ
 услышите вы одно: „Помилуй, душенька!
 на себя больно глядѣшь! ты никакъ не
 умѣешь обходиться съ людьми! занимаешься,
 говоря съ человекѣмъ порядочно одѣшымъ;
 кашляешь такъ громко, что всѣ окна въ
 гостинной дрожащъ, когда надобно завести
 маперїю съ прїятелями, прїѣзжими изъ
 Москвы, или изъ губерискаго города! Же-
 лалъ бы на время переселишь тебя въ
 столицу — шамъ научилась бы ты гово-
 рить много, прїяшно, и не сказала ниче-
 го! восхищаешь отъ хорошей погоды,
 бышь въ опчаянїи отъ дурной, и прочее
 и прочее. вмѣсто того чтобы занимать
 моихъ друзей, которые заѣзжаютъ къ намъ
 на минушу издалика мимоѣдомъ — ты
 молчишь, или шьешь въ пальцахъ, или
 забоишься о хозяйствѣ, или нянчишься
 съ дѣшми. . . . Не могу надивиться своей
 глупости! Кшо не велѣлъ мнѣ искашь
 жены въ Москвѣ, гдѣ милїонъ красавицъ,
 ловкихъ, разговорчивыхъ, образованныхъ!
 Боже мой! въ Москвѣ одинъ Кузнецкій
 мостъ спойтъ добраго инспишуша! Всякая
 молодая дѣвушка по крайней мѣрѣ разъ
 шесть въ недѣлю должна побывать въ де-
 сяти модныхъ лавкахъ! Непримѣшно, по-

купающія конфекшы, сюрпризы, сувениры, соломенные шляпки, научилась она ловкости въ обращеніи, и даже познакомились съ Философією, напримѣръ: изъ десяти купившихъ у Md. Martain прекрасныя Парижскія картинки, на которыхъ молодая дама присѣдаешь такъ мило и говоришь: *je vous félicite* (поздравляю васъ съ новымъ годомъ), девять, безъ сомнѣнія; будешь присѣдаться къ будущему новому году со всею Парижскою ловкостію; зайди къ Mr. St. Vincent: тебѣ подадутъ книгу, ты вздумаешь ее развернуть — и что же? — у васъ въ рукахъ вмѣсто книги коробочка — сыплющая конфекшы — покупаешь — а въ головѣ швоей пробуждается мысль: книга есть эмблема занятія, а конфекшы, которыхъ никакъ не ожидалъ бы въ ней найти, эмблема того удовольствія, которое неразлучно съ занятіемъ — ты кушаешь конфекшы — пользуешься нравоченіемъ, и можешь быть завтра, за шуалепомъ своимъ, развернешь на минушку библію, ромакъ, комедію. Такихъ примѣровъ милліоны. Молодая женщина, которая поупру сбѣздитъ въ Англійской магазинъ къ Буссару, въ модную церковь къ обѣднѣ, въ манежъ, и еще въ десять другихъ мѣстъ, въ нѣсколько часовъ успеешь собрать порядочный запасъ впечатлѣній разнаго рода: шамъ замѣнишь она острое

слово, здѣсь прїяшной жестѣ, памѣ новой способѣ кланяшся, или улыбашся, или смотришъ — всѣмѣ эшимѣ воспользуешся, и возвратишся домой совершеннѣе! — А здѣсь, въ уѣздномѣ городѣ? какое сравненїе! отъ кого заняшъ прїяшности! много ли найдешъ случаевѣ философствовать! въ двадцашъ, въ тридцашъ, въ сорокъ лѣтѣ ничего умнаго не услышишъ отъ Русскаго купца, копорый, опмѣрявѣ шебѣ нѣсколько аршинѣ шафшы или апласу, скажешъ: *милости прошу пожаловать въ другой разѣ*, поклонишся въ поясѣ и замолчишъ. О, я безумный! кто просилъ меня искашъ жены въ уѣздѣ!“ — Натурально, милосивые Государи, что шаное нравоченїе и самой почтительной супругѣ не можешъ понравишся — а много ли почтительныхѣ въ Русскомѣ Царствѣ? Ссора, шумѣ; жена сидишъ надувшись; мужѣ ходишъ нахмурясь; семейство разспроено на вѣки!

Таковы мужья въ уѣздахѣ (сѣ нѣкоторыми выключенїями однако; но выключенїя въ спорону). Теперь послушаемѣ мужей Московскихѣ (изѣ ихѣ числа позволше выключишъ васѣ, любезный Издашель Вѣспника Европы, пошому что я къ вамѣ пишу, и нѣкоторыхѣ другихѣ корешкихѣ моихѣ знакомцевѣ, пошому что я сѣ ними

друзенѣ); что мы услышимъ? Многіе изъ нихъ поминутно швердятъ своей половиною: „Признаюсь вамъ, милый другъ, что ваши издержки чрезвычайны! Какая мнѣ польза отъ вашихъ пріятностей, отъ вашего умѣнья жить, отъ вашего искусства обходиться съ знакомыми и незнакомыми, когда за все это принужденъ я оплачиваться наличными деньгами! Я совѣтовалъ бы вамъ рѣже посѣщать Кузнецкій мостъ, а чаще заглядывать въ дѣтскую къ вашимъ дѣтямъ; ѣздить въ Университетскую церковь, не для того чтобы слушать привѣспѣвія модныхъ враговъ супружества, кощеры восхищаются вами вслухъ, и осмѣиваютъ васъ изподтишка, въ ожиданіи той минуты, когда отворятъ двери Музея и вамъ начнутъ показывать чучель и уродовъ въ банкахъ, — а просто для того чтобы помолиться и успокоивать сердце мыслями о Богѣ; такъ же вы очень хорошо поступили бы, если бы перестали покупать въ модныхъ лавкахъ *сюрпризы*, а издумали бы сдѣлать мнѣ *сюрпризъ* своею экономіею, своею заботливостію о воспитаніи вашихъ дѣтей, своею привязанностію къ упражненіямъ полезнымъ. Будемъ ли мы счастливы, согласны, спокойны, отъ того что ваша голова будетъ осприжена а la Titus, а la Barbe-rousse, а la Barbe-bleu, что на ногахъ вашихъ будутъ башмаки

новѣйшаго фасона, а на головѣ *антики*, найденные въ Геркуланумѣ? Не могу надивиться моею оплошности! кто не велѣлъ мнѣ искашь жены въ уѣздѣ! Прощошу и незнаніе никакихъ раззорительныхъ прихошей всегда предпочту вашей любезности, вашей образованности, вашему навыку обращаться въ свѣтѣ! мишура, шумиха — болѣе ничего!“ — Вообразите, милоспивые Государи, съ какимъ лицомъ должна свѣтская женщина выслушать эту проповѣдь, которая слишкомъ опзывается уѣздомъ! Ссора, колкія слова, холодность, жена запирается въ свою диванную плакать и думать о новыхъ побѣдахъ; мужъ уходитъ въ свой кабинетъ, нахмуривъ брови; цѣлый мѣсяцъ и онъ и она живутъ въ одномъ домѣ, ѣдятъ и пьютъ за однимъ столомъ, не говоря другъ съ другомъ ни слова — далѣе — далѣе — и щасшіе семейственное разспроено на вѣки!

Чтожь дѣлать? мужа уѣздные должны ли опослать своихъ женъ къ какимъ-нибудь споличнымъ Профессорамъ свѣтской жизни на выучку? Мужья Московскіе должны ли запереть своихъ женъ крѣпко накрѣпко, и выпускашь ихъ только по Воскресеньямъ и въ шабельные дни къ обѣднѣ, и по въ шаковую церковь, куда ни

единъ свѣтскій человѣкъ не заглядываетъ, и гдѣ поюшъ на крылосахъ одни дьячки нестройными голосами? Или не вздумаешь ли намъ выдавать Журналъ, на примѣръ подъ названіемъ *Настольная книга для женщѣтъ*, въ копоромъ криптически разбирали бы мы всѣ недоспащки нашихъ женщѣтъ, разсмащривали причины семейственнаго раздоровъ, и наконецъ предлагали бы вѣрнѣйшіе способы, какъ женщѣты могутъ дѣлать щасливыми мужей своихъ, копорые всѣ безъ исключенія *достойны* щасствія, ибо всѣ до одного бываютъ дурны только отъ женщѣтъ своихъ? Наконецъ не благоразумно ли будетъ намъ прибѣгнуть и къ спрөгоспи, въ копорыхъ полезнымъ наказаніямъ, а въ случаѣ крайности и къ разводу?

Обо всемъ этомъ, милосщивые Государи, всякой изъ васъ можетъ думать, какъ ему угодно — я съ своей спороны изобрѣлъ самое легкое и по моему мнѣнію самое дѣйствительное средство. Предлагаю общественную жену мою, женщину воспитанную въ Москвѣ и очень знакомую съ большимъ свѣтомъ, одному изъ добрыхъ мужей, живущихъ въ уѣздѣ, на примѣръ въ Ливнахъ, Каширѣ, Жиздрѣ, Козельскѣ, и другихъ городахъ Россійской Имперіи; пускай научитъ онъ ее скром-

ности, простотѣ обхожденія, бережливости и прочимъ смиреннымъ добродѣтелямъ, опличающимъ супругъ уѣздныхъ; а мнѣ пускай ввѣритъ на извѣстное время и на такихъ условїяхъ, какія самъ разсудитъ назначить, любезную свою провинціалку; пускай мужа всего свѣша послѣдуяшъ нашему примѣру, и въ годъ, а много много въ два, семейственнаго щастїе сдѣлается всеобщимъ; уѣздныя жены займутъ нѣсколько образованности и наружнаго блеска отъ мужей столичныхъ, и въ то же время забудутъ грубую привычку заниматься всякую минушу своими дѣшьями, думаютъ объ экономїи, любятъ порядокъ и упражненїе — пороки, которые весьма скоро бывають исправляемы въ столицахъ; а жены столичныя возвращаясь изъ уѣздовъ съ порядочнымъ запасомъ добродѣтелей скромныхъ, неослѣпительныхъ, но, сказавъ правду, для щастїя семейственнаго необходимыхъ. — Какова покажется вамъ моя выдумка, милостивые Государи, женатые люди? Прошу васъ покорно, прежде нежели вы вздумаете надо мною смѣяться, узнать на опытъ, говорю ли я правду?

Прилагаю при семъ мой адресъ для того добраго провинціала, который разсудитъ привезти ко мнѣ свою уѣздную

жену, и взявъ отъ меня мою Московскую: живу близь Краснаго холму, въ собственномъ домѣ, — огромное каменное строеніе, со множествомъ лавокъ въ низу, и особенно замѣтное по вывѣскѣ булочника, на копорой изображенъ врендель въ зубахъ золотого коронованнаго льва. Спросише Лукьяна Демидовича Грибосолова. Я очень извѣстенъ за Яузскимъ мостомъ.

II.

Свиданія Маршала Принца де Линя съ Ж. Ж. Руссо и Вольперомъ.

(Отрывокъ изъ новой книги: Письма и мысли Маршала Принца де Линя.)

Пріятная книга, которую предлагаемъ Публикѣ, говоритъ Издашель въ предисловіи своемъ къ письмамъ Принца де Линя, сославлена изъ переписки и разныхъ отдѣльныхъ мыслей этого необыкновеннаго человѣка, который былъ въ дружеской связи со многими славными людьми, и котораго общество почитаемо было пріятнѣйшею забавою отъ многихъ знаменитыхъ Монарховъ. Маршалъ Принцъ де Линь былъ истинно любезный человѣкъ, въ томъ смыслѣ, въ которомъ принима-

юшѣ это слово люди хорошаго общества. Издашель мыслей его и писемъ сожалѣешь только о томъ, что не можешь познакомиться чашашелей съ самимъ авторомъ, который только *отъ части* изобразилъ себя въ своихъ сочиненіяхъ. Въ каждомъ изъ нихъ находите пріятность и оспрошу; но слогъ Принца де Линя по большой части, ешлы позволено такъ выразишься, ешь *слогъ разговора*. Чашая его надобно предшавляшь себѣ прекрасную фізіономію автора, его пріятную живость, его простишу въ обжоденіи, его непринужденную шушливость — тогда и самая небрежность его слога сдѣлаешся для васъ привлекательною. Все то, что нѣсколь-ко шемно по правиламъ Синшаксиса, дѣлаешся очень яснымъ въ разговорѣ, гдѣ выраженія дополняюшся взглядами, тономъ голоса и шѣми безчисленными способами, въ которыхъ заключена сила и прелешь искусства говоришь, способами, сосшавляющими истинное превосходство его передъ искусствомъ писать.

Письма Принца де Линя писаны къ Польскому Королю, которому рассказы-ваешъ онъ самымъ пріятнымъ образомъ о свиданіи своемъ съ Фридрихомъ Великимъ; къ Екатеринѣ II, къ Императору Іосифу, къ Господину Сегюру, съ которыми авторъ

разсуждаешъ о Турецкой войнѣ, къ Гну де Колиньи, кошорому описываетъ онъ славное пушешествіе въ Крымъ. Переведемъ изъ нихъ нѣсколько опривковъ.

Свиданія съ Ж. Ж. Руссо.

Услышавъ, что Ж. Ж. Руссо возвратился изъ своего изгнанія, вздумалъ я заглянуть на его чердакъ. Входя на лѣстницу, я еще не зналъ, что ему скажешь и какимъ образомъ завести съ нимъ разговоръ; но привыкнувъ слушаться моего инстинкта, кошорый всегда служилъ мнѣ вѣрнѣе нежели размышленія, вошелъ я въ горницу и приворился, будшо ошибся дверью. — Что такое? спросилъ Жанъ - Жакъ. — „Извините, Государь мой, я искалъ Господина Руссо Тулузскаго!“ — А я только Женевскій. — „Женевскій? знаю! Вѣдь вы, естли не ошибаюсь, занимаетесь собираиѣмъ правъ? Такъ точно! вотъ и правники; какія огромныя книги! онъ, признашья, гораздо лучше шѣхъ, кошорыя написаны!“ — Руссо почти улыбнулся, и началъ показывать мнѣ свои правы. Я совершенный невѣжда въ Бошаникъ; но шаялъ отъ удивленія, разсматривая эшо собраніе, для меня совсѣмъ незанимательное и сказашъ правду очень, очень посредственное. Черезъ мину-ту онъ снова надѣлъ на носъ очки, при-

нялся за работу и переспалъ мною занимаюсь; а я началъ извинять себя передъ нимъ въ своей неоспоримости; просилъ, чтобы онъ указалъ мнѣ, гдѣ найти Господина Руссо Тулузскаго; но опасаясь, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ не исполнилъ моего требованія и шѣмъ не кончилъ нашего разговора, прибавилъ я: „правду ли говоряшь, что вы очень искусны въ списываніи нотъ?“ — Онъ вспалъ, вышпцилъ изъ письменнаго столика нотную книгу, развернулъ ее: Смощрише, какая чистоща! и началъ говорить о трудности работы, о великомъ своемъ дарованіи — я вспомнилъ Сгана-реля, копорый хвасшалъ своимъ шаланшомъ складывать дрова въ беремя. Признаюсь, почщеніе, копорымъ я былъ наполненъ къ эшому человѣку, сдѣлало меня робкимъ: я даже чувшвовалъ шрепешъ, ошворяя дверь его комнашы. Око-шо и не позволяло мнѣ продолжашъ моего разговора, копорый могъ бы показашъск ему подозришельнымъ; мнѣ хощѣлось шолько получить одинъ пропускной билетъ для будущихъ моихъ посѣщеній. Я продолжалъ: „скажете, Господинъ Руссо, для чего избрали вы шаную механическую работу? можешъ бышь вы надѣбешесь еюнѣсколькоушущишь пламень вашего воображенія.“ — Ахъ, Государь мой! шѣ упражненія, въ копорыхъ имѣлъ я предметомъ свою и общую

пользу, * были мнѣ слишкомъ вредны. — Онъ снялъ очки, бросилъ правилики и подошелъ ко мнѣ съ живоспїю, когда я ему сказалъ, что соглашаюсь почищать вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторыя историческія и словесныя науки вредными для людей, неимѣющихъ основательнаго разсудка. Онъ началъ осыпать меня доказательствами, входящїи въ шаяїя подробности, которыми нѣтъ ничего подобнаго во всѣхъ его сочиненїяхъ; и разбиралъ мысли свои до самыхъ малѣйшихъ опшѣнновъ, съ такою точностїю, съ такою опредѣленностїю, которыхъ иногда перялъ въ уединенїи, можетъ быть опѣ излишества въ умственной работѣ. Онъ нѣсколько разъ воскликнулъ: *О люди! люди!* — Получивъ нѣкоторое право ему прошиворѣчь, я осмѣлился сказать: „людей обвиняютъ шакїе же люди, которыми весьма не трудно ошибаться во мнѣнїи!“ — Это заставило его на минушу задуматься. Я сказалъ, что совершенно былъ съ нимъ согласенъ въ мысляхъ, какъ дѣлалъ и принималъ благошворенїя, и въ томъ, что благодарносшь тяжкое бремя, есшьли не можемъ ни уважать, ни любить своего благошворителя. Это было ему прїяшно. Но я прибавилъ: „можно зайти въ другую крайносшь, сдѣлаться неблагодарнымъ.“ Онъ вслыхнулъ; краснорѣчивѣйшія увѣренїя полились съ

языка его рѣкою; онъ замѣшалъ въ нихъ
нѣсколько софизмовъ, копорые, безвѣсо-
мнѣннѣя, навлекъ я на себя вопросомъ:
что, естли Гослодинъ Юмъ былъ со-
вершенно невиненъ? — Знаете ли вы эша-
го человекъ? спросилъ Руссо. — Я отвѣ-
чалъ, что знаю; что я очень горячо спо-
рилъ съ нимъ на его щепъ, и заключилъ,
что опасаясь бышь несправедливымъ, все-
гда останавливаюсь въ своихъ заключенї-
яхъ обвѣ людяхъ. — Неоприятная жена его
или служанка прерывала иногда нашъ раз-
говоръ своими вопросами о бѣльѣ, обѣдѣ и
другихъ такой же важности предметахъ.
Онъ отвѣчалъ ей съ милою кротостїю;
кусокъ сыру показался бы вамъ преле-
стнѣмъ, естли бы онъ удостоилъ ска-
затьъ обвѣ немъ два слова. Я не замѣтилъ
и шѣмн недовѣрчивости въ его сбхожденїи
со мною: правду сказашъ, и и не давалъ ему
времени обратишь мысли на мое посѣще-
нїе. Наконецъ прошивъ воли моеї надле-
жало съ нимъ проспиться; взглянувъ въ
почтительномъ молчанїи на сочинителя
Новой Элоизы, я пошелъ въ двери, и
оставилъ эшопъ чердакъ, жилище мышей,
святилище Генїя. Онъ вспалъ, проводилъ
меня до самой лѣспницы, смотрѣлъ съ
любезнымъ доброжелательствомъ за мною
въ слѣдъ и не спросилъ моего имени. И
нужно ли было спрашивашъ? — Имя мое

не могло имѣть для него той важности какую имѣли имена Тацитъ, Саллюстїя Плинія. Онъ позабылъ бы объ немъ очень скоро; но случай необыкновенный заставилъ меня опянь съ нимъ увидѣться: я находился въ обществѣ Приеца Конпи, гдѣ былъ Архіепископъ Тулузскій, Президентъ Далипрѣ, нѣсколько другихъ Прелатовъ и членовъ Парламента. Тамъ я узналъ, что эти два класса людей намѣрены были причинить безпокойство Жанъ - Жаку, и написалъ къ нему письмо которое онъ весьма не къ спашу далъ прочесть и даже списать своимъ знакомымъ, и которое черезъ нѣсколько времени явилось напечатаннымъ во всѣхъ публичныхъ листахъ и газетахъ. Руссо по обыкновенію своему удостоилъ меня включишь въ число мещанскихъ своихъ непрїишелей; которые со всѣхъ сторонъ (какъ онъ думалъ) разсвѣляли ему свѣти: таково было безумство, поселившееся въ голову эшаго великаго чловѣка, восхитишельнаго и несноснаго. Но первое движеніе сердца его было всегда доброе: на другой же день по полученіи письма моего пришелъ онъ меня благодаришь. Камердинеръ мой входишь и сказываешь: *Жанъ - Жакъ Руссо!* Не смѣлъ въришь ушамъ своимъ! ошворяющся двери, вижу Жанъ - Жака и не смѣю въришь своимъ глазамъ. Людовикъ XIV

конечно не былъ спольно обрадованъ по-
сольствомъ изъ Сіама, какъ я посвще-
нїемъ моего Женевскаго Философа. Опи-
санїе, которое онъ сдѣлалъ своимъ неща-
стїямъ, изображенїе вымышленныхъ его
враговъ, картина заговора цѣлой Европы
пропивъ спокойствїя и чести одного че-
ловѣка, все это могло бы вѣроятно бытъ
пягосшнымъ моему сердцу, когда бы не
очаровано было оно удивительнымъ его
краснорѣчїемъ. Я спарался перемѣнить
матерїю, и началъ говорить о люби-
мыхъ его предметахъ — удивенїи и
сельской жизни. Я спросилъ: какъ могъ
онъ, любя шакъ снрастно Природу, за-
ключить себя въ пыльномъ Парижѣ? Лю-
безный Софистъ осыпалъ меня восхищи-
тельными парадоксами, которыми спа-
рался доказать, что о свободѣ надлежитъ
писать въ тѣсной шюрѣ, а восхищать
другихъ изображенїемъ Природы гораздо
легче въ мяшель и прескучїй морозѣ. Мы
начали говорить о Швейцарїи, и мнѣ не-
шрудно было доказать ему (не давая од-
нако чувствовашь, что я шого желалъ),
что *Юлія* и *Сень-Пре* были выучены
мною наизусть. Это удивило его и даже
обрадовало. Онъ замѣтилъ, что *Новая*
Элоиза была единственнѣмъ изъ сочи-
нїй его, которое могъ я любить и читашь,
и что я полѣнилъ бы занимашься глубоки-

ми умсшвованїями и тогда, когда бы имѣлъ расположенїе къ глубокомыслїю. Сказашь правду, я самъ не помню, чшобы когда-нибудь имѣлъ спольно ума, какъ въ продолженїе сихъ двухъ разговоровъ съ моимъ Женевскимъ мизантропомъ. Когда онъ сказалъ мнѣ рѣшительно, что будешь ожидать въ Парижѣ приговоровъ Духовенства и Парламента, по я осмѣлился обнаружить мое мнѣнїе о способахъ его поддерживать свою славу. „Чѣмъ болѣе хопише скрываеться, Господинъ Руссо — сказалъ я ему — тѣмъ болѣе себя выславляете; чѣмъ болѣе спараетесь бышь дикимъ, тѣмъ связи ваши съ гражданскимъ обществомъ спановятся тѣснѣе!“ Глаза его сїяли какъ звѣзды. Великій Генїй выливался изъ взоровъ его струями свѣта и распалаялъ мою душу. Помню, что я сказалъ ему при концѣ нашего разговора, со слезами на глазахъ: „будьте щасшливы, почтенный Руссо! будьте щасшливы хопя прошивъ воли: Ештли не согласитесь жить въ шомъ храмѣ, который поспрою вамъ въ моемъ владѣнїи, гдѣ нѣтъ ни Парламента, ни Архїепископовъ, но гдѣ найдете вы лучшихъ коровъ, лучшихъ поля и роци; по оставайтешь во Францїи. Ештли оставятъ васъ здѣсь въ покоѣ, какъ я и надѣюсь, по вы хорошо сдѣлаете, когда продадите за хорошую цѣну

свой сочиненія, купиле въ близи Парижа небольшой и прекрасной домикъ, поселилсь въ немъ, и будеше впускашь къ себѣ однихъ только избраннѣйшихъ изъ починашелей вашего Генія: вѣрьте мнѣ, что въ двѣ недѣли переспануть думашь, что вы живете на свѣтѣ.“ — Я увѣренъ, что это предложено было не по вкусу его; увѣренъ, что онъ не ужился бы и въ Эрменонвилѣ, когда бы смерть не оставила его шамъ на вѣки. Мы прощались съ нимъ добрыми друзьями. По крайней мѣрѣ уходя отъ меня оказалъ онъ болѣе нежели обыкновенно благодарности и чувства: оставшись одинъ, я почувствовалъ въ душѣ своей ту пустоту, которую обыкновенно находишь въ ней послѣ пріятнаго сновидѣнїя.

Мое пребываніе въ Фернеъ.

Я жилъ цѣлыя восемь дней у Вольпера, и во все это время старался позабыть послѣднїй умъ свой, чтобъ пользоваться какъ можно болѣе умомъ моего хозяина, который, правду сказать, и не скупился. Я желалъ бы вспомнить все то, что видѣлъ и слышалъ — великое, смѣшное, милое, забавное, острое, восхищительное, странное; но признаюсь, это выше моей силы. Я смѣялся какъ сумасшедшїй, приходилъ въ восхищенїе, пла-

налъ, удивлялся, и всякую минушу былъ внѣ себя. Все въ этомъ человѣкѣ, и самыя его просупки, и ложныя знанія, и приспрасшя, и грубость вкуса въ сужденіи обвизящныхъ искусствъ, и его напризы, и по чемъ онъ старался быть, и по что былъ онъ въ самомъ дѣлѣ, все казалось мнѣ очаровательнымъ, новымъ, прелестнымъ, непредвидѣннымъ. Ему хотѣлось записаться глубокомысленнымъ полишикомъ, глубокимъ ученымъ, и онъ соглашался даже быть скучнымъ. Въ это время предпочиталъ онъ всему конспишуцію Англїи. Помню, что я ему сказалъ: не забудьте Господинъ Вольшеръ обв Океанъ, который можетъ быть есть главная подпора Англїйской конспишуціи. — Онъ посмощрѣлъ на меня пристально. „Океанъ? въ самомъ дѣлѣ? я буду обв этомъ много думать!“ — Пришли сказать о прїездѣ одного Женевца, который надобдалъ ему смертельно — скорбе, скорбе дайше ему прїемъ Троншени (Льваръ Вольперовъ)! это значило: скажише, что я болѣнъ. Женевецъ уѣхалъ. Что вы думаете о Женевѣ? спросилъ у меня Вольшеръ. Я зналъ, что онъ въ это время ненавидѣлъ Женеву. — Несносный городъ, отаѣчалъ я; хошя, признаюсь, думалъ прошивное. — Въ это время занимался онъ объясненіемъ скучной Церковной Исторїи Аббаша Флери,

Это не Исторія, сказалъ онъ мнѣ, а сказка. Я никому не позволилъ бы называть себя добрымъ Хриспіаниномъ, кромѣ Боссюэша, Фенелона и имъ подобныхъ! вошъ люди! — „Ахъ, Господинъ Вольперъ, вы забываете о нѣсколькихъ почтенныхъ опцахъ, которыми обязаны вы порядочнымъ воспитаніемъ.“ — И по правда! и онъ началъ превозносить ихъ до небесъ. Къ счастью, спросилъ онъ, вы были въ Венеціи? Удалось ли вамъ видѣть Прокуратора Прококураяше? — „Нѣтъ! право не знаю, кто это, Прокураторъ.“ — Онъ разсердился. Развѣ не читали вы Кандида? Надобно знать, что онъ всегда по нѣскольку времени предпочиталъ одно какое-нибудь сочиненіе свое прочимъ; при мнѣ была очередь Кандида — „Виноватъ, виноватъ! я былъ въ разсвѣтѣ; я думалъ въ эту минушу о томъ, какъ меня удивили однажды Венеціанскіе гондольеры, которые пѣли Тассовъ *Иерусалимъ*, какъ древніе *Ралсоды* Гомерову *Иліаду*!“ — Какъ это! расскажите! — „Въ прекрасныя лѣшнія ночи они собираются на большомъ каналѣ и поютъ по очереди по нѣскольку спансовъ: гдѣ кончилъ одинъ, шамъ начинаешь другой. Не думаю, чтобы Парижскіе фѣакры знали ваизустъ *Генріаду*, и вѣроятно что ваши прекрасные стихи пострадали бы немного отъ грубаго ихъ жанѣва...“ —

О Варвары Вельхи! воскликнулъ мой хозяинъ: прошивники всякой гармонїи, людобды! Таковъ народъ нашъ! а наши умные люди такъ умны, что умничаютъ даже въ самыхъ заглавіяхъ книгъ своихъ; на примѣрѣ книга *Объ умѣ* писана человекомъ, который сошелъ съ ума. Прекрасная книга *О духѣ законовъ* превосходитъ ограниченное мое понятїе. Персидскїя письма для меня вразумительнѣе: и вотъ что я называю хорошою книгою. — „Однако есть писатели, которыхъ вы, кажешся мнѣ, уважаете.“ — Надобножь быть комунибудь! На примѣрѣ Даламберъ, который, неимѣя воображенїя, называетъ себя геометромъ; Дидротъ, который, наградивъ себя, Богъ знаетъ почему, пламеннымъ воображенїемъ, надутъ и ужасный крикунъ; Мармонтель, котораго пїищика, между нами сказать, непонятна. Эти господа спали бы говорить, что я зависплавъ; при дворѣ почищаютъ меня кришикомъ и льсפעкомъ; въ городѣ слишкомъ дерзкимъ Философомъ, а въ Анадемїи непрїятелемъ Философовъ; въ Римѣ величаютъ меня Анши Христомъ за то, что я не хочу цѣловать шифлей Его Святѣйшества; проповѣдникомъ деспотизма въ парламентѣ; худымъ патриотомъ за то, что я сказалъ нѣсколько словъ въ похвалу Англичанъ; разорителемъ и благодѣтелемъ книгопродавцевъ; развратникомъ за

мою цѣломудренную Орлеанку, и припѣсншелемъ за то, что я проповѣдую першимосшь! — Сами скажите, удавалось ли вамъ когда-нибудь чашать злую эпиграмму или ругательную пѣсню моего счиненія? Вотъ вывѣска злаго характера. Но эти Господа: Руссо, и Жанъ Баптистъ и Жанъ-Жакъ представили меня въ видѣ самаго дьявола. Мое знакомство съ обоими сначала шло очень хорошо. Въспѣлъ съ первымъ я пилъ шампанское за споломъ вашего бапюшки, и вашего родспвенника, Герцога д'Аремберга, у которыхъ онъ дремалъ за ужиномъ; съ послѣднимъ я нѣсколько времени кокетспвовалъ; но это сущій медвѣдь! И за то что я осмѣлился сказать, что Жанъ-Жакъ Руссо уговариваетъ человѣческой родъ ходишь на чешверенькахъ, выгнали меня изъ Женевы, гдѣ нѣтъ ни одной души, которая не проклинала бы этого сумазброда. — Онъ смѣлся отъ всего сердца всякой неожиданной глупости, и самъ очень часто говорилъ смѣшной вздоръ. Онъ едва не прыгалъ отъ удовольствія, когда я читалъ въ слухъ письмо Кавалера де Липша, который досадовалъ на него за худое исполненіе комиссіи о какихъ-то часахъ, и котораго посланіе начиналось такъ: *Я вижу, Господишь Вольтеръ, что вы преселикая скотина* и пр.

Онъ сказалъ мнѣ однажды : весь свѣтъ увѣреивъ , что кришика меня бѣситъ . Это вздоръ ! Папримѣръ , читали ли вы эту эпигramму (сочиненную Фридрихомъ II) ? Не понимаю , какимъ образомъ этому человеку , который не знаетъ правописанія , могли войти въ голову чешыре стиха прекрасныхъ и правильныхъ :

Candide est un petit vaurien
Qui n'a ni pudeur, ni cervelle.
Ah ! qu'on le reconnait bien
Pour le cadet de la Pucelle.

Мнѣ кажешся , что у васъ теперь съ нимъ худо , сказалъ я ; но признайшесь , что ваша ссора есть ссора любовниковъ — Онъ засмѣялся . Онъ столько же любилъ слышать шушки , какъ и шушить самъ . Кажется , что онъ по временамъ ссорился съ мертвыми , такъ же какъ и съ живыми ; иногда любилъ ихъ больше , иногда меньше . При мнѣ были въ милости : Фенелонъ , Лафоншень и Мольеръ .

Угоспимъ его немножко Мольеромъ , милая , сказалъ онъ Госпожѣ Денисъ , своей племянницѣ . Скорѣе нѣсколько сценъ изъ *Ученыхъ женщинъ* (le Femmes savantes) . Пойдемте въ залу , безъ церемоній . Онъ самъ игралъ Трисопина какъ не лзя хуже , но очень забавлялся своею ролюю .

Я не слыхалъ отъ него ниодного слова противъ религїи , и главнаго его непрї-

лшеля Фрерона. Я не люблю, говорилъ онъ, людей, кошорые сами себѣ прошиворѣчашь. Ошвергашь всѣ вообще религїи почишаю безумствомъ. Напримѣрѣ, накова кажешся вамъ Исповѣдь Савойскаго священника въ Эмиль нашего прїишеля Жанъ-Жана? — Досада его на Женевскаго Философа была въ то время во всей своей силѣ. Но въ эпо же самое время, когда онъ называлъ его извергомъ, досшойнымъ ссылки, галеры, казни, кто-то ему сказалъ: не обманываюсь ли, Господинъ Вольперѣ? это Жанъ-Жакъ Руссо идешь къ вамъ на дворъ! — Онъ вскочилъ и воскликнулъ: гдѣ онъ, несчастный! ведите его сюда! мои обяшїя для него ошкрышы: можешъ бышь его вышѣснили изъ Ньюшашеля. Сыщите его! все, что имѣю, принадлежишь ему.

Господинъ Коншанъ просилъ у него, въ моемъ присушствїи, экземпляра Испорїи Пешра Великаго! „Вы съ ума сошли! подите къ Лакомбу, читайше его Испорїю! ему не давали ни медали, ни шубы.“

Въ то время онъ былъ въ ужасной досадѣ на Парламеншь, и всякой разъ, когда вспрѣчался съ своимъ осломъ у воротъ сада, снималъ шляпу, кланялся ему въ поясъ и говорилъ: покорно прошу, извольте идиши впередъ господинъ Президентъ,

Одинъ чулошной фабрикантъ вошелъ въ госпиную безъ доклада. Вольшеръ — (который ужасно боялся всѣхъ посѣщеній, и который самъ открылся мнѣ, что опасаясь со мною наскучить, принялъ на всякой случай слабительнаго, дабы имѣть право сказать больнымъ) — бросился въ кабинетъ. Фабрикантъ послѣдовалъ за нимъ, говоря: Господинъ Вольшеръ, погодите, я сынъ одной дамы, которой вы написали стихи, — „Боже мой! мнѣ нельзя перечислить стиховъ женщинъ, для которыхъ я писалъ стихи! просните, Государь мой, вашъ покорный слуга!“ — Это Госпожа Фоншель — Маршель! — „Очень ее знаю! прекрасная и милая! желаю вамъ быть здоровымъ (и онъ пошевеливъ за собою дверь кабинета).“ — Скажите мнѣ, Господинъ Вольшеръ, гдѣ научились вы такъ прекрасно убирать горницы? Не ужели вы сами построили эшотъ Замокъ? — (Вольшеръ выставилъ голову изъ дверей) „Самъ, Государь мой! кому же другому! какова кажется вамъ лѣспница!“ — Я прѣѣхалъ въ Швейцарію, чтобы увидѣть Господина Галлера (Вольшеръ спрянулъ голову и пришворилъ дверь). — Ахъ, Боже мой! какое огромное строеніе! какой прекрасный садъ! — (Вольшеръ опять выставилъ голову) „Конечно прекрасный! а разбивалъ его, Государь мой, я. Садов-

никъ мой великая скопина.“ — Поздравляю васъ! Не правда ли, Государь мой, что эпопъ Галлеръ великой человекъ? (Вольшеръ спрясалъ голову.) Но сколько времени, желаю знать, могла продолжаться постройка такого обширнаго дома? (Вольшеръ выставилъ голову.) Однимъ словомъ, они сыграли передо мною очень забавную комедію, и такихъ комедій видѣлъ я нѣсколько. Вольшеръ смѣшилъ и восхищалъ меня своею вспыльчивостію, своими капризами, своимъ любезнымъ, младенческимъ раскаяніемъ. Иногда я видѣлъ передъ собою писателя, иногда придворнаго времени Людовика XIV, иногда любезнаго, веселаго, остроумнаго свѣтскаго человека. Онъ былъ чрезвычайно смѣшонъ, когда игралъ ролю помѣщика: разговаривалъ съ своими поселянами, какъ будто съ посланниками Римскими или съ Царями, осаждавшими Трою. — Надобно описать его одежду. Въ будни ходилъ онъ обыкновенно въ башмакахъ, въ сѣрыхъ чулкахъ, въ огромномъ камзолѣ, копорый доспавалъ до коленъ, въ обширномъ и длинномъ парикѣ, на копорой надѣвался маленькой, изъ чернаго бархата колпакъ. По Воскресеньямъ являлся онъ въ прекрасномъ кафтанѣ мордоре, въ такомъ же исподнемъ плащѣ и камзолѣ, копорый весь былъ выкладенъ богатымъ голуномъ; руки его до самыхъ

пальцевъ были закрыты широкими кружевными манжетами. Въ шакомъ нарядѣ наженъся почтеннѣе, говорилъ онъ мнѣ, указывая на свои манжеты.

Воопервъ былъ очень милъ и добрѣ въ обращеніи съ шѣми людьми, копорые окружали его: шупилъ со всѣми, и всѣхъ заспавлялъ смѣяться. Надобно было его видѣть оживленнаго блестящимъ и пламеннымъ своимъ воображеніемъ; онъ разсыпалъ вокругъ себя оспроуміе и веселость; всякой при немъ находилъ себя и умнымъ и оспрымъ. Живопись его переливалась въ другиѣхъ; онъ съ жадностію върилъ добру; все откосилъ къ шому, что мыслилъ и чѣмъ занимался въ шу минушу; умѣлъ заспавляшь и мыслишь и говоришь шѣхъ, копорые хошя немного были на то способны; сѣбшилъ на помощь ко всякому нещасшлицу; спроилъ дома для бѣдныхъ семействъ, и былъ истинно добрый человекъ въ собшвенномъ домѣ, добрый человекъ съ своими людьми, добрый человекъ въ своей деревнѣ — добрый, и въ шоже время великій: соединеніе, безъ копораго нѣтъ ни прямой великости, ни прямой доброты; ибо обширный Геній разпротраняетъ и самое добродушіе, а добродушіе хранишь чиспоту и неиспорченность великаго Генія.

III.

Извѣстія о Голландіи.

(Выбранныя изъ путешествія Англичанина Джона Карра въ Голландію и Южную Германію, писанныя въ 1806 году.)

Джонъ Карръ, человекъ весьма безприсрастный, пишеть пріятнымъ слогомъ и нравишя своимъ проспосердечіемъ. „Спрасно желая путешествовать, шакъ говоришь онъ въ началѣ книги своей, и видя что невозможно надѣяться скорого мира, я вздумалъ выпросить паспортъ у одного пріятеля моего Американца и бѣхашъ подѣ чужимъ именемъ на швердую землю. Я выбралъ мѣсцомъ рожденія моего городъ Балшиморъ въ Сѣверной Америкѣ. Пріятель мой обѣщаль доставить мнѣ подробное описаніе всѣхъ окрешношей этого города, всѣхъ замѣчательныхъ его зданій и всѣхъ принадлежащихъ къ нему заведеній — для того чтобы я могъ безъ замѣшательства отвѣчать на всѣ вопросы, копорые вздумалось бы какому — нибудь любопытному сдѣлать мнѣ касательного мнимаго моего опечества. Я долго дождался этого описанія, не получилъ его и наконецъ, потерявъ шерпніе, рѣшился отправишя, на волю Божію, въ дорогу.

Но Джонъ Карръ (вброятно не отъ раскаянїя, а только въ предосторожность пѣмъ, которые вздумали бы подражать примѣру его) признается, что инкогни-то его иногда причиняло ему великія затрудненїя, и совѣщаетъ всякому путешественнику или путешествовать подъ собственнымъ своимъ именемъ, или — совсемъ не путешествовать.

„Глаза, поупленные въ землю, видѣ глубокомыслїя и мѣрная походка — шаковы признаки Ропшердамскаго гражданина, пишетъ Джонъ Карръ. Я видѣлъ на однихъ только мапросахъ тѣ ужасно-широкїя исподницы, въ которыхъ воображенїе представляло мнѣ каждаго Голландца; за то весьма любовался оригинальнымъ костюмомъ большой части мужчинъ и женщинъ: первые всегда одѣши въ длинные камзолы, а послѣднїя ходятъ въ короткихъ юбкахъ со множествомъ складокъ и въ голубыхъ башмакахъ, на которыхъ сияютъ огромныя серебряныя пряжки. Большою частїю гардеробы Голландца наследственные — вначальное платье переходитъ отъ прадеда къ правнуку — послѣднїй долженъ явиться къ алшарю въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ вначался первый. Обыкновенїе, можетъ быть нѣсколько странное, но для меня весьма почтенное.“

„Во всѣхъ почти Голландскихъ городахъ улицы шавъ похожи одна на другую, что иностранецъ никакъ не можетъ безъ проводника находить дорогу. — Небольшія шлюпки, въ кошорыхъ кашающія купцы по каналамъ, и кошорыя обыкновенно бывающъ привязаны передъ домами ихъ, сдѣланы очень грубо, и кажутся построены только для того чтобы въ нихъ спать и жюришь табакъ. Набережныя Роттердамскія широки, просторны и всѣ обсажены прекрасными деревьями. Каналы въ этомъ городѣ чище и глубже, нежели въ другихъ городахъ Голландіи.“

„Кто думаетъ, пишетъ Джонъ Карръ, что надобно молчать, или говоришь только дурное о шѣхъ людяхъ, кошорыхъ мы почищаемъ своими непріятелями, хотя впрочемъ уважаемъ, тошъ конечно не будетъ чинить путешествія моего съ удовольствіемъ.“ — Онъ описываетъ пребываніе Короля и Королевы Голландскихъ въ Роттердамъ. „Прѣбжавъ въ Роттердамъ, они прямо пошли на биржу, гдѣ были встрѣчены главными чиновниками и всѣми депутатами купечества. Пріемъ, сдѣланный имъ, показался для нихъ лучшимъ. Тѣ, кошорые знали Королеву и прежде и послѣ возвышенія родственниковъ ея, утверждающъ, что она женщина просвѣщен-

ная, любезная и во многихъ отношеніяхъ рѣдкая. Она разговаривая очень ласково съ инокшорыми купцами, между прочимъ сказала имъ: Мы очень благодарны за шо непришворное доброжелательство, съ каимъ принимающъ насъ жители Голландіи. Будучи иносшранцами, не могли мы ожидать шакого ласковаго пріема; но мы надѣемся прожить у васъ довольно долго, и слѣдствено будемъ имѣть время сдѣлать вамъ сколько добра, сколько ошъ насъ зависишъ. — Эти любезныя слова, сказанныя съ шою пріятноспію, кошорою отлично одарена Королева Голландская, пронули жителей Роттердама, и произвели къ ней всеобщее уваженіе. Съ биржи Король и Королева пошли въ Адмиральшество, гдѣ пригошвленъ былъ для нихъ великолѣпный завшракъ. Они ѣздили по городу въ просшой карешъ, безъ свишны и гвардіи. “

„Надобно отдать справедливостъ Голландцамъ, что школы народныя были для правительства ихъ всегда важнымъ предметомъ попеченія. По увѣренію людей, знающихъ это дѣло, нынѣшній Король весьма расположенъ покровительствовать симъ заведеніямъ. . . . Каждый годъ два раза воспитанники городского училища бѣдныхъ бывающъ экзаменованы въ ка-

едральной церкви публично и въ присутствіи главныхъ чиновниковъ. Опышнѣйшій Англійскій купецъ удивился бы глубокому знанію въ Ариемешикъ молодыхъ людей, служащихъ въ Голландскихъ коншорахъ, ихъ дѣятельности, проворству и точности, съ каними въ одинъ день исправляющъ они великое множество дѣлъ, порядку, въ какомъ содержатся ихъ книги, быспрошъ и важности ихъ счетовъ и легкости, съ какою выражающся они на многихъ иноспранныхъ языкахъ. Не менѣе удивительны показались бы ему и продолжительная ихъ служба, въ которой они очень прилѣжны, и порядочное поведеніе ихъ, которыми вообще они отличаются.

Джонъ Карръ съ особеннымъ удовольствіемъ разсматривалъ на улицахъ лавки съ плодами и зеленью. Плоды — по увѣренію его — лучше, а зелень содержится въ большей числотѣ нежели въ Англїи. Но числота служанокъ показалась ему весьма утомительною и скучною: онѣ безпрестанно моютъ, чистятъ, скребутъ, метутъ и обтираютъ. „Эти блюстительницы чистоты съ такою заботливостію — пишутъ нашъ путешественникъ — обметаютъ каждый уголъ въ домахъ своихъ господъ, выбѣленныхъ алебастромъ, такъ

прибжно стараются предохранить отъ ржавчины мѣдные замки дверей, а мебели отъ нечистоты и пыли, что сами забываютъ быть опрятными, и вы видите ихъ вѣчно въ изорванныхъ и нечистыхъ плащяхъ, съ замараннымъ лицомъ и руками. “

Голландцы спрасшно любящъ курить шабакъ. „Всякой разъ, когда я входилъ въ кофейный домъ — пишетъ Джонъ Карръ — подавали мнѣ глиняную шрубку, и я долженъ былъ курить въ обществѣ двадцати человекъ, которые всѣ до одного держали во рту шака же шрубки и окружали меня ужасными пучами дыму. Надобно думать, что Голландцы, будучи шаками охотниками до куренія шабаку, издерживаютъ очень много денегъ на шрубки, которыхъ здѣсь можно почестъ предметомъ роскоши. Вы найдете здѣсь шрубки всякой величины и формы. Самыя дорогія дѣлаются изъ пивки; она прозрачная и выписывается изъ Турціи.“

Изъ Роттердама Джонъ Карръ поѣхалъ во Дельфтъ. Этотъ городъ, пишетъ онъ, довольно великъ, но очень скученъ и тихъ, какъ монастырь, выключая одну только улицу, ведущую къ Гагской дороге. На колокольнѣ новой церкви счислеш-

ся отъ четырехъ до пяти сошъ колоколовъ, копорые славны своимъ прїяшнымъ звономъ. Эпа колокольная музыка принадлежишъ исключительно Голландцамъ. Колокола приводящя въ движенїе посредствомъ ключа, копорый сообщается съ ними также шочно, какъ въ форшепїанахъ съ струнами, а въ органахъ съ дудками. Музыканшъ долженъ прилбжно и долго учишься, чшобы получишь надлежащїй навывъ и проворшво. Посредшвомъ педалей, соединяющихся съ самыми большими колоколами, играешъ онъ басъ въ то время, когда пальцы его бьютъ по клавишамъ; на мизинцы надбнаешъ онъ кожаные наперстки, чшобы избавишь себя отъ боли, кошорую непременно приключило бы ему движенїе эшихъ пальцевъ, ибо нбкошорыя клавиши должны бышь тяжелб фунша, для произведенїа надлежащаго звука. Такимъ образомъ цблый городъ можешъ въ одно время наслаждашья прїяшнымъ концершомъ. Изобрбшенїе прекрасное, и можно сказашь, приличное характеру бережливыхъ Голландцевъ, кошорые, любя удовольствїе, не хомяшъ однако щеряшь для нихъ драгоценнаго времени.

„Перебзая изъ Дельфта въ Гагу, чувшвуешъ благодбштельное влїянїе верховной власни. По шому описанїю, кошорое

сдѣлано мнѣ было о семъ городѣ въ Лондонѣ, я ожидалъ найти здѣсь нѣсколько бѣдныхъ, разсѣянныхъ лачужекъ, каналъ, наполненный шинистою водою, важныхъ, задумчивыхъ купцовъ, успремившихъ глаза на лягушекъ; вмѣсто того увидѣлъ я множество большихъ торговыхъ барокъ и прекрасно убранныхъ шлюбокъ, плавающихъ взадъ и впередъ по каналу, а на дорогахъ множество экипажей разной величины и формы.

Когда Луиза Колинъ вышла замужъ за Вильгельма I, то жиители Гаги выслали ей на встрѣчу почтовую повозку — и она вѣрхала въ городъ, сидя на доскѣ. Тогда Гага была небольшою деревнею. Теперь она прекрасный и даже великолѣпный городъ. Прогуливаясь по улицамъ, пишешь нашъ путешественникъ, съ великимъ удовольствіемъ разсматривалъ я большіе, обширные и очень хорошо выстроеныя дома. Улицы прямыя, чрезвычайно широкія, прекрасно вымощенныя, обѣнныя густыми деревьями и пересѣкаемыя каналами, разнообразіе зданій и сценъ, близость къ морю, высокое положеніе мѣста и чистота воздуха даютъ Гагѣ право называться первымъ и лучшимъ городомъ во всей Голландіи. *Фооргутъ* (Voorhut) есть главная улица, а *Виверъ* (Vyver) лу-

чшее мѣсто въ городѣ. Передъ Дворцемъ штаповъ сдѣланъ обширный бассейнъ, наполненный чистою и прозрачною водою; по лѣвую сторону его увидите дворецъ Штадтгальшера, по правую цѣлый рядъ великолѣпныхъ домовъ, отдѣленныхъ отъ *Вивера* гульбищемъ; а прямо противъ Дворца штаповъ, по ту сторону бассейна, площадь, украшенную множествомъ обширныхъ публичныхъ зданій. Городовое гульбище прекрасно. Ввечеру встрѣчалъ я на немъ множество милостивыхъ Голландскихъ женщинъ, одѣтыхъ по образцу Француженокъ — обыкновеннѣе, принятое во всѣхъ лучшихъ фамиліяхъ Гаги.

Въ семь ошечствѣ дѣятельности пользуясь всѣмъ, что имѣютъ передъ глазами: на примѣрѣ, запрягающѣ козъ въ маленькія одноколки, въ которыхъ вывозятъ дѣшей на чистой воздухъ; собаки служатъ для перевозки фаянсовой посуды и многихъ шваровъ, въ особенності рыбы. Ни что не можешь сравниться съ ихъ послушаніемъ, и Голландцы, которые вообще добродушны и справедливы, весьма пекутся объ эшихъ живошныхъ, которыми даютъ хорошій кормъ и ошводящѣ покойное мѣсто въ домахъ своихъ.

Джонъ Карръ говоритъ съ похвалою о шеашрѣ, построеномъ въ Гагѣ. Онъ ош-

дѣланъ со вкусомъ — говоришь онъ — но вы замѣчаете бережливость въ самыхъ увеселеніяхъ Голландцевъ. Напримѣръ, каждый изъ музыкантовъ, составляющихъ пеантральный оркестръ въ Гагъ, обязанъ *контрактомъ* гасить свѣчу въ ту самую минушу, въ которую опустился занавѣсъ.

Въ Лейденѣ путешественникъ сдѣлалъ любопытное замѣчаніе. Прогуливаясь однажды по городу, пишетъ онъ, увидѣлъ я на воротахъ одного дома небольшую дощечку, украшенную кружевами и съ надписью. Это значило, что въ домѣ находились больные. Жители Лейдена имѣютъ обыкновеніе прибавить къ воротамъ домовъ своихъ такія дощечки, для извѣщенія друзей и знакомыхъ о болѣзни, и чтобы избавить ихъ отъ труда навѣдываться ходить въ дома, а между тѣмъ и беспокоить домашнихъ своими разспросами. Такія дощечки должны быть выставляемы только въ случаѣ важной болѣзни.

Извѣстно, какъ спростны жили Гарлема къ цвѣтамъ. Джонъ Карръ видѣлъ охотника до цвѣтовъ, который не согласился уступить одного гіацинта за 475 гиней, предложенныхъ ему другимъ охотникомъ. Жонкили и нарциссы продаются также весьма дорого.

Въ 12 часовъ ночи, когда городскія вороша были уже зашворены, прїѣхалъ Джонъ Карръ въ Амстердамъ; его впустили за нѣсколько шшиверовъ. „На другой день, пишеть онъ, я очень рано проснулся отъ музыки колоколовъ, копорая казалась мнѣ опдаленными и прїяшными звунами арфы. Еще не было семи часовъ ушра, но вездѣ уже слышался шумъ дѣяшельности, начинающійся въ другихъ земляхъ не ранѣ полудня. Погода была прекрасная; я одѣлся, вышелъ и вмѣшался въ толпу, копорая казалась мнѣ оживленною прудолоубіемъ муравьевъ. Я замѣшилъ слишкомъ мало повозокъ на колесахъ: мнѣ сказали, что ихъ число ограничено предусмошрительностию полиціи, опасасющейся, чтобы отъ спужу колесъ не пошряслись основанія домовъ, копорые всѣ почти построены на сваяхъ. Здѣсь для перевозки употребляютъ по большой части одни только сани, что очень непріятно для зрѣнїя!“

Весь городъ перерѣзанъ каналами, и всѣ улицы обсажены густыми и высокими вязами; за то нѣтъ ни одной площади.

Послѣ театра жительство Амстердама имѣющъ обыкновеніе посѣщать *Рондель*, мѣсто, въ копорое женщины перваго класса собираются для вальсовъ. Зала очень

мала и худо убрана; орнаментъ самой бѣдной, а иллюминація между деревьями составлена изъ десяти или двенадцати плашекъ. Женщины Голландскія оплечаются своею благоприспособленною и скромнымъ видомъ. Дѣвицы ведутъ себя очень хорошо, но безъ всякой излишней и часто весьма подозрительной строгости, а замужнія могутъ служить примѣромъ супруговъ вѣрныхъ, порядочныхъ и трудолюбивыхъ.

(Изъ *Esprit des Journ.*)

IV.

Щастливѣйшее состоянiе.

(Еще отрывокъ изъ сочиненiй Маршала Принца де Линя.)

Переводчикъ посвящаетъ эту піесу любезному Э. А. Кам....ину.

Иногда случается мнѣ думать о томъ, что вижу вокругъ себя. Разсматриваю всѣ состоянiя, гражданскія степени, чины, обязанности, упражненiя, художества, ремесла — одни за другими, и спрашиваю самъ у себя: которое изъ нихъ самое щастливое? Признаться, не повимаю, какую прелесть можно найсти въ долготѣ и сле-

бели Руссова Эмиля; согласенъ, что написать объ нихъ двѣ или три пріятныя страницы гораздо легче, нежели о томъ, что я предложу намбренъ — но я имѣю свои причины. Не люблю ни *маленькихъ* королей, ни *маленькихъ* помѣщиковъ, ни *маленькихъ* судей, ни *маленькихъ* опшупщиковъ; все маленькое, въ какомъ бы состояніи оно ни было, даже въ самомъ высокомъ, кажется мнѣ униженнымъ: я вижу зависимость, начальниковъ, подчиненность — сносно ли это? Для счастья необходимо нужно имѣть нѣсколько пруда, нѣсколько власпи, очень немного зависимости и такое состояніе, въ которомъ могли бы мы доставлять себѣ все нужное съ нѣкоторыми при томъ излишествами. Все это нахожу въ состояніи уѣзднаго *Почтмейстера*.

Я представляю его живущаго въ большой деревнѣ, гдѣ нѣтъ ни господскаго дома, ни помѣщика; домикъ его, очень покойный и чистый, архитектурой простой, но пріятной, расположенъ на пригоркѣ, мимо котораго идетъ большая дорога; съ сѣвера прикрываетъ его липовая роща, орошаемая свѣплымъ ручьемъ; съ одной стороны лугъ, принадлежащій къ дому; по рощѣ извиаются двѣ прекрасныя и чистыя дорожки: одна ведетъ на почто-

вой дворъ и въ коншору, куда нашъ *щастливецъ* ходилъ только по ушрамъ занимающа дѣломъ, или иногда разговаривать съ пробѣжими, узнавать отъ нихъ новости и забавляясь надъ нѣкошорыми оригиналами; другая примыкаетъ къ деревенской площади, обсаженной липами, посреди кошорой выспроена маленькая каменная церковь и за церковью между липами мелькаетъ домикъ Пастора, выбѣленный извѣспкою и покрытый черепицею; сюда приходилъ онъ обыкновенно часу въ шестомъ послѣ обѣда, рассказываетъ Пастору слышанныя имъ отъ пробѣжихъ новости, курилъ съ нимъ табакъ, сидя подъ спарою липою на дерновой скамьѣ, и забавлялся играми поселянъ, которые сходясь на эту же площадь, кончили свои дневныя работы.

Кто чаще другихъ рассказываетъ намъ новости, тому невольно и мы отдаемъ преимущество предъ другими, будучи нѣкошорымъ образомъ увѣрены, что ему открыты важныя государственныя тайны. Начальство надъ нѣсколькими поспильйонами удовлетворяетъ нашей естественной склонности имѣть кого-нибудь или что-нибудь въ своей власпи, и мы въ то же время избавлены отъ всякой заботливости и всякаго безпокойства. *Щаст*

ливецъ мой не подчиненъ никому, кромѣ одного главнаго Директора почтъ, живущаго далеко въ сторонѣ, неимѣющаго причины бытъ слишкомъ взыскашельнымъ; и что всего лучше, онъ не обязанъ вести переписки и никогда не можетъ опоздать на почту. Одинъ или два раза въ годъ случится ему съѣздить на ярмарку для закупки лошадей — обязанность пріятная, ни мало неограничивающая его свободы, и напросивъ нѣсколько оживляющая однообразіе деревенской жизни; не забудьте и о томъ, что всякой почти день имѣетъ онъ случай видѣть новыя лица, и дѣлать новыя знакомства, изъ копорыхъ многія весьма пріятны, и ни одно не можетъ бытъ въ шугость, ибо всѣ до одного минушины. Живучи дома, онъ знаетъ всѣ дальныя, всѣ окружныя мѣста вдоль и поперекъ. Онъ возитъ на ярмарку прочтанныя имъ книги, и вымѣниваетъ на нихъ другія, копорыя хочетъ прочесть. Хорошая, услужливая кухарка спрянаетъ ему обѣдъ; иногда приглашаетъ онъ къ столу своему сельскаго Паспора, съ женою, дочерью, племянницею; или того изъ путешественниковъ и путешественницъ, копорыя ему понравились; или добраго пріятеля изъ сосѣдняго города, изъ сосѣдней деревни. У него есть ружье и собака: онъ охотничавъ ходитъ за дичью въ болоте.

Есть теплый каминъ, который зажигается въ пасмурные осенніе дни и передъ которыми онъ любилъ читать газеты. Изъ годового дохода своего удѣляетъ онъ по возможности маленькую часшицу на вспоможеніе нищимъ своего села, или шѣмъ изувѣченнымъ бѣднякамъ, которые шагающа по большимъ дорогамъ и такъ часто бывающъ оскорбляемы жестокостію проезжихъ. Въ деревнѣ его случилось несчастіе съ семействомъ добрыхъ поселянъ — сгорѣла изба, хлѣбъ выбитъ градомъ! — Онъ можетъ разпрогашъ въ ихъ пользу какого-нибудь проезжающаго *Набоба*, который путешествуешь *отъ скуки*, единственно для того чтобы не сидѣть дома.

Знашнй и богатый Господинъ боится разоренія отъ собственнаго своего прищика; мажросъ боится бури; плотникъ боится упасть съ кровли, или порубить себѣ ногу собственнымъ своимъ топоромъ; каменщикъ ядовишой извешковой пыли; рудокопъ сѣрнаго запаха и душнаго воздуха, спирающагося въ рудокопняхъ; охотникъ волковъ и лѣсничихъ; поваръ и булочникъ несперимаго жара отъ очага и печи въ лѣшнее время; акперъ свисковъ; писатель журналовъ — кого боится Почтмейстеръ? Никого! Онъ обезпеченъ со всѣхъ сторонъ! Одна забота —

чтобъ лошади его не померли отъ голода или отъ излишней сытости, чтобы онъ паслись на прекрасномъ его лугу, и чтобы конюшни его были здоровы и чисты.

Таково завидное состояніе Почтмейстера — не хочу сравнивать съ нимъ другихъ, но скажу мимоходомъ, что еще два состоянія — парикмахера и простаго пашуха имбюшъ въ глазахъ моихъ большія пріятности. Первый бываетъ занятъ только по ушрамъ; онъ вѣчно въ большомъ свѣтѣ, все слышитъ, все знаетъ, ибо никто и не думаетъ, чтобы шопъ, кто пудритъ волосы, могъ слышать ушами; второй всегда наслаждается чистымъ воздухомъ и полнымъ бездѣйствіемъ: имперія его необширна, министры его самые вѣрные — стадо и двѣ собаки.

Желалъ бы сказать, что состояніе самое почтенное есть въ то же время и самое щастливое: но я не могу говорить противъ собственной моей увѣренности. Я самъ шакъ часто васъ мучилъ, добрые мои поварищи, храбрые солдаты — въ мирное время ученіемъ, въ военное изнурительными маршами — что мнѣ остается только вамъ удивляться. Ни слова о шѣхъ рубцахъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, которые достаются вамъ на сраженіяхъ: опасность плаша за славу.

Объ источникахъ для Русской Исторіи.

(Продолженіе.)

Приступимъ теперь къ исчисленію прочихъ источниковъ для древней Русской исторіи, и начнемъ съ *Книгъ степенныхъ*. Миллеръ называетъ Степенныя книги методическимъ сочиненіемъ, составленнымъ изъ лѣтописей по порядку княженій и главнѣйшихъ происшествій, и такъ расположеннымъ, что все къ одному времени принадлежащее въ одномъ мѣстѣ и описано. Книги сіи называются *Степенными* по тому, что онѣ расположены по степенямъ рода Россійскихъ владѣтелей. Чтобы имѣть о семъ понятіе, надобно заглянуть въ Крашную Лѣтописецъ Ломоносова, гдѣ показанъ послѣдствительный порядокъ степеней и число Государей. Отъ Владиміра великаго начинаются степени, которыхъ до Царя Іоанна Васильевича грознаго считается семнадцать. Степени раздѣлены на *главы*, а сіи по различію происшествій на *типы*. Въ нѣкоторыхъ Степенныхъ книгахъ прибавлена еще одна степень, то есть царствованіе Феодора Іоанновича; другія продолжаютъ еще далѣе, но уже безъ раздѣленія на степени.

Основаніе Сшепеннымъ книгамъ положилъ Кипріянь Мишрополишъ Московскій, родомъ Сербъ, жившій въ 14 вѣвѣ при великомъ Князѣ Димитріи Іоанновичѣ Донскомъ, и скончавшійся 1406 го года. Макарій, также Московскій Мишрополишъ 16 го вѣка (*), исправилъ Сшепенныя книги, и включилъ въ нихъ многія прибавленія; онъ подробно описалъ по годамъ первыя 26 лѣтъ государствования современника своего, Царя Іоанна Васильевича Грознаго.

Сшепенныя книги полезны для желающаго знать родословную Государей. Главныя недоспашии сего сочиненія состоятъ въ томъ, что 1 е, во многихъ мѣстахъ не положено лѣточисленія, необходимо нужнаго для испоріи; 2 е, повѣствованіе о древнихъ временахъ большею часшю состоитъ изъ несносныхъ басенъ; собирали безъ разбору выписывали изъ книгъ заграничныхъ всякую всячину. Предки ихъ заимствовали только отъ Византійскихъ испориковъ; напрошивъ того сочинителя Сшепенныхъ книгъ не погнушались Польскими, Богемскими и Прусскими писателями, которые только не долго предъ тѣмъ произвели на свѣтъ Леха, Чеха, Руса, Палемона и прочихъ

(*) Онъ скончался 1564 года.

храбрыхъ випязей. Къ счастью еще не знали они Исландскихъ рассказчиковъ. За, вмѣсто того чтобы въ описаніи произшествій останавливаться болѣе надъ государственнымъ дѣлами, сочинители говорящъ съ подробностію, даже излишнею, о разныхъ монастырскихъ случаяхъ, рассказывающъ о чудесахъ въ исторіи не принадлежащихъ, распространяющъ въ набожныхъ сужденіяхъ, которыя однакожь драгоценны для историка шѣмъ, что показываютъ обычаи и расположеніе умовъ тогдашняго времени, а для филолога шѣмъ, что въ нихъ сіяетъ великолѣпіе Славянскаго языка.

Не извѣстно, остались ли списки Степенныхъ книгъ Митрополиа Кипріана; во ошъ Манаріевыхъ ничего новаго не прибыло къ объясненію Русской исторіи; вопрошивъ того будучи изданъ Московскимъ Митрополиомъ, онъ получилъ важность неоспоримую, шавъ что переписчики списанныхъ лѣтописей почли долгомъ своимъ присоединяшъ къ нимъ новыя прибавленія изъ книгъ Степенныхъ. Чужестранцы по обыкновенію своему приняли странное мнѣіе. Въ Actis Boruss. (1. стр. 882) Степенныя книги названы *главною лѣтописью*, написанною по приказанію Патриарха (сочинитель хотѣлъ

сказать *Милтрололила*) при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Коль, Профессоръ С. Пешбургской Академіи наукъ, въ сочиненіи своемъ о Славянской Липшерашурѣ показалъ: еще болѣе невѣжества въ Русскихъ лѣтописяхъ. Делиль, Французской Астрономъ, привезъ Степенныя книги въ Парижъ, и де Гинье получивъ ихъ думалъ, что досталъ подлинныя Русскія лѣтописи.

Въ 1775 году, когда боязливое отъ свободнаго книгопечатанія отвращеніе, которое справедливо Г. Шлецеръ называетъ болѣзью, мало по малу уменьшилось, покойный Миллеръ напечаталъ въ Москвѣ Степенныя книги Макарьевы, по рукописи оставшейся отъ временъ Царя Іоанна Грознаго, принадлежавшей убитенному Архіепископу Московскому Амвросію. Степенныхъ книгъ рукописныхъ должно быть очень много. Академія наукъ имѣетъ ихъ шесть.

Хронографы содержатъ въ себѣ исторію всего свѣта, по тогдашнему о ней пониманію. Сочинители списывали ее изъ Кедрина, Зонара, Склици и другихъ историковъ Византійскихъ. Въ сихъ книгахъ повѣствованіе начинается отъ сотворенія мѣра; описываются чешыре монархіи, изъ числа коихъ Греческая составляетъ

главной предметъ; о Россіи упоминается короче, и по мимоходомъ; по разрушеніи Христіанской Византійской Имперіи ошечественныя произшествія занимаютъ уже болѣе мѣста, и предлагаются гораздо подробнѣе, однакожь не такъ общоупельно, какъ въ лѣтописяхъ. Не извѣстно, кто были сочинители Хронографовъ: надобно думать, что надъ ними прудились монахи, ибо только въ мирныхъ обителяхъ благочестія Греческая словесность находила себѣ пристанище. Хронографы написаны не въ одно время, но были продолжаемы, какъ лѣтописи и Спененныя книги. Нѣкоторыя изъ нихъ доведены до царствованія Алексія Михайловича. Въ Демидовской библіотекѣ при здѣшнемъ Университетѣ есть два Хронографа: въ 1 мѣ содержится исторія ошѣ сотворенія свѣта, и Россійскія произщесствія занимаютъ въ немъ цѣлую прешь; во 2 мѣ вмѣщается вся Россійская исторія до 1700 года. Сей послѣдній собранъ изъ различныхъ книгъ въ 1744 мѣ году для Канцлера Графа Беспужева. Вѣроятно, что въ Хронографахъ много заключается важнаго для Россійской Исторіи. Г. Шлецеръ пишетъ, что онъ не одинъ разъ пользовался ими для поправленія ошибокъ въ лѣтописяхъ. Донынѣ еще не напечатанъ ни одинъ изъ Хронографовъ.

Родословныя книги содержатъ въ себѣ извѣстїя о началѣ знашнвѣйшихъ родовъ, о преимуществвахъ ихъ и о случаяхъ, при которыхъ разныя особы употребляемы были на службу государшвенную, какъ въ военное время, такъ и въ мирное. Императорская Академія наукъ имѣетъ сихъ Родословныхъ книгъ пять.

Во всѣхъ государствахъ породы отличнo уважающся; въ Россіи еще болѣе дорожили симъ преимуществомъ. Едва ли былъ какой-либо знатной домъ, который не имѣлъ своей родословной росписи. Вельможи и чиновники, которые вели родъ свой отъ временъ опдаленнѣйшихъ, назывались *родословными людьми*. Были неоднократно повелѣнія отъ Царей доставлять во Двору на утвержденіе *родословныя росписи*; изъ нихъ составлены Родословныя книги.

Есть Родословныя книги оставшіяся отъ царшвованія Іоанна Грознаго; однакожь ихъ весьма немного. Составлены въ 1682 году при Царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ несходшвующъ съ прежними. Вообще замѣчено, что роды мало по малу прибавлялись въ сихъ книгахъ. Всегда ли вѣрны были представляемыя родословныя росписи, о томъ

семьдесятъ можно, равно какъ и о значности всѣхъ прочихъ дѣяній человеческихъ.

Послѣ Царя Θεодора Алексѣевича Родословныя книги уже небыли составляемы. Излишнія и даже вредныя преимуществва породы уничтожены, и каждому предоставлено право искаць чиновъ своими собственными заслугами. Здѣсь было бы неумѣстно говорить о нынѣшнихъ дворянскихъ книгахъ по Губерніямъ, учрежденныхъ на основаніи пожалованной Екашериною II. дворянству граматы, равно какъ и о Родословной дворянской книгѣ, составляемой при Герольдіи по указу Павла I.

При Императрицѣ Елисаветѣ I. Миллеръ началъ было сочинять Родословныя росписи. Дошло дѣло до старинныхъ родовъ, ведущихъ свое начало отъ Рюрика. Сей случай замѣченъ, и Миллеръ едва не былъ принужденъ раскаиваться въ своей неосторожности. Но сіе надлежитъ приписывать тогдашнимъ обстоятельствомъ, которыхъ, слава Богу, давно уже переѣмнились. Родословныя росписи, въ древней Россійской Вивліоликѣ помещенныя, по видимому составлены Миллеромъ. Неизвѣстною особою издана въ Москвѣ 1787 году *Родословная книга Князей и Дворянъ Россійскихъ и связныхъ*. Въ ней собра-

ны одни только имена. Если бы помещены были происшествія, и показано, когда оныя случились; то книга сія имѣла бы великую цѣну для историка.

Разрядныя книги во многомъ сходствуя съ первыми, имѣють однакожь иъ-короря и опличіе. Названіе ихъ происходитъ отъ присущаго мѣста *Разрядъ*, существовавшего въ Россіи до самаго учрежденія Правительствующаго Сенапа. На *Разрядъ* лежала обязанность вѣдѣть всѣхъ людей находящихся въ Царской службѣ, и назначать для нихъ должности и препорученія какъ въ войскѣ и при посольствахъ, такъ и при другихъ случаяхъ. Нынѣ младшій чиновникъ безропотно повинуется старшему, не взирая на различіе рода; по тогдашнему мнѣнію, въ Россіи господствовавшему, толькѣ что почиталъ себя знатнѣе порою, смѣдился исполнять приказанія чиновника, хотя старшаго по службѣ и званію, но менѣе знатнаго по происхожденію. До того доходило, что люди равные по достоинству своего рода никакъ не хотѣли служить подъ начальствомъ одного другаго. Когда на примѣрѣ онецъ или дѣдъ Ивана былъ начальникомъ опца же или дѣда Пешрова, то Пешръ вѣнчалъ себя въ смѣдѣ повиноваться Ивану, и по-

давалъ просьбу. Такіе споры о мѣстахъ назывались въ старину *мѣстничествомъ*; оно не рѣдко для многихъ служило предлогомъ отбывашь отъ военной службы. Надлежало дѣлать изслѣдованія; разсматривали списки прежнихъ лѣтъ, и судили по нимъ, кто правъ, кто виноватъ; знатные люди брали изъ Разрядныхъ дѣлъ выписки, и доказывали ими свое право. За не дѣльные жалобы строгихъ наказывали; не смотря на то, число просителей не уменьшалось.

Благо общественное терпѣло великой вредъ, а особливо по службѣ военной. Иногда весь походъ оканчивался безуспѣшно, единственно отъ того что искусной полководецъ вмѣнялъ себѣ въ безчестіе исполнять повелѣнія другаго полководца, и что вопреки естественному порядку главное начальство доставалось въ удѣлъ чуждому молодому и неопытному, только потому что отецъ его и дѣды были начальниками отца и дѣда совѣснника его. Благо общественное требовало, чтобы сїи безпорядки были уничтожены, и чтобы преимущество власниному принадлежало, кто собственными своими заслугами сдѣлался достойнымъ начальствовать. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ приступилъ къ сему великому

дѣлу, пренебрегши личныя свои выгоды. Онъ подалъ Царю Θεодору Алексѣевичу спасительной совѣщъ уничтожить всѣ сѣи преимущества рода, и ошдрить дѣйстви- тельной заслугѣ свободный путь къ чи- намъ и почестямъ. Подъ управленіемъ Князя Голицына нарочно по сему случаю собранымъ чинамъ поручено ввести луч- шій порядокъ въ службѣ военной. Предва- рительныя сужденія начались 24 Ноября 1681. Въ послѣдовавшемъ году, 12го Ян- варя, въ собраніи духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, по предложенію Царя, единодушно опредѣлено Разрядныя книги испребишь пламенемъ, что и исполнено въ то же самое время. Послѣ сего приказано, подъ опасеніемъ церковнаго запрещенія и цар- ского гнѣва, всѣ Разрядныя книги и записы въ домахъ имѣющіяся непременно до- ставить въ Разрядъ. и впредь не упоми- нать о мѣстничествѣ. Не смотря на то Разрядныя книги уцѣлѣли; однакожь онѣ весьма рѣдки. Академія наукъ имѣеть ихъ только чешыре.

(Будеть продолженіе.)

VI.

С м ъ с ъ.

Въ Ямайкѣ жаръ удивительнымъ образомъ дѣйствуетъ на живошныхъ привозимыхъ изъ сѣвернаго края. Черная лошадь черезъ нѣсколько мѣсяцовъ сдѣлалась бурою; шерсть на Европейскихъ овцахъ мало по малу превращается въ настояще волосы.

*

„Предчувствую, что малой оспровѣ Корсика нѣкогда приведетъ Европу въ изумленіе“ — сказалъ Ж. Ж. Руссо. Въ одномъ Нѣмецкомъ Журналѣ пророческія слова сіи упомянушы, по видимому, съ намѣреніемъ показать, что онѣ въ наше время исполнились. Ежели пакъ, по можно было бы сказать по тому же праву, когда Колумбъ открылъ новый свѣтъ: „Генуа изумила Европу.“

*

Всякое историческое повѣствованіе бесполезно, ежели оно не направлено къ цѣли, весьма важной для блага человеческого рода. Какая польза рассказывать, что Цезари и Александры опустошали мѣръ, и не представишь въ ясномъ свѣтѣ побудительныхъ причинъ, по копорымъ сіи завоеватели рѣшились ни днемъ ни ночью неимѣть покоя? Что пользы, ежели не показано, разширился ли опѣ

шого, или спѣсился кругъ человеческихъ понятій? Что пользы, ежели несправедливые поступки ихъ не изображены огненными чертами, для осперженія слабыхъ и для того, чтобъ гнушались оными? Одно знаніе происшествій ни къ чему не служитъ; хорошо знать ихъ, когда предсказываютъ намъ въ нихъ примѣры или для подражанія, или для презрѣнія.

Есть правила, ^{*}убѣдительно проповѣдуемая исторією всѣхъ временъ, и однакожь шоль мало уважаемая, какъ будто онѣ совершенно бесполезны. Государства погибають, коль скоро пердеется политическое равновѣсіе; чрезмѣрно увеличивающіяся монархіи сами для себя роютъ могилу; свобода эрветъ шолько во время мира, а война и развращаетъ людей и дѣлаетъ ихъ несчастными: вопъ чему учить исторія Рима, Греціи и всѣхъ новыхъ государствъ Европейскихъ; но люди въ безпечности своей не внемлютъ сему ученію, и уроки бышописаній ни къ чему для насъ не послужили. Предложимъ нѣкошорыя истины изъ *Системды равновѣсія и справедливости* (*): Сѣ Нарвагеною рушилось равновѣсіе и благосостояніе древнихъ государствъ и самаго Рима. Славнѣйшіе Историки, даже побѣдители сего торговаго

(*) Сочиненіе Нѣмецкаго писателя Войгта.

государства Сципионы, предвидѣли несчастіе угрожавшее Риму и всему свѣшу. Они всѣми силами оспоривали мѣбніе приспращнаго, упрямаго Катона, который крѣпко сшоялъ въ томъ, что должно разрушить *Картагину*. Послѣ битвы при Замѣ и послѣдовавшаго за нею мира, легіоны Римскіе напали на области и покоряли ихъ не встрѣчая сопротивленія. Филиппъ Македонскій, Антиохъ Сирійскій, Греки и всѣ народы извѣстнаго тогда міра весьма легко побѣждены и земли ихъ превращены въ Римскія провинціи. Въ цѣломъ мірѣ никого болѣе не осталось, кромѣ Римлянъ и Партянъ. Правда что Митридатъ еще нѣсколько времени попомъ упирался противъ насильственнаго стремленія; но упорство его было послѣднимъ движеніемъ умирающей свободы.

*

Кто всегда говоритъ на чужомъ языкѣ — такъ пишетъ Г. Колбе, сочинитель весьма хорошей книги *О богатствѣ Нѣмецкаго языка и Французскаго* — шибко скоро привыкаетъ мыслить и чувствовать во всемъ сходно съ шѣмъ народомъ, котораго языкъ употребляетъ и котораго свойства пріемлетъ на себя теряя свои природныя. Весьма часто слышимъ: „говоря на Французскомъ языкѣ, я въ тоже время и думаю по Французски!“ Слова сіи

заключаютъ въ себѣ глубокой смыслъ для того кто знаетъ, какая тѣсная связь между мыслию и языкомъ, и сколь сильно взаимное ихъ дѣйствіе другъ на друга.

*

Самыя ужасныя изъ всѣхъ золъ, отъ которыхъ люди страдаютъ, самыя ненавистныя преступленія имѣютъ своихъ защитниковъ. Предразсудки и своекорыстіе управляютъ многими дѣйствіями человеческими. Еслибъ голодъ и моровая язва раздавали чины или награжденія, то и для нихъ нашлись бы соплешатели хваленій. Таковы люди были, и можешь быть, къ несчастію, долго еще будешь такими! Хваляшь бѣдствія, коихъ не испытали надъ собою! но кто самъ побываетъ въ школѣ несчастія, кто вышерпитъ ужасы войны и мучительной голодъ; тогда конечно покажешь въ себѣ болѣе благоразумія, и не спаяешь превозносишь честолюбцовъ, виновниковъ кровопролитной войны, и бѣдствій съ нею неразлучныхъ.

*

Извѣстный Нѣмецкій Филологъ Вольфъ недавно издалъ весьма хорошее Разсужденіе о наукахъ древностей, въ которомъ находясь слова, сказанныя прежде на счѣтъ наукъ филологическихъ: haec studia annonam non reddunt viliores, т. е. отъ сихъ наукъ хлѣбъ не дешеветъ.

*

Книга сочиненная Пайномъ подъ названіемъ *Здравый разумъ человеческій*, которая разошлась въ Сѣверной Америкѣ 40,000 экземпляровъ, безъ сомнѣнія столько же много помогла революціи въ Соединенныхъ обласяхъ, сколько и храбрые подвиги воиновъ сей республики. *Права людей*, того же сочинителя (въ короткое время въ Англіи распродано книги сей 100,000 экземпляровъ), сдѣлали то, что Англичане сильно полюбили Французовъ, когда начиналась революція у нихъ послѣднихъ. Мѣлкія сочиненія Мирабо, Сіеса и другихъ весьма много дѣйствовали во Франціи, и большую часть чинашелей привлекли на свою сторону.

*

Едва ли гдѣ производятъ въ Докторы Медицины такимъ образомъ, какъ въ Гвіанѣ. Каждой молодой врачъ обязанъ прожить 10 лѣтъ средѣ у стараго врача отправляя должность слуги. Требуется, чтобы онъ былъ старше 24хъ лѣтъ, и постоянно выдержалъ бы слѣдующія испытанія: сперва на вѣкошорое время запираютъ кандидата, и даютъ ему такъ мало пищи, чтобы онъ только не умеръ съ голоду; потомъ освобождаютъ его изъ пемницы, и несмотря на слабость силъ, заставляющъ плясать до шѣхъ поръ, пока прійдетъ онъ въ со-

вершенное изнеможеніе; далѣе, чтобы привести его въ чувство, вѣшаютъ ему на шею мѣшокъ съ муравьями, которые принуждаютъ его подняться на ноги; наконецъ подвергаютъ кандидата мучительнѣйшему испытанію: владутъ ему въ ротъ воронку, и вливаютъ въ горло большой сосудъ шабачнаго соку; сѣк сего прѣема тѣло его приходитъ въ жестокое потрясеніе, и влага обратна вытекаешь вмѣстѣ съ кровью. Многіе умираютъ отъ экзамена; но кто выдержитъ его, тотъ почитается искуснѣйшимъ врачомъ, способнымъ лечитъ всѣ болѣзни.

*

Одинъ любимецъ форшунны, купецъ Ру, родомъ изъ Корсики, нажилъ несметныя богатства, и счастье всегда помогало его намѣреніямъ. Корабли его никогда небыли обезпечиваемы въ спраровыхъ конторахъ; несмотря на то всегда благополучно возвращались. Богатству его небыло счета, а ошважность его неимѣла предѣловъ. Въ 1740мъ году снарядивши своимъ коштомъ одинъ линейной корабль и одинъ фрегатъ о 40на пушкахъ, для охраненія купеческихъ кораблей своихъ, онъ отъ своего лица объявилъ войну Королю Англійскому манифестомъ, которой начинался сими словами: *Георгъ Ру Королю Георгу*. Небольшой флотъ его сначала имѣлъ удачу

и овладѣлъ многими судами непріятельскими. На послѣдствѣ счастіе отверглось отъ безразсуднаго своего любимца: молнія зажгла линейной корабль его; фрегатъ разбитъ бурей и пошумѣлъ; купеческія суда dospались Англичанамъ.

*

Какъ нужны лѣса для плодородія земли и сколь великое должно имѣть о нихъ попеченіе, судить можно по островамъ Греческаго Архипелага, которые въ древнее время были весьма плодородны, а теперь напрошивъ шого весьма недоспащны въ земныхъ произведеніяхъ. Лѣса на нихъ всѣ испреблены. Во областяхъ Сѣверной Америки, шамъ гдѣ лѣса испреблены, многія рѣки лѣпомъ высыхаютъ, а другія совсѣмъ исчезли.

*

Графъ д'Егильйонъ, бывшій Государственнымъ секретаремъ, въ одномъ многлюдномъ обществѣ говорилъ весьма презрительно объ ученыхъ, которые пишутъ за деньги. „А Ваше Сіятельство за что пишете?“ спросилъ его Руссо, который находился въ томъ же собраніи.

ПОЛИТИКА.

VII.

О сеймѣ въ Швейцаріи.

Гельветическій сеймъ, которой ежегодно собирается въ правительствующемъ кантонѣ, въ нынѣшнемъ году 5 Іюня съ обыкновеннымъ торжественномъ открытвемъ въ Фрибургѣ. Собраніе депутатовъ республиканскихъ, спокойно разсуждающихъ о благѣ своего опечесства, есть весьма рѣдкое позорище въ наше время, неблагопріятствующее ни республикамъ, ни спокойствію. Г. Аффри, вшорично избранный въ достоинство Ландаммана Швейцаріи, открылъ засѣданіе рѣчью; шувъ онъ напомнилъ о шѣхъ правилахъ, копорымъ Швейцарія всегда слѣдовала для собственности своей пользы; убѣждалъ хранить единодушіе, предать забвенію частныя распри, уважать актв посредничества — единственную защиту опечесства. Миръ, копорымъ Швейцарія наслаждается, по словамъ Ландаммана, есть дѣло могущесвеннаго мужа, возстановившаго Францію и явившаго себя благосворителемъ Швейцаріи.

Депушашы каншоновъ извѣяляли на словахъ, сколь довольна Швейцарія нынѣшнимъ своимъ соспоянїемъ. „По счастїю — сказалъ депушашъ Ундервальдена — мы такъ малы, что не можемъ вмѣшиваться въ ссоры, ошъ которыхъ мяшется Европа; однакожь мы можемъ удержашъ свою независимость. Кому же одолжены мы симъ благодѣянїемъ? Генїю Имперашора.“

Депушашъ Солошурна произнесъ: „Тому шесть лѣшъ, какъ мы собравшись въ семъ мѣстѣ и подписавши актъ посредничества, все еще беспокоились о нашемъ жребїи; мы боялись, чтобы крамолы и соперничества невозмушили нашего благоденшвїя. Имперашоръ, по своей прозорливости правильнѣ насъ самихъ разсуждая о народныхъ свойствахъ нашихъ, предусмошрѣлъ, что любовь опчизны побѣдитъ въ насъ всѣ другїя чувствїя! Таю и сдѣлалось! Всѣ правительства республики сосшавляюшъ единое семейство, коего союзъ со дня на день спановишся нѣснѣ. На какую благодарность нашу не имѣешъ права Имперашоръ!“

Депушашъ каншона Водскаго предложилъ шѣ же мысли другими словами: „Начинается для насъ новый кругъ констишущїи. Шесшилѣшнїй опытъ ободряетъ

насѣ. Мы удосповѣрились въ прочности порядка, начертаннаго мудростію, покровительствуемаго геройствомъ. О какъ мы счастливы! Когда половина Европы опустошается и обгаряется кровію, мы спокойно воздѣлываемъ поля свои. Подобно неподвижному среди волнующагося моря острову, Швейцарія слышитъ прескѣ оружія, но не чувствуетъ ударовъ. Великодушному Наполеону одолжены мы столь великими благодѣяніями. Извнѣ онѣ охраняетъ нашъ неуспралишетъ; внутри ежедневно видимъ спасительныя слѣдствія его распоряженій.“

Таковы ошзывы и прочихъ депутатовъ. Рѣчь, которою Ландаманъ Аффри открылъ сеймъ, заслуживаетъ болѣе вниманія; вотъ она :

„Народъ вольной любитъ торжественныя обряды, когда они имѣютъ на себѣ оппечашовъ ушановленій его и обычаевъ. Собраніе сейма есть для насѣ празднество истинно народное; ибо мы торжествуемъ его, извѣвляя чувствія простыя, но величественныя, — чувствія, коими должны мы опечеству и кои самая вѣра вдыхаетъ въ сердца наши. Въ сеймѣ видимъ исторію нашего соединенія, славнаго началомъ своимъ, прогашельнаго крошкима добродѣтелями ошѣ него происшед-

шими, любезнаго и священнаго для Швейцарь, прежнихъ, нынѣшнихъ и будущихъ. На сеймѣ возобновляемъ мы клятвы наши въ брапской и союзнической вѣрности; здѣсь произносимъ общыя хранишь правила и достоянїе нашихъ предковъ. Столь великое дѣянїе, и въ такой области какова наша, прогаемъ сердце, обращаетъ на себя мысли, какъ на древнїй памятникъ, уцѣлѣвшїй среди перемѣнъ въ свѣтѣ. Сїе собранїе утверждая благо каждого кантона, имѣетъ еще ту пользу, что сливаетъ въ единое тѣло разные правительства, изъ которыхъ составленъ союзъ Швейцарскїй. Каждой кантонъ имѣетъ въ себѣ нѣчто особенное, отъ другихъ его отличающее; каждой кантонъ имѣетъ для себя особыя воспоминанїя, которыхъ не долженъ онъ лишиться, но которыя умѣрять надобно. Выгоды кантоновъ часто кажутся противуположными общей пользѣ, а иногда дѣйствительно бывають такими; не смотря на то каждой кантонъ, руководствуясь любовїю къ отечеству, обыкновенно слѣдуетъ той системѣ, которая имѣетъ предметомъ своимъ благо общаго отечества. На васъ, господа депутаты, на васъ самихъ ссылаюсь, справедливы ли слова мои, и счастливы ли мы съ тѣхъ поръ какъ имѣемъ конституцію. — Наши законы впрочемъ

призываютъ меня къ чести предсѣдатель въ семъ почтенномъ собраніи. Должность моя пребудетъ, чтобы я предложилъ вамъ мысли свои, нынѣшнему дню приличныя.“

„Событіе, котораго не лзя было полагать въ числѣ возможныхъ, Французская революція необходимо долженствовала произвести повсемѣстную перемѣну. Оставимъ поспорнее и рассмотримъ, какія она для насъ имѣла слѣдствія. Она проникла въ наше опечесство, и ея дѣйствія были шаковы, какихъ ожидать надлежало; но мужъ сильный, возснатовившій Францію, явилъ и намъ свои благодѣянія. Въ 1802 году внупренія несогласія довели насъ до края пропасци. Наполеонъ, бывшій тогда первымъ Консуломъ, быспрою своею предусмотрительностію опвратилъ войну, опъ духа крамолы возгорвшуюся. Швейцарія, уже будучи вооруженною, поступила благоразумно, вняла благому совѣту, и спокойствіе возснатовилось. Для совершевія подвига, онъ предложилъ Швейцаріи свое посредничество, и ограничилъ должности какъ общаго союзаго правительсства, такъ и правительсствъ кантонныхъ, независимыхъ одно опъ другаго, но неразрывно соединенныхъ общимъ благомъ опечесства.“

„Швейцарія, получивъ прежніе свои усшавы, ничего болѣе нежелала, какъ воз-

вратишь себѣ достояніе чести и добраго имени, коими славилась прежняя республика, добродѣтели необходимо нужны для благосостоянія республики, простота нравовъ, справедливость, отреченіе отъ всѣхъ корыстолюбивыхъ приписаній, вѣрное повиновеніе законамъ, хранителямъ истины и семейственнаго порядка. Она еще должна была остерегаться отъ опасностей, несчастными опытами открываемыхъ; должна была отказать отъ многихъ воспоминаній, всегда сильно дѣйствующихъ на сердце человеческое, истребить закоренѣлыя предубѣжденія, имѣвшія передъ глазами только пагубныя слѣдствія отъ переменъ въ правительствѣ, и доблести предковъ почитать виновницами счастья временъ древнихъ. Въ томъ состояла трудная должность правителей и гражданъ. Тогда отъ одной минуты настоящаго времени зависѣлъ ходъ будущаго.“

„Неоднократно пламя войны опустошало страны сосѣдственныя: мы оставались въ покое; мы видѣли колебаніе государствъ на слабыхъ ихъ основаніяхъ; видѣли, какъ по разрушеніи ихъ возникали новыя политическія отношенія, какъ образовались новыя государства, какъ переменны происходили на землѣ отъ во-

гарнизонъ присягнулъ въ продолженіе нынѣшней войны неслужить противъ Французовъ. Крѣпость Рааба лежитъ при впадѣніи рѣки погочъ имени въ малой Дунай, на противъ небольшого острова Шишпа. Между Пресбургомъ и Коморномъ (*) Дунай течетъ шрема рукавами. Лѣвой рукавъ обтекаеть островъ большой Шиштъ, на кошоромъ Карлъ Великій побилъ Гуиновъ.

Пресбургъ въ осадѣ. Въ полдень 26 Юня прибылъ въ сей городъ Императоръ Францъ, а въ 11 часовъ того же дня вечеромъ Французы начали бросать бомбы. По 29е число сожжены и опустошены многіе дома. Въ сіе опасное время прибыли въ Пресбургъ Ерцгерцоги Юсифъ Палашинъ и Лудовикъ.

*

Судя по приговореніямъ Императора Наполеона, не безъ причины ожидали важныхъ произшествій. Въ 25мъ бюллетенѣ описанъ переходъ Французовъ черезъ Дунай ночью на 5е число по чetyремъ новымъ мостамъ, въ ту же ночь наведеннымъ. По утру Императоръ съ войскомъ своимъ находился уже у самага конца лѣваго крыла Австрійскаго, и обошелъ

(*) Такъ называется сей городъ, а не *Комортъ*, какъ ошибкою напечатано на страницѣ 156й предшедшаго Нумера.

непріятельскіе окопы. Пятого и шестаго числа происходило жестокое сраженіе при Ваграмѣ. Французамъ досталось 10 знаменъ, 40 пушекъ, 20,000 пѣхннхъ съ чешырмя сщами Офицеровъ, множествомъ Генераловъ, Полковниковъ и Майоровъ. После сраженія покрыто было шрупами. „Полагаютъ — ша къ сказано въ помъ же бюллетенѣ — что Австрійская армія уменьшилась до 60,000. Пошеря съ нашей стороны значительна; по счесу она состоитъ въ 1,500 убитыми и отъ 3 до 4000 ранеными.“ Подъ Герцогомъ Истрійскимъ, въ то самое время какъ онъ приготавливалъ конницу къ нападенію, убиша лошадь; ядро пушечное ударивши въ сѣдло слегка повредило ногу Генерала. Убиты: Дивизионный Генералъ Ласаль, начальствующій Адъютантъ Дюпра и одинъ Полковникъ; ранены: Генералы Вреде (Базарскій), Пера, Гренъе, Виньоль, Сагюкъ и Дефрансъ. Сіе великое сраженіе особенно примѣчательно и потому еще, что оно происходило весьма недалеко отъ Вѣны; ближніе колонны стояли отъ неѣ въ разстояніи 1200 шаговъ или еще менѣе. Множество людей съ башенъ, кровель и возвышенныхъ мѣстъ смотрѣло на сіе кровопролитное позорище. По извѣстію, объявленному въ Берлинѣ отъ Французскаго посольства видно, что Австрійцы въ

величайшемъ безпорядкѣ побѣжали въ Моравію и Богемію.

Австрійцы напрошивъ того въ своихъ извѣстіяхъ пишутъ, что войско ихъ, послѣ двухдневной битвы, отступило въ самомъ лучшемъ порядкѣ по дорогѣ ведущей къ Знайму въ Моравіи, и что оно не было преслѣдуемо непріятелемъ. „Уронъ Французовъ простирается до нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Мы взяли въ плѣнъ 6,000, въ томъ числѣ 3хъ Генераловъ; сверхъ того доспалось намъ 12 пушекъ, большое количество военныхъ припасовъ и нѣсколько знаменъ. Съ нашей стороны потеря также велика. Генералъ Норманъ убитъ; Генералы Вексай, д'Аспрѣ и Вукасовичъ тяжело ранены. Самъ Ерцгерцогъ Карлъ и Князь Лихтенштейнъ получили легкія раны отъ выстрѣловъ.“

Десятаго числа было сраженіе при Голлабрунѣ; одиннадцатаго подѣ Знаймомъ въ Моравіи. Императоръ Наполеонъ уведомившись о прибытіи Князя Лихтенштейна въ станъ Французской для условій о перемиріи, приказалъ остановить пальбу. Договоръ подписанъ въ ту же ночь Княземъ Невшательскимъ и Генераломъ Барономъ Вимпфеномъ. Главное содержаніе оного состоитъ въ слѣдующихъ спашьяхъ:

быть перемирію одинъ мѣсяць, и военнымъ дѣйствіямъ снова начаться по предварительномъ увѣдомленіи за 14 дней; крѣпости Бриннъ и Грецъ должны быть очищены Австрійцами; изъ Тироля и Форалберга вывести Австрійскіе отряды, и проч.

*

Трудно угадать, чѣмъ рѣшился судьба Тиролецъ. По договору перемирія они отданы во власть Французовъ; не смѣя чѣмъ Императоръ Францъ, ежели вѣрить Минхенской газетѣ, въ прокламаціи своей 29 Мая объявилъ, что Тироль и Форалбергъ никогда не отдѣлятся отъ Австрійской Монархіи, и что онъ только на семъ условіи, а не иначе, подпишетъ договоръ о мирѣ.

*

Австрійцы опять вступили въ Дрезденъ. Князь Лобковичъ отправляетъ должность Губернатора. Саксонскій Король при перемѣнившихся обстоятельствахъ замѣренъ былъ изъ Франкфурта, гдѣ теперь онъ находится, предпринять обратное путешествіе въ свои владѣнія; но получивъ отъ Короля Вестфальскаго извѣстіе о вѣрочномъ нашествіи Австрійцевъ, отложилъ отбывздъ свой до благопріятѣйшаго времени.

*

Полагають на вѣрное, что Ердгерцогъ Фердинандъ скоро выдѣтъ изъ Галлиціи. Въ концѣ Іюня войско его сполло близъ Радома. Князь Поняшовскій съ авангардомъ своимъ переправился черезъ Вислу при Пулавѣ. Генералъ Дембровскій стоишь надъ рѣкою Пилицою. Генералъ Зайончекъ соединился съ Княземъ Поняшовскимъ. Подъ шпашью изъ Бреслава сказано, что Русскіе расположились при Тарновѣ въ осми миляхъ отъ Кракова. Въ Лембергѣ учреждено временное правительство изъ Россійскихъ Генераловъ и Австрійскихъ чиновниковъ.

*

Подъ шпашью изъ Турціи написано: „Со времени возобновленія непріятельскихъ дѣйствій между Россійскимъ и Турецкимъ войсками, первое овладѣло Журжею и Браиловымъ, лежащими на лѣвой сторонѣ Дуная, и сверхъ того другими несполь важными крѣпостями; черезъ Дунай переправилось оно безъ упорнаго сопротивленія. Русскій корпусъ, идущій по берегу Чернаго моря, занялъ Кара-Кирманъ и угрожаешь Варнѣ. Но главное назначеніе его состоишь въ томъ, чтобы прикрывашь осаду Измаила. Сильно нападеніе на крѣпость сію, но и опорѣ также силенъ. Полагають, что Русскіе покорили уже Гиршову и Силисрѣю. Главная армія одна-

кожъ не прежде пойдеть въ Румелію черезъ Булгарію, какъ совершенно овладѣвши берегами Дуная; она теперь расположена между Никополемъ и Силистрією. Опрядь войска пошелъ къ Виддину, чшобы соединисья съ Сѣрбами.“

✱

У Англичанъ вновь готовишся большая экспедиція. Недавно они высадкою своею въ Куксгавенъ напугали-было Нѣмцовъ; но опасность скоро минула, ибо Англичане, по обыкновенію своему, опять ушли на корабли.

31 *Іюля.* К.

IX.

У в ѣ д о м л е н і е.

Особы, приславшія прѣбванія свои о нѣкошорыхъ недолученныхъ ими нумерахъ Вѣспника Европы, также о скорѣйшемъ доставленіи къ нимъ вообще всѣхъ книжекъ Журнала, симъ почтеннѣйше извѣщаются, что книжки, по объявленіи о выдачѣ ихъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, безъ малѣйшаго замедленія въ назначенныя дни отдаются въ здѣшній Почтамтъ для отсылки куда слѣдуетъ; что ни одинъ Нумеръ не задерживается въ Конторѣ Университетской Типографіи, и что слѣдовательно ни Контора, ни Издашель въ семъ случаѣ невиноваты; о медленномъ или неисправномъ доставленіи посыловъ надобно опиноситься съ жалобами къ Почшовому начальству.

При семъ Нумерѣ каршинка. Извѣстнѣе сообщено будешъ послѣ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АВГУСТЪ, 1809.

№ 16.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Сновидѣніе Альфреда или Грентя.

Мы знакомы съ древностію вообще по однимъ только добродѣтелямъ ея великихъ людей и превосходнымъ произведеніямъ ея стихотворцевъ, орашоровъ, философовъ, ваятелей — но заблужденія и пороки ея намъ почти неизвѣстны, или почти нами забыты. Обыкновенно слѣдъ, испавляемый добромъ, бываетъ глубже того, который оспавляетъ зло; послѣднее всегда заимѣваемо первымъ: черта сія дѣлаетъ великую честь натурѣ человѣческой. Мы уступаемъ однимъ ученымъ знаніе глупостей, безумныхъ обычаевъ и заблужденій, омрачающихъ древность; во съ жадностію ловимъ и сохраняемъ въ памяти всякой подвигъ добродѣтели и героизма. Должно однако признаваться, что

это похвальное расположеніе нашего сердца имѣетъ свои великія неудобства: истинные друзья человечества, будучи слишкомъ мало знакомы съ пороками временъ прошедшихъ, а слишкомъ коротко съ пороками настоящихъ, и предусматривая съ ужасомъ возможные и даже невозможные въ будущемъ, теряютъ надежду, приходятъ въ отчаяніе, пугаютъ насъ предсказаніями всеобщаго упадка и въ нравахъ и въ просвѣщеніи, слабѣютъ въ довѣренности своей къ благошворному вліянію Христіанства, перестаютъ вмѣстѣ съ нами утверждать, что оно усовершенствовало гражданскія общества и человѣческую натуру; тогда обширный и благошворный планъ Провидѣнія покрывается для нихъ мракомъ, и міръ нравственный, также какъ и физическій, представляется очамъ ихъ единымъ неизбѣжимымъ послѣдствіемъ переменъ, потрясеній, переворотовъ. Какимъ же способомъ успокоить ихъ душу, опечаленную мрачными видами настоящаго и представляющую одно только мрачное и печальное въ будущемъ? Не знаю другаго, какъ изобразивъ прошедшее такимъ, каково оно есть, и опровергнувъ причины восхищенія (иногда весьма основательныя), производимаго древностію, причинами (столь же основательными) посмѣиія, презрѣнія и даже отвращенія,

не для того чтобы опустивъ насъ удивляясь высокимъ добродѣтелямъ древнихъ, желали мы описывать и слабости ихъ и пороки, но для того чтобы поселить въ умахъ почное понятіе о достоинствахъ истинномъ, объ истинномъ назначеніи человѣчества, о поспешномъ развитіи того обширнаго плана Судьбы, котораго слабая мудрость человѣка постигнуть и изяснить не можетъ. Введеніе Христіанства есть та граница, которую древность навсегда отдѣлена отъ временъ новѣйшихъ: мы утверждаемъ, что одно только безприсрастное и глубокомысленное сравненіе вѣковъ, лежащихъ по ту и другую сторону этой границы, можетъ успокоить разумъ нашъ и оправдать наши надежды и нашу довѣренность къ Провидѣнію. „Основаніемъ добродѣтели древнихъ народовъ — говоритъ Робертсонъ — была гражданская свобода: и она не долго могла устоять на этомъ основаніи, нешвердомъ и ненадежномъ. Мудрые законы, произведенія человѣка, должны быть равны съ шворцомъ своимъ подверженны измѣненію и упадку: одни исчезли отъ вреднаго вліянія недоспапковъ, павшихся въ самомъ ихъ сосавѣ; другіе долее время сохраняемы были собшвенною силою и дѣятельнымъ могущесвомъ правленія: но будучи безпрестанно попра-

саемы нападеніями извѣдъ. разрушились наконецъ и погибли. Тогда невозможно уже было основать попопа Римской власти; народы, одинъ за другимъ, увлечены были ея стремленіемъ; узлы, соединявшія законы со нравами, распорглись; вліяніе ихъ, прежде благошворное для добродѣтели, обратилось въ ея погибель . . . и посреди сего всемірнаго развраща возсіяло небесное Ошкровеніе; оно озарило, усилило добродѣтель; оно укоренило ее, не шакъ какъ прежде на брѣжномъ и ненадежномъ основаніи законовъ гражданскихъ, а на безсмертномъ и неподвижномъ гранищѣ Религій.“ — Союзъ Альфреда и нѣкошорыя спранности Аѣиній не могутъ замѣнить для насъ великаго сравненія древняго міра съ новымъ; но онѣ могутъ возбудить въ насъ нѣкошорыя идеи, и слѣдственно хотія на одинъ шагъ приблизить къ истинной истинѣ.

Альфредъ имѣлъ высокую душу, характеръ рѣшишельный, умъ пылкой и, можно прибавить, воспламененной, познанія обширныя. — Довольно, чтобы имѣть нѣкошорое право быть упрямымъ, иногда несправедливымъ, часто слѣпымъ и почти всегда несчастнымъ. Но Альфреду эшо и въ мысль не приходило — за шо и былъ онъ чрезвычайно рѣшишелемъ

въ своихъ мнѣніяхъ, неперемѣнялъ никогда своихъ мыслей, и безъ всякаго прищворсства называлъ пылкій энтузіазмъ свой благоразуміемъ. Въ двадцать лѣтъ онъ успѣлъ уже познакомиться съ свѣтомъ *какъ не лзя короче*, сравнить нынѣшніе обычаи, нравы и правила съ древними, и — разумѣется — послѣднимъ опидать преимущесство. Неудивляйтесь — молодые люди основываютъ мысли свои на однихъ только *общихъ* правилахъ; они предполагаютъ *все* пороки шамъ, гдѣ видятъ только *одинъ*; они имѣютъ шакую неограниченную довѣренность въ томо что чувствуютъ, что чувствуя и мысли необходимо должны опдѣлять ихъ отъ всего свѣта и переносить, шавъ сказать, въ особенную, имъ однимъ знакомую сферу жизни. Такимъ образомъ Альфредъ, кошорой болѣе жилъ съ Сократомъ и Ликургомъ, нежели съ современниками своими, находилъ добродѣтели въ однихъ только книгахъ, а великихъ людей въ одной только Греціи. Болѣе всего сожалѣлъ онъ о томъ, что судьба не позволила ему родиться въ сїи времена героизма, кошорыя представлялись его воображенію чудесными и блестящими. Восхищаемый свирѣпымъ мужесствомъ Спаршанъ и свѣтлосшїю Аеищевъ, Альфредъ восклицалъ: *какая теердоссть! какая добродѣтель!* когда видѣлъ

мать, равнодушно принимающую известіе о смерти сына; — *какія милья, нелорочныя бесѣды! какой народъ!* когда Аѳинскіе мудрецы и герои, оставя своихъ женъ, приходили къ Аспазіи разсуждать о любви Платонической.

Занимаясь цѣлый день своими древними, Альфредъ не разлучался съ ними и ночью: во снѣ представлялись ему какъ наяву Аѳины, Спарта, Олимпія, Дельфы. Ангелъ хранишель Альфреда, кошорый съ высоты небесъ управлялъ его судьбою, воспользовался такимъ расположеніемъ его сердца, и благоводилъ просвѣщать его слѣдующимъ сновидѣніемъ, кошорое, вѣроятно, и наши чашатели прочшутъ съ удовольствіемъ.

Въ одинъ вечеръ Альфредъ заснулъ надъ самую краснорѣчивую страницу Эуклида, кошорого перечитывалъ уже въ двадцатый разъ — заснулъ въ ту самую минушу, когда воображеніе, сильнѣе прежняго разгоряченное, перелетѣвъ около двадцати вѣковъ, представляло ему берега Иллиса и величественный градъ Цетроповъ — заснулъ, и видя въ снѣ, будто онъ (сохранивъ, надобно замѣшить, свой добрый характеръ, свои правила, мысли, память, привычки) живешъ въ Аѳинахъ, другъ

Альцибиадовъ, родня Периклу, ученикъ Сократовъ, любимецъ народа, искусный ораторъ.

Упоеанный восторгомъ, онъ гордо прохаживался по площади, закупываясь иногда, вбродяшно онъ непривычки, въ длинныхъ складкахъ своей богатой епанчи. Одинъ изъ новыхъ его согражданъ приблизился къ нему и спросилъ: откуда ты, Альфредъ? что скажешь хорошаго? итъ ли какихъ слуховъ? и не дождавшись отвѣта продолжалъ: — удивительное дѣло, что мы такъ бѣдны новостями! Кажется, много чудеснаго можно было бы рассказать въ наше время; и не давши Альфреду сказать ни слова, прибавилъ: я вижу, что ты еще ничего не знаешь! Въ новостяхъ: Ликонъ прѣехалъ вчера изъ арміи; онъ сказывалъ, что было сраженіе, которое продолжалось двадцать часовъ! — Одинъ изъ случившихся при этомъ разговорѣ Аѳинцовъ сказалъ: не можешь быть! — А я знаю и самыя подробности сраженія, продолжалъ первый, и всѣ онъ въ честь и славу Аѳинской арміи! Одинъ мой пріятель, который подслушалъ изподъшка разговоръ Ликона съ однимъ изъ нашихъ Ареопагитовъ, пересказалъ мнѣ все онъ слова до слова. Это еще тайна, прошу ее не разглашать и беречь про себя.

Наскучивъ жужжаніемъ эшаго полиптическаго крикуна, удивленный, что цѣлая половина города съ жаднымъ любопытствомъ слушала басни разскащика, который говорилъ безъ доназашельства и даже здраваго смысла, досадуя, что на каждомъ шагу встрѣчался ему или болшунъ, или праздный, Альфредъ, которому хошѣлось бы сказать съ кѣмъ нибудь слова два о дѣлѣ, начиналъ уже хмуришь брови, какъ увидѣлъ Аристофана, который говорилъ усмѣхаясь: О глупый народъ! посмотришь на эшихъ обезьянъ: съ какою безразсудною вѣтренностію слушающъ они всякую новость! какъ весело имъ вѣришь всякой безсмысленной выдумкѣ! — „Молчи, Аристофанъ! отвѣчалъ ему одинъ изъ согражданъ; мы сами желаемъ бышь обманушы! это наша забава.“ — Мой другъ! сказалъ Поэтъ вѣсповщнику: ты не явился по требованію въ судъ; тебя осудили заплашишь денежную пеню. Разскащикъ ушелъ со стыдомъ, — но куда? разсказывать по же на ближней площади; мѣсто его заснулъ другой, котораго слушали съ такимъ же вниманіемъ и любопытствомъ.

Было время идти въ театръ. Теперь, сказалъ самому себѣ Альфредъ, увижу собраніе свободнаго народа, въ которомъ,

безъ всякаго принужденія, для собспвеннаго только удовольствія, съ восхищеніемъ, приличнымъ просвѣщенной и обладающей понкимъ вкусомъ націи, будущь судишь, вѣнчать или осмѣиваешь произведенія лучшихъ Поэтовъ Греціи. Альфредъ находилъ уже у входа въ театръ. Народъ шѣснился вокругъ дверей толпами; каждый спѣшилъ схватишь свои два обода, копорые шарѣишины раздавали гражданамъ, чтобы они согласились веселишься.

„Вошь шумъ и безпорядокъ свободы, подумалъ Альфредъ; онъ удивляетъ меня, но имѣешь свою прелесть!“ — Почти задохшись онъ спрашнаго спѣсненія свободныхъ людей, онъ входитъ наконецъ въ театръ; нѣдоторые разговоры, въ копорые удалось ему вслушаться, удивили его чрезвычайно — „Будущь осмѣиваешь Сократа; хотяшь очернишь его и совсѣмъ унизишь во мнѣнїи общемъ“ — такъ говорили сидѣвшіе позади и по сторонамъ Альфреда.

Альфредъ началъ беспокоишься о добромъ своемъ наставникѣ, и беспокойство увеличилось, когда актеры вышли на сцену — каждое слово было язвительною насмѣшкою на счетъ Сократа; къ опвраишельнымъ грубостямъ примѣшивали ужасныя клеветы; народъ смѣялся и указывалъ на Сократа пальцами; Альфредъ сердился и на Поэта и на Аѣинявъ: высказываешь

спранныости на театръ — это еще сносно — шакъ думалъ онъ почти въ слухъ — во клеветашь на добродѣтель! но унижать мудросшь! Альфредъ не успѣлъ еще кончить своихъ размышлений, какъ поднялась сильная гроза. — Театръ былъ безъ кровли, зрители бросились въ выходу и Альфредъ за ними: цвѣшъ прекрасной его епанчи, весьма нѣжной, побѣжалъ, можетъ быть отъ того, что Химія тогда не была еще шакъ учена, какъ теперь; онъ увидѣлъ въ одномъ поршикѣ Аспазію, кошорой одежда въ такой же приведена была безпорядокъ, подошелъ къ ней и ворчалъ сквозь зубы: „какъ жаль, что Аѳинскіе театры безъ кровель, что авторы Комедій могутъ шакъ дерзко браниться, даже клеветашь и прямо на лицо, что проливной дождивъ можетъ выгонять изъ театра до окончанія пѣсы, и что прекрасная епанча моя совсѣмъ испоршилась!“

Альфредъ, сердясь на Аристофана за Сократа, надѣялся, и даже былъ увѣренъ, что Аѳиняне примутъ шушки его за шушки и будущъ только смѣяшья. Но что же опишетъ его негодованіе, когда онъ вышелъ на площадь услышалъ, что просвѣщенные сограждане его съ великою важностію разговаривали о тѣхъ оскорбленіяхъ, кошорыя Спихошворецъ сдѣлалъ Фило-

софу въ присущствіи цѣлой націи, и называли его клеветны основательными укоризнами! Альфредъ разгорячился, хотѣлъ начашъ споръ; но, къ щасію, появился на площади Альцибіадъ: эпопъ человекъ имѣлъ искусство управляшь умами своихъ согражданъ, и съ шѣхъ поръ какъ онъ, опиръзавъ у собаки своей хвостъ, доказалъ, что неуважаетъ общаго мнѣнія, Аѣиняне спали уважаетъ его прихоши и боиясь его насмѣшекъ болѣе, нежели приговоровъ Ареопага. Узнавъ о причинѣ досады Альфреда, Альцибіадъ, вмѣсто того чтобы разсердиться такъ какъ онъ, началъ шушипъ на счетъ оскорбителей Сократа — „Аристофанъ очень забавенъ! ему ли упрекать Сократа безобразіемъ! Желая знашъ, гдѣ научилась эша обезьяна опшичать красавцевъ отъ уродовъ?“ — Эпопъ забавный вопросъ принудилъ замолчашъ насмѣшниковъ; всѣ они очутились на споронѣ Альцибіада; захопали руками, начали смѣяться, и мало помалу клеветникъ Аристофанъ сдѣлался предметомъ ихъ колкихъ насмѣшекъ. Альфредъ едва не вообразилъ, что онъ опашъ въ Парижѣ, и началъ благодарить отъ всего сердца Альцибіада. Они взяли за руки и пошли вмѣстѣ къ Аспазіи.

Дорогой Альцибиадъ сказалъ Альфреду: я сей часъ изъ судилища Геліасновъ; никогда наши мудрые судьи не были такъ милы и достойны почтенія, какъ нынче. Дѣло прекрасной Лизіи рѣшилось. Ты знаешь, что она обвинена была въ безбожіи. Агаѳонъ взялъ на себя защищать ее передъ судомъ: нынче произнесъ онъ свою рѣчь, кошорая совсѣмъ неподѣйствовала. Что же онъ сдѣлалъ? Сорвалъ покровъ съ прекрасной Лизіиной груди. Геліасны! воскликнулъ онъ, осмѣлишься ли осудить жрицу Венеры? Наши шарики были такъ разпроганы эпимъ зрѣлицемъ, что они единодушно освободили прекрасную Лизію отъ суда, и признаюсъ, никогда еще не бывали они правосуднѣе. Жаль очень, Альфредъ, что тебя не было въ судилищѣ. — Слуга покорный, подумалъ про себя Альфредъ — па ли это славная мудрость, кошорая приводила меня въ воспоргъ! Они запрещающъ орапорамъ своимъ быть краснорѣчивыми, опасаясь обольщенія, и позволяющъ имъ упошреблять такіе способы! Какое же понятіе имѣющъ судьи Аѳинскіе о могуществѣ краснорѣчія?

Всѣ прежнія мысли Альфреда пришли уже въ инокшорый безпорядокъ; его удивленіе не было уже такъ рѣшипельно, онъ начиналъ размышлять и сравнивать; меж-

ду шѣмъ Альцибїадѣ вишїйствовалъ о прелестяхъ милой гешеры (*). Они приходять къ Аспазїи, у которой въ то время находились Периклъ, Сократъ, Фидїй, Анаксагоръ и другїе — мудрецы, ученые, художники, стихотворцы, которыхъ Аспазїя привлекала къ себѣ своею славою, приводила въ восхищенїе своимъ умомъ, и удерживала у себя, позволяя имъ говорить сколько кому хотѣлось. Разсуждали о нравственности. Сократъ называлъ ее первою наукою, и безъ нее всѣ другїя науки бесполезными. Альфредъ восхищался — но въ эту же минушу замѣтилъ ояъ, что Аспазїя, слушая разсужденїя Философа, не оставляла безъ вниманїя и Альцибїада, который успрямлялъ на нее пламенные взоры, жалъ ея руку и шепталъ ей на ухо признанїе въ любви, передъ глазами и даже съ согласїя Перикла, который въ эту минушу давалъ замѣшить Фидїю, какую прекрасную группу сославляла жена его вмѣстѣ съ Альцибїадомъ, и какъ бы хорошо было, ешь ли бы художникъ воспользовался такимъ очаровательнымъ предметомъ. Альфреду все это казалось прошивнымъ нравственности, супружеству и Сократовой Фило-

---

(*) Гешерами назывались въ Греціи *служительницы Венеры*.

софїи. Примѣчаніе Перикла, очень важное для любителя изящныхъ художествъ, было весьма несогласно съ его понятїями о добродѣтели и чистотѣ нравственной. Онъ приговаривался уже обвинить въ умѣ своемъ Аспазїю, какъ она спросила у Фидїя: какъ думаешь онъ замѣнишь прекрасную Ласеенїю, кошорая восхищала его своимъ стройнымъ станомъ, своими прїятными формами? Я поздравляла ее вчера съ такимъ славнымъ торжествомъ — продолжала Аспазїя — но она чрезвычайно удивила меня, сказавши, что располагаешься выйти за мужъ за Темисшиппа и живешь въ совершенномъ уединенїи. — „Она сказала правду — отвѣчалъ Фидій — я въ опчаянїи! Ласеенїя могла бы служить самымъ превосходнымъ образцомъ для моей Минервы.“ — Малоли и уговаривала! — сказала опять Аспазїя — гораздо славнѣе, говорила я ей, способствовать великимъ произведенїямъ Генїя, нежели скрываться въ уединенїи семейства, быть съ глазу на глазъ съ однимъ случайнымъ мужемъ, не имѣя свободы показываться въ обществѣ людей, выходишь изъ дома только по ночамъ, съ свѣтильниками, не смѣя приближаться къ окну, ни съ кѣмъ не выдаешься, быть вѣчно взаперти — что же? она, глупенькая, предпочитаетъ будущихъ своихъ дѣшей

безсмертнымъ произведеніямъ Фидіева рѣзца, копорымъ могла бы служить образцемъ, а за скуку неизвѣстной супруги и матери ошдаешь удовольствія и славу первой Греческой гетеры. И что же пошеряла бы она, когда быThemistocle женился на другой? Переспалъ ли бы онъ ошъ того любивъ Ласеенію? А дѣши ея развѣ не были бы причислены къ законнымъ Themistocleвымъ дѣшямъ?“

Всѣ согласились со мнѣніемъ Аспазіи. Одному Альфреду оно не понравилось: для него казалось очень еспешственнымъ, что Ласеенія предпочитала щасіе бытъ супругою Themistocle великой чести служивъ образцемъ рѣзцу Фидіеву — можетъ бытъ онъ осмѣлился бы и обнаруживъ свои мысли, можетъ бытъ въ жилищѣ Аспазіи онъ ошважился бы съ обыкновеннымъ прососердечіемъ своимъ выхвалявъ невинность и чистоту нравовъ; но Сократъ вспаль съ своего мѣста и началъ прощаться. Альфредъ пошелъ за нимъ въ молчаніи, нахмуривъ брови, и съ горестію размышлялъ о развращеніи друзей своихъ Грековъ, копорые приходили въ домъ Венериной жрицы разсуждавъ о добродѣтели, и смѣялись надъ молодою дѣвушкою, копорая имѣла глупость выбрашь себѣ одного мужа на цѣлую жизнь, вмѣ-

сто того чѣобы ежедневно за деньги; безъ всякаго чувства привязанности; по-
купаешь новаго.

Приближаешь къ Сократову дому; они остановились у дверей, чѣобы сказа-
ть еще нѣсколько словъ другъ другу: въ эту минушу обрушился на нихъ изъ
окошка ужасный и громозвучный голосъ: то была Ксантиппа, жена Сократова. Она
бранила супруга своего за то, что онъ
возвратился такъ поздно, и не доволь-
ствуюсь наказаніемъ словеснымъ, дала ему
почувствовать еще живѣе всю силу сво-
его гнѣва, оросивъ его голову дождемъ —
о которомъ прошу васъ справиться въ
Исторіи. Сократъ улыбнулся; но Аль-
фредъ, который былъ въ этомъ дѣлѣ по-
спорочнѣй, слушая укоризны Ксантиппы,
думалъ про себя: Если бы Аѳиняне имѣ-
ли побольше вниманія и привязанности къ
своимъ супругамъ, и не лишали ихъ прѣяш-
ностей общежитія, то безъ сомнѣнія и
супруги ихъ не довольствовались бы однимъ
суровымъ сохраненіемъ своей невинности;
онѣ были бы и щасливы и любезны!
Когда бы не осуждали ихъ на вѣчное за-
ключеніе въ своемъ домѣ, тогда бы онѣ
не досадовали на опсущствіе мужей, и
позволяли бы имъ возвращаться поздно;
когда бы оказывали имъ болѣе почестей

нежели развратнымъ женщинамъ : тогда бы онѣ сами перестали ревновать нѣ симъ шварямъ; наконецъ естъли бы первый изъ Греческихъ Философовъ не провелъ цѣлаго вечера у Аспазіи, то супруга его не обошлась бы съ нимъ такъ неучливо, епакъ ча его была бы избавлена отъ орошенія, и на меня невиннаго не полетѣли бы неприятныя брызги.“

Сихъ размышленій было бы можетъ быть довольно ; для того чшобы разрушить очарованія Альфреда; но разнообразіе сцены, перемѣнявшейся въ глазахъ его такъ быстро, и беспрестанное волненіе республики, въ дѣлахъ которой принималъ онъ живѣйшее участіе, воспрепятствовали ему долго оспанавливаться на одной мысли и распространять ее размышленіемъ. Эпоха Олимпійскихъ игръ уже приближалась. Альфредъ располагался бытъ зрителемъ ихъ, вмѣстѣ съ Алцибиадомъ и нѣсколькими другими изъ самыхъ знаменитѣйшихъ Аѳинянъ: Онъ встрѣтилъ въ Гимназіи славнаго атлета Ашшала, который пришелъ сюда со спарымъ своимъ опцемъ. — „Ты вѣрно побѣдѣшь вмѣстѣ съ нами въ Олимпію и вѣрно выйдѣшь на поприще?“ спросилъ Альфредъ у Ашшала. — Нѣтъ; онъ не побѣдѣтъ въ Олимпію — отвѣчалъ опецъ; онъ

довольно испыталъ на послѣднихъ играхъ, что боги въ нему неблагоклонны. — „Канимв же образѣ это могло случиться?“ спросилъ Альфредъ, которому Апталъ казался необычайно сильнымъ. — Онъ былъ избитъ, израненъ и болѣе ничего! Надобно однако призначься, что онъ долженъ приписать эту несчастную неудачу своей неблагодарности. Кто запрещалъ ему, когда онъ пришелъ записываться въ общій списокъ, объявить имя насмѣящаго отца своего? — „Какъ! развѣ онъ не швой сынъ?“ — Нѣтъ, онъ сынъ рѣки Меандра! — „Сынъ рѣки?“ — Точно такъ — жена моя сама это мнѣ сказывала, и вся Магnezія была по мѣ свидѣтельница. Развѣ ты не знаешь, что наши дочери, по старому обыкновенію, должны наканунѣ брака приходишь къ рѣкѣ Меандру, въ ней купаться, и отдавать себя на волю бога рѣки. Этомъ богъ очень часто не принимаетъ или притомъ; но иногда приходитъ ему на мысль оказать имъ благосклонность, и жена моя имѣла щастіе ему понравиться: мы всѣ издали видѣли божество, которое вышло на берегъ въ образѣ прекраснаго молодого человѣка, подало руку моей женѣ и скрылось вмѣстѣ съ нею въ густомъ кустарникѣ. — „Почему же вы такъ увѣрены, что это былъ самъ богъ рѣки

Меандра " — Какъ же? голова его увѣнчана была осокою.

Споль неоспоримое доказательство показалось нѣсколько забавнымъ Альфреду: каждый новый опытъ уменьшалъ его уваженіе къ такому народу, котораго нравы представляли сполько недѣлительней, и у котораго подобныя пороки были не однимъ злоупотребленіемъ, но вмѣстѣ и обычаемъ, не однимъ заблужденіемъ разсудка, но вмѣстѣ и догматомъ религіи. Альцибїадъ кликнулъ Альфреда, и шѣмъ прервалъ его размышленія. Они вмѣстѣ отправились въ Олимпію.

Вся Греція, соединенная въ стѣнахъ Олимпіи, ожидала съ нетерпѣніемъ начатія игръ. Альфредъ, окруженный величественными произведеніями искусства и всѣми очарованіями воспоминаній чудесныхъ, удивлялся, что въ сердцѣ его не было того упоенія, которое замѣчалъ онъ во всѣхъ своихъ согражданахъ. Сей непомятый воспоргъ, въ который были они приводимы тѣлесными силами, сіи спашуи, воздвигнушыя въ вѣчную славу быспрыхъ ногъ или самыхъ крѣпкихъ и тяжеловѣсныхъ кулаковъ, казались ему ребячешвомъ, несообразнымъ съ его понятіями о достоинствѣ человека, о пре-

восходспѣвъ нашей напуры, о пѣхъ долж-
 ностяхъ, копорыя предписываетъ намъ
 Философїи, повелѣвающая подчинить шѣло
 уму. Онъ слышалъ, что сидѣвшіе вокругъ
 него превозносили юныхъ Грековъ, про-
 ведшихъ всю свою молодость въ Гимназіи,
 гдѣ занимались они единственнo образо-
 ванїемъ шѣла, укрѣпленїемъ мышцъ, усо-
 вершенствованїемъ гибкости членовъ; онъ
 видѣлъ спашую, воздвигнушую въ честь
 ашлеса Клеомеда, копорый въ бѣшен-
 ствѣ, что имѣлъ несчастїе умершвить
 соперника своего въ борьбѣ, повалилъ уда-
 ромъ кулака колонны одного училища, ко-
 торое обрушилось и задавило шестидесятъ
 мальчиковъ; другая изображала ашлеса
 Тиманша, копорый бросился въ огонь и
 сжегъ себя съ досады, что потерялъ нѣ-
 сколько своей мѣшкостности въ стрѣльбѣ изъ
 лука. Мужество, споль необыкновенное и
 разшочаемое такъ безплодно, начинало ка-
 заться Альфреду несшующимъ шого уди-
 вленїя, копорое производило оно въ серд-
 цахъ Грековъ: всѣ сїи предметы, обычаи,
 законы, казались ему чемъ-шо слишкомъ
 чувствительнымъ, и онъ, по нѣкопоромъ
 размышленїи, начиналъ уже находить ихъ
 неосновательнѣе самыхъ ребяческихъ модъ
 нашего времени; онъ видѣлъ женщинъ и
 вѣтренниковъ, обращающихъ въ шупку
 важныя вещи; онъ видѣлъ разсудитель-

ныхъ людей и Философовъ, занимающихся бездѣлками, какъ будто предметами весьма важными; видѣлъ — и едва осмѣливался себѣ вѣрнѣе.

Наспупилъ наконецъ полтъ день, въ который должны были начаться игры. Альфредъ, пришедши въ Гипподромъ, сѣлъ подлѣ Альцибѣада, ошъ имени котораго семь колесницъ должны были скакать на ристалищѣ. Какая несправедливость! какое безуміе! подумалъ Альфредъ, давая вѣнецъ не искусству, но золоту богачей, которые очень спокойно сядя въ на уступкахъ и съ гордоснію пользуясь успѣхами, купленными проворствомъ и нерѣдко жизнію ихъ невольниковъ. Его негодованіе увеличилось, когда онъ увидѣлъ, что изъ семи колесницъ Альцибѣадовыхъ чешыре, ударившись обѣ загородку, разлетѣлись въ куски, и бѣдные правители коней были раздавлены подлѣ колесами и копытами при общемъ оскорбительномъ смѣхѣ зрительей. Альцибѣадъ такъ же смѣялся, и нѣмъ ошопиѣе, что оспальныя шри колесницы его одержали надъ всѣми другими совершенную побѣду.

Душа Альфреда была наполнена ошвращеніемъ и ужасомъ; ристаніе кончалось; надлежало начаться влачному бою.

Сперва явились на поприщѣ дѣши: слабыя руки ихъ едва подымали тяжелыя желѣзныя рукавицы, восторгами онѣ раздирали вѣжныя, едва образованныя свои члены. Зришеля хлопали безъ памяти, кричали; шрое изъ молодыхъ бойцевъ, обогрѣнные кровью, унесены были мертвые съ поприща, двухъ совершенно изуродованныхъ наградили — звучными похвалами.

Это ужасное зрѣлище шакъ раздражило Альфреда, что онъ почти обрадовался, когда взрослые люди пришли замѣнить ихъ юныхъ и невинныхъ жершвъ кровожаднаго удовольствія. Боецъ, покрышый множествомъ ранъ, явился на срединѣ поприща. „Греки, сказалъ онъ, я Андролеонъ! я опличился на всѣхъ играхъ, шоржествуемыхъ въ Греціи! Въ Пизѣ потерялъ я ухо; въ Плашеѣ бровь; въ Дельфахъ унесли меня за мертво съ мѣста сраженія — но я не спрашусь прошивника; имѣю довольно силы, чтобы оспорить и похипить вънокъ побѣды у самыхъ искусныхъ атлетовъ!“ — Одинъ изъ ихъ бросился на свирѣпаго Андролеона. Бой продолжался болѣе получаса, и былъ ужасенъ Андролеонъ получилъ шакой сильной ударъ въ челюсть, что пять зубовъ вылетѣли изъ нее однимъ разомъ — но онъ не пошайнулся, проглотилъ свои зубы,

кинулся въ бѣшенствѣ на соперника и однимъ ударомъ сшибъ его съ ногъ. *Вѣнокъ Андролеону!* — воскликнули зрители. Оав понацился принять его; но судьи, вышедшіе на средину поприща, увидѣли, что противникъ его былъ мерзвый, и отказали Андролеону въ награду: ибо законы позволяли только уродовать, а не убивать людей на играхъ Олимпійскихъ. Андролеонъ оставилъ поприще, съ убыткомъ пясти зубовъ, кривой, безногой и глухой на одно ухо.

Но этого не довольно. Альфреду суждено было видѣть другое, гораздо ужаснѣйшее зрѣлище: двѣ арміи вышли на поприще. — „Что это? что это?“ спрашивали одинъ у другаго зрители. — Ничего, сказалъ одинъ старикъ; конечно Элидана хотѣтъ оспорить право распоряженія игръ, похищенное у нихъ жителями Пизы. — „Хорошо! прекрасно! постопримъ.“ — Всѣ Греки, увѣчанные цвѣтами, обстали кругомъ противоборцевъ, которые сошлись, обнажили мечи, и начали бой кровопролитный и свирѣпый. Зрители восклицали, хлопали руками, и смотрѣли на эту междоусобную брань такъ точно, какъ на обыкновенную борьбу аплетовъ, ободря побѣдителей, осмѣивая побѣжденных. Альфредъ, влекомый

чувствомъ человеколюбїя и состраданїя, едва не бросился въ средину сражающихся; но Альцибїадъ удержалъ его, говоря: оставь ихъ: они нарушили наше удовольствїе, пускай и награждѣ насъ за нашу пошерю!

Альфреду удавалось видашь мальчишковъ, справливающихъ собакъ, и Англичанъ съ важнымъ видомъ смотрящихъ на драку пѣшуховъ. — Онъ укорялъ Англичанъ въ жестокости и ребячествѣ, а удовольствїе мальчишковъ называлъ безразсуднымъ безчеловѣчїемъ: собака и пѣшухъ были въ глазахъ его швари одушевленныя, копорыхъ бытіе имѣетъ великую цѣну для всякаго добраго Философа. Что же произошло въ его сердцѣ, когда онъ увидѣлъ Грековъ, своихъ любезныхъ, просвѣщенныхъ Грековъ, смотрящихъ на междуусобную битву такими же шочно глазами, какими за нѣсколько минутъ смотрѣли они на протшья игры! Онъ живо почувствовалъ всѣ недостатки шой системы, по которой люди имѣютъ одно шолько полишическое бытіе, лишающее ихъ бытїя собственнаго, и всякаго личнаго достоиншва, и всякаго собственнаго, каждому въ особенноти принадлежащаго, превосходшва.

Знакомые Альфреда замѣчали, что онъ немного важенъ, немного молчаливъ; въ самомъ дѣлѣ, молодой человѣкъ жилъ очень уединенно, и большая часть его времени посвящена была размышленію. Казалось, что онъ пропивъ воли своей принималъ участіе въ шумной дѣятельности Афинянъ. Жрецы, которые подозрѣвали уже, что онъ вѣришь только въ Бога, а не въ боговъ, ненавидѣли его, какъ злѣйшаго своего непріятеля, хотя никогда не позволялъ онъ себѣ ни одного непочтительнаго слова на счетъ религіи и общаго богослуженія. Альцибіадъ и нѣкоторые другіе Греки были несполь воздержны. Однажды, послѣ роскошнаго пиршества, полные воспорговъ Бахуса, вздумали они въ насмѣшку представить священныя *таинства Элевзинскія*. Альцибіадъ взялъ на себя роль Герофанша; Теодоръ представлялъ герольда, а Полипѣонъ носилъ свѣшильниковъ: осмѣявъ священныя обряды, они побѣжали по улицамъ и перебили всѣ Гермесовы спашуи. Альфредъ, бывшій на этомъ праздникѣ, не принималъ никакого участія въ безумныхъ забавахъ своихъ собесѣдниковъ; онъ внутренно желалъ взять сторону богослуженія, надъ которыми ругались такъ дерзко; но самое сіе богослуженіе казалось ему споль нелѣпымъ, чинъ онъ не зналъ, какимъ способомъ его

защипишь: непочтительность молодыхъ Аѳиняиъ казалась ему даже естественною; онъ принужденъ былъ молчать. Но когда Андроклесъ обвинилъ Альцибѣада въ богохуленіи, то и Альфреда обвинили съ нимъ вмѣстѣ: народъ претепалъ отъ бѣшенства; гибель ихъ была бы неизбежна, когда бы флотъ, готовый опплыть въ Сицилію и требовавшій неотступно своего полководца, не спасъ Альцибѣада и его товарищей. Альцибѣадъ отправился въ Сицилію; Альфредъ остался въ Аѳинахъ. Однажды прохаживаясь въ окрестности лѣса, посвященнаго Эскулапу; онъ застрѣлилъ изъ лука пшцу, которой перья его поразили. Пшца упала на дерево; Альфредъ взлѣзая на него, чтобы достать свою добычу, ошломилъ нечаянно одинъ сукъ; жрецъ, прошедши мимо, увидѣлъ эшотъ подвигъ, поспѣшилъ обвинить Альфреда передъ Ареопагомъ въ похищеніи принадлежащаго богамъ, и Альфредъ приведенъ былъ предъ судъ за то, что застрѣлилъ пшцу и сломилъ нечаянно съ дерева сучокъ. Ареопагъ занимался въ эту минуту другимъ, почти такого же рода дѣломъ: пятилѣтній мальчикъ поднялъ на землѣ золотой листокъ, опвалившійся отъ вѣнца Діаниной шапуи; его обвинили въ воровствѣ — надобно было узнать, понимаетъ ли маль-

чивъ, что такое золото и сколь драгоценна та вещь, которую онъ имѣлъ въ рукахъ. Судьи положили передъ нѣмъ со многими другими игрушками золотой листокъ; младенецъ, которому показался онъ свѣтлѣе другихъ, просянулъ къ нему руку, и судьи, величаясь своею чудесною прозорливостію, осудили его на смерть, какъ хищника божеской принадлежности.

Такой благоразумный приговоръ не могъ быть ободрительнъ для Альфреда, который, по всѣмъ обстоятельствамъ, былъ виновнѣе пятилѣшняго преступника — и въ самомъ дѣлѣ, процессъ его продолжался не долго; ему даже не позволили сказать ни одного слова въ свое оправданіе: обремененный ругательствами и проклятіями, онъ вышелъ изъ судилища, приговоренный къ смерти; народъ приговаривался разперзать его на части — но вдругъ Аѳины, Ареопагъ и народъ, все исчезло, Альфредъ очутился въ Лакедемонѣ, на самомъ краю пропасти Цеады.

Прыгай, сынъ Цекрола! сказалъ одинъ Спартанецъ Альфреду, который вмѣстѣ со многими другими Аѳинянами приведенъ былъ къ сей пропасти. Альфредъ, которому не очень было пріятно такое предложеніе, медлилъ его испол-

нишь; какъ другъ маленькой Денедемонца, подиравшійся къ нему пишкомъ, сполкнулъ его въ Цеаду: тысячи восклицаній, въ похвалу молодого Ликургова пишомца, оказавшаго проворство и силу свою, загремѣли въ воздухъ. Альфредъ не слышалъ ихъ, онъ лезъ внизъ головою; но къ счастью, подобно славному Ариспомену, упалъ на шрупы своихъ согражданъ, которые не допустили ему разбиться въ дребезги объ утесы, разсѣянные на днѣ глубокой пропасти. Вы можете вообразить, что онъ былъ оглушенъ своимъ паденіемъ, но это не помѣшало ему выдти изъ пропасти такимъ же чудеснымъ образомъ, какъ и Ариспоменъ: по естъ, схватившись за хвостъ лисицы, которая выхватила его за собою въ одно отверстіе, сдѣланное внутри горы. Избавленный отъ сего ужаснаго несчастія, Альфредъ не зналъ еще, какая участь ожидала его впереди: поле усѣяно было Спаршанцами, и онъ надеялся уйти изъ Лаконіи. По счастью, глазамъ его представилось брошенное платье монаха; онъ тотчасъ въ него одѣлся и поспѣшилъ вмѣстѣ съ въ шолпу этихъ несчастныхъ невольниковъ, которые медленно, пошупивъ головы, шли по дорогѣ въ Спаршу.

Альфреду досталось служить молодой, прекрасной Спаршанк, которой мужъ находился въ арміи: до того времени онъ былъ пламеннымъ обожателемъ мужества женщинъ Спаршанскихъ; но шутъ показало ему, что эша швердосшь могла доходить иногда и до излишества, и что Спаршанскія машери, героини въ отношеніи къ дѣтямъ своимъ, были и истинныя демоны въ отношеніи къ своимъ неволникамъ и домашнимъ. Альфредова госпожа проводила цѣлые дни на горѣ Тайгенѣ, гдѣ занималась спрѣляніемъ дичи, или въ Гимназіи, гдѣ ушибала себя кулачнымъ боемъ и борьбою. Однажды, возвращаясь домой ранѣ обыкновеннаго, она ненашла Альфреда, который еще не приходилъ съ работы. Черезъ минушу явился и онъ; и молодая госпожа, въ ужасной досадѣ на мнимую его медлительность, вцѣпилась ему въ волосы и больно укусила его за щеку. Такое изступленіе бѣшенства было нѣсколько сильно, и Альфредъ съ ужасомъ разсматривалъ се прекрасное, цвѣщущее лице, обезображенное гнѣвомъ, и сіи свѣжія уста, обогрѣныя кровію, которая бѣжала изъ раны его ручьемъ. — Онъ могъ бы почестъ себя очень щасливымъ, когда бы спраданія его ограничились однимъ рубцемъ на щекѣ; но число ялощовъ спановилось слишкомъ

велико въ Спаршѣ. Эфоры поручили молодымъ Спаршанцамъ переспрѣляшь ихъ изъ луковъ. Поэтъ Сафронъ сочинилъ гимнъ, дабы воспламенишь бѣшенство въ этихъ герояхъ; они выѣхали на берегъ Эропаса, спрятались въ кусты; илоты пошли въ поле на работу, и были всѣ до одного заспрѣлены. Альфреду попала въ сердце стрѣла; онъ упалъ, и въ эту самую минуту превращаясь изъ илота въ Спаршанскаго юношу, увидѣлъ себя во храмѣ Діаны Оршїи у подножія спашуи.

Спаршанцы, не для того чшобы научить дѣшей своихъ переносить и презирать боль, приводили ихъ въ этотъ храмъ и сбѣли безъ пощады розгами на жершвенникѣ богини — иѣпшъ, это испытанїе было не иное чшо, какъ священный обрядъ, копорымъ жипели Лакедемона, изъ человеклоубїя, замѣнили принесенїе въ жершву людей, бывшее весьма обыкновеннымъ между ихъ предками. Они не смѣли опшмѣнить его совсѣмъ, ибо увѣрены были, чшо спашуя богини шакъ привыкла къ подобнымъ жершвамъ, чшо уничтоживъ ихъ, они непременно подвергнушь свое опечесство спрашному бѣдшвію; и шакъ мимущный ужасъ смерти уступилъ мѣсто продолжительной мукѣ сбченїя. Бѣдныя дѣши не рѣдко умирали по выходѣ

изъ храма — но они оставались живы у олшаря, и челоѳческво не было оскорбляемо, а богиня имѣла доспойную ея жершву. Альфредъ, по щаспю, вышерпѣлъ сю богоугдную муку, и скоро попомъ также щаспивно избавился отъ опасности, копорой подвергли его благомыслящге Эфоры: имъ разсудилось собрать на берегахъ Эрошаса два ополченія дѣшей, изъ кошрыхъ одному приказано было сполкнущъ другаго въ рѣну, оставляя побѣжденнымъ на волю спасать себя ишо какъ умѣлъ: Альфредъ плавалъ, какъ рыба, и эшо избавило его отъ пошопленія.

Пришедши въ пакія лѣша, когда по законамъ надлежало войти въ военную службу, и позволялось уже принимашъ участвге въ дѣлахъ общесшвенныхъ, Альфредъ замѣшилъ, что Лакедемонъ, на мѣсто мнимыхъ желѣзныхъ денегъ, введенныхъ въ употребленге Ликургомъ, одинъ имѣлъ болѣ золота и серебра, нежели всѣ другге народы Греціи вмѣстѣ, и скоро (благодаря жадному корыстолюбгю соошесшвенниковъ своихъ) онъ переспалъ эшому удивляшъся. Въ Спаршу привели множество Аѳинскихъ плѣнниковъ: каждый изъ нихъ оцѣненъ былъ въ двѣсти драхмъ — шогда какъ Аѳиняне пошребовали не болѣ сша драхмъ за каждаго плѣннаго Спаршанца.

Добыча военная продавалась на площади, и предпочтительно шому, кто давалъ больше. Персы, которые страшны были Спартанской арміи, заплашили Спартѣ 22,000,000 драхмъ за общаніе мира, котораго она, къ стыду своему, не исполнила; Эфоровъ называли продажными людьми, ибо они продавали правосудіе; Цари Лакедемонскіе покупали побѣду; одинъ изъ нихъ, въ присутствіи всего Сенаша, не постыдился объявить, что *деньги истинная сила въ войнѣ*. Сія ужасныя правила корыстолюбія и разврата, во времена славы и самыхъ блистательныхъ побѣдъ республики, казались Альфреду одною изъ самыхъ главныхъ причинъ ея величія и могущества: самыя сіи тибельныя правила были въ послѣдствіи причиною и совершеннаго ея упадка, ибо они всоружили противъ нее Грецію и произвели союзъ Амфиктіоновъ.

Легко можно угадать, что Альфредъ, живучи между такимъ народомъ, въ которомъ все противорѣчило его понятіямъ о добродѣтели, не почиталъ себя очень щасливымъ; онъ замѣчалъ съ горестію, что нравственность частныхъ людей, завися оцѣ политической, не могла бытъ ни чище ея, ни лучше. Триста Лакедемонскихъ гражданъ положили оружіе на

оспровѣ Сфакіперіи и отдались въ плѣнѣ Дѣинцамъ — какое же сдѣлано имъ наказаніе по возвращеніи ихъ въ Спаршу? Имъ запретили ходишь на рынокъ, и шѣмъ лишили ихъ нѣкоторыхъ барышей отъ продажи и покупки разныхъ товаровъ. Лихоимство было дозволеннымъ промысломъ, и промысломъ шанихъ людей, которые немогли уже служишь въ арміи: Спаршане изъ воиновъ спановились росповщиками. Домашнія занятія гражданъ были вообще или ничтожныя, или низкія, а ихъ занятія обществѣнные самыя жестокія: такое зрѣлище возмущало Альфредово сердце; но время его свободы уже наступило.

Альфредъ отпѣравился въ армію. Отличившись на многихъ сраженіяхъ необыкновеннымъ мужествомъ, онъ имѣлъ несчастіе получить жестокую рану и поперяшь свой щипъ: оставленный между мертвыми, онъ возвратился въ Спаршу не прежде, какъ черезъ мѣсяць; мать его, жопорая почитала сына своего погибшимъ; поблѣднѣла отъ досады, увидя его возвращавшагося безъ оружія. Безстыдный! сказала она, гдѣ твой щипъ? — Прошу меня извинишь! этого ужъ слишкомъ много — воскликнулъ Альфредъ просиувшись навскочь: — бышь брошеннымъ въ цеаду; заспрѣленнымъ изъ лука, изуродованнымъ

на войнѣ, и выгнаннымъ изъ своего дома родною машерью, за то что меня не убили — спойшѣ ли это того, чтобъ бышь Грекомъ ?

II.

О невѣрности.

Естьли бы собрашь все то, что было сказано, написано и повпорено любовниками и даже холодными людьми о невѣрности въ любви; то можно было бы соспавить библіотеку въ чепыреша или въ пяць сотъ тысячъ полныхъ помовъ; — но я вамъ скажу, что не было, не можешъ бышь и не будешъ невѣрности въ любви.

Любовь естъ сильный владѣтель, который искусно защищаешъ свои владѣнія — не иначе какъ въ его ошсущствіи осмѣливающся дѣлать на нихъ набѣги. Когда любовь во всей своей силѣ, во всей своей пышности, во всей своей дѣяшельности, словомъ сказашъ, когда она любовь; тогда она не даешъ мѣсна желанію, и даже уничтожаешъ самую физическую способность бышь невѣрнымъ. Она соединешъ всѣ мысли, всѣ движенія сердца, всѣ быспрые порывы воспора, всѣ впечат-

плѣннїя чувствѣ, всѣмъ начесива души въ одной почкѣ, въ помѣ существѣ, которое намъ мило. Вѣрность и любовь одно и то же — и какъ имѣемъ ли право хвалиться своею вѣрностию?

Для чего же вѣрность называютъ добродѣтелью и добродѣтелью весьма важною?

Для того, по несчастію, что она въ самомъ дѣлѣ бываетъ добродѣтелью и весьма полезною въ обществѣ, какъ для тѣхъ, которые обладаютъ ею, такъ и для тѣхъ, которые должны быть ея предметомъ! Для того, по несчастію, что потерявъ или ослабивъ въ сердцѣ своемъ любовь, мы слишкомъ скоро становимся склонны къ измѣнѣ. Тогда разсудокъ и нравственность должны увѣрять добродѣтель, что всякая истинная любовь была уже супружество, или заключала въ самой себѣ обѣтъ супружескій; что она неразлучна съ довѣренностию безпредѣльною; что самая скрытная измѣна есть вѣроломство, а явная измѣна разводъ; что она рѣдко, или лучше сказать, никогда не можешь быть сохранена впайнѣ; что всякой разрывъ супружества произвольнаго, естьли онъ не произведенъ преступленіями важными съ обѣихъ сторонъ, есть самъ уже преступленіе, которое уничтожая любовь, распускаетъ въ то же время и

дружбу и самыя милыя, самыя сладостныя узы.

Какъ скоро назначимъ первую сію границу — шо благодарность и вѣжное снисхожденіе, копорыя всегда оспашають въ сердцѣ послѣ живой и глубокой привязанности, должны успрямляемы бытъ на размашприванія однихъ добрыхъ, любезныхъ, щасливыхъ качествъ, которыми она была произведена и сполько времени хранима; должны возобновлять воспоминанія о шѣхъ восхищительныхъ минутахъ, копорыя провели мы съ нею, о шѣхъ удовольствіяхъ, копорыми она упоєвала насъ — сія легкая работа прямодушія надъ совѣстію ошдаляетъ отъ насъ искущенія, бережетъ въ нашемъ сердцѣ шо доброе чувство, копорое хотя ошчаспи оживляетъ въ насъ угасающую привязанность и преждее, неразлучное съ нею щасіе.

Мы замѣчаемъ шѣсное сношеніе между физическимъ и нравственнымъ міромъ. Чувства, какъ и сама Натура, имѣють свою весну, свое лѣто, свою осень и свою зиму, болѣе или менѣе жестокую, болѣе или менѣе холодную — прелестія сада, луговъ и рощей должны мало по малу изгладиться, и это неизбежно. Ешьям

мы убѣжимъ въ городъ — все пропало; но ешлы осшанемся въ деревнѣ и будемъ обрабшывашъ свою пущыню — шо скоро опяшь, мало по малу, увидимъ здѣсь и шамъ снова разцвѣщающую зелень, снова распускаящѣся лисья, почки цвѣшовъ; пошомъ весну, за кошорою послѣдуетъ лѣшо, можешъ бышь не споль жаркое, но шѣмъ самимъ пригошвляющее изобильнѣйшую осень и зиму не споль суровую. Вся жизнь наша проходитъ въ шакихъ превращенсяхъ — любовники и супруги безъ сомнѣнїя испытали ихъ, каждой въ свою очередь.

Опера не можешъ бышь вся сосшавлена изъ арїй — въ промежуткахъ бывающѣ хоры и речисашивы. Въ самой лучшей музыкѣ находящя мѣста непрїятныя и шумныя. Въшренные люди осшавляющѣ театръ въ минушу скуки, не дослушавъ перваго акта, спѣшашъ въ другой ко шпорому, шакимъ образомъ оббгающѣ всѣ, и ни въ одномъ не находящѣ удовольствїя.

Къ вамъ обращаюсь — шворенїя добрыя, имбющїя чесшную душу, умъ неиспорченный! не спѣшите осшавляшь своей ложи, выслушайше пїесу до конца: вы найдеше въ ней еще много прїятнаго,

много такого, чего не будешь для васъ въ другихъ пѣсахъ, въ которыхъ не заспа-
нете вы начала и не дослушаете конца.
Дождишься, когда Богу угодно будетъ при-
сласть смерть для развязки и велѣшь ей
опустить занавѣсъ. Сѣ послѣднее дѣйствіе
доставишь вамъ удовольствіе, превосходя-
щее всѣ другія, прогашельное, проницаю-
щее въ глубину сердца.

Оставили ли домъ свой для того, что
въ окнахъ, мѣстахъ естъ сквозной вѣтеръ,
что двери скрипятъ, что иногда изъ ка-
мина показывается дымъ — живише въ
немъ съ миромъ, замажьте известною ещѣ-
ны, поправьте каминъ, обейте клеенкою
двери — и все будетъ въ порядкѣ. Посто-
лица, *при переселеніи стоять пожара,*
справедлива, и еще справедливѣе въ отно-
шеніи къ симъ общалищамъ доброты ду-
шевной, чистаго наслажденія, дѣшельной
благошворительности, взаимныхъ услугъ,
пріятнаго и полезнаго труда, утѣши-
тельныхъ попеченій. Всѣ добродѣтели
души, сіюющія божественнымъ огнемъ,
легко быть могутъ обращены ими въ пре-
зрѣмый пепелъ.

III.

Ода на поединки.

Доколѣ намѣ предразсужденью
 Себя на жертву предаватьъ ,
 И лживому людей сужденью
 Доколѣ нами управлять ?
 Не мы ли жизнь , сей даръ священный ,
 На подвигъ гнусный и презрѣнный
 Спѣшимъ безумно посвящатьъ ,
 И умствую о чести должно ,
 За слова къ намѣ неосторожно
 Гошова смертью ощомснить ?

Тобой ли , спрасни нѣжной чувство ,
 О сладость чистыхъ душъ , любовь !
 Могла бытъ создано искусство ,
 Пролить любезныхъ сердцу кровь ?
 Ахъ , нѣтъ ! но не твое внущенье !
 То ревности одной стремленье ,
 То гнусный гордости удѣлъ !
 Они осправу въ насъ вливая ,
 Въ свирѣпство нѣжность претворяя ,
 Насъ мчатъ на шму злодѣйскихъ дѣлъ .

Тамъ вижу : юноша спрадая ,
 Въ крови , лишенный жизни палъ !
 Соперникъ , яростью пылая ,
 На смерть съ веселиемъ взиралъ .
 Еще онъ , спрасью покоренной ,
 Не внемлетъ истинѣ священной ,

И злобы шествуетъ спезей ;
Разсудокъ имъ не управляетъ ,
Ему онъ щещно повторяетъ :
Страшися мщеня ! ты злодѣй !

Когда , забывъ вражду , очнешься
Отъ сна , несчастный , своего ,
Узрѣвъ свой подвигъ , ужаснешься ,
Какъ могъ исполнить ты его !
Наполнишь сердце шрепетае ,
И тайной совѣсти спраданья ,
Какъ зми , будуще грудь терзаетъ ;
Мечтами будешь ты помимься ,
И тѣнь кровавая явится
Тебя въ убійствѣ укорять .

Стараться будешь ты напрасно
Ее изъ мысли истребить ;
Она въ душѣ твоей всечасно
И въ мрачномъ сердцѣ будешь жить ,
Въ ухахъ степеня повторяются ,
И будеть кровь въ очахъ мечшашься ,
Пролитая твоей рукой !
Быть можетъ , скорбью извуренный ,
И сына чрезъ тебя лишенный ,
Отецъ представеть предъ тобой !

Се старецъ , сѣдиной покрытый ,
Едва не въ гробъ сведенъ поской !
Отъ грусти впадшя ланины ,
Черны изрытыя слезой !

Уста полмертвы разтворяешъ ,
Рукою сердце онъ сжимаетъ ,
Стремится гласу путь открышь ;
Но стоны стонъ перерывая ,
Сей гласъ во груди умерщвляя ,
Претяшъ страдальцу говоришь ,

И наконецъ , прервавъ молчанье ,
Злодѣй ! тебѣ онъ вопіетъ :
Хоть разъ почувствуй состраданье !
Зри ! старецъ горьки слезы льетъ ,
Тобой подпоры всей лишенный ,
Пришелъ , мученьемъ опягченный ,
Молишь тебя — чтобъ жизнь прервалъ ,
Умру ! тебя благословляя .
Умождь , и руки проспирая ,
Безъ чувствъ къ ногамъ твоимъ упалъ .

Вошце бѣжишь , да обратится
Твой взоръ отъ жалкой жертвы сей ! —
Смотри — се мать къ тебѣ стремится ;
Души лишенная своей ,
Предавшись сердца изступленью ,
Не вѣритъ сына умерщвленью ,
Вездѣ бѣжитъ его искашь ; —
Узя тебя , не укоряешъ ,
Но гласомъ слезнымъ умоляешъ ,
Чтобъ ей , гдѣ сынъ ея , сказашъ .

Тутъ бросишь яростные взоры
На близъ стоящихъ — на себя ,

Почувствуешь въ душѣ укоры ,
Но поздны , поздны для тебя !
Въ мученья сердце погрузишься ,
И на челѣ изобразится
Тебя карающей позоръ ;
Гласъ совѣсти швоей открылся !
Но люшь , неумолимъ явился ;
Изрекъ ужасный приговоръ ,

Лишь кровь ты почиталъ отрадой,
И павъ страданьемъ дни изчисли !
Сцѣпленье лучшихъ мукъ наградой
За ложную о чести мысль !
И такъ отчаянью предайся
И мыслью горестной пердайся ,
Что вѣчны казни заслужилъ ,
Чтобъ міръ , сей владыкой устрашенный ,
Твоимъ примѣромъ наученный ,
Въ смиреньи духа възгласилъ :

Приди , прямое просвѣщенье ,
Невѣжества разсвѣтъ шму !
Сними съ безумцевъ ослѣпленье
И дай могущество уму ,
Чтобы , тобой руководимый ,
Подъ свой покровъ неборимый
Онъ могъ всѣ страсти покорить ;
Заславъ сей мысли ужасаться ;
Что долженъ робкимъ шощь считаться ,
Кто извергомъ не хочетъ быть !

IV.

**Благодарность любезному Издаше-
лю Аглаи.**

Я оповѣчаю нѣсколько поздно на два прѣшныя слова кришика, помѣщенныя въ Аглаѣ любезнымъ ея Издашедемъ — прошу у него извиненія: отсутствіе мое изъ Москвы причиною такой медлительности. Вы угадали, любезной кришикъ: самолюбіе мое не оскорбилось, и, правду сказаць, я не умѣю вообразить, какъ можешь полезное замѣчаніе, сдѣланное просто, безъ всякаго вида насмѣшки, съ любовью, можешь быть слишкомъ оспорожною скромностію, и (что всего важнѣе) по требованію женщинъ, которыя однѣ имѣющъ право быть нашими судьями, когда желаемъ написать что-нибудь прѣшное, какъ можешь такое замѣчаніе быть оскорбительнымъ для самолюбія! Напрощивъ, прочитавъ вашу кришику, я пожалѣ искренно, чтобы издатели журналовъ, подражая вамъ въ скромности и учтивости, чаще переписывались другъ съ другомъ; чтобы они, шакъ сказаць, составили согласное, исполненное взаимнаго доброжелательства семейство авторовъ, семейство, въ которомъ каждый членъ, имѣя въ виду и пользу и усовершенствованіе другихъ сочленовъ своихъ, безъ вся-

наго приспраспїя замѣчалъ бы ихъ ошибки, предлагалъ имъ свои замѣчанїя не по-велипельнымъ языкомъ училелл, не съ колкою насмѣшливостїю соперника, но съ жрощкою, благородною непринужденностїю любилелл истины: — шакой оборонительный и насшупательный союзъ журналистовъ, безъ всякаго сомнѣнїя, принесъ бы великую пользу ихъ авторскимъ дарованїямъ. Самолюбїе наше весьма обманчиво — говорю по собственному многократному опыту — очарованное зеркало его предспавляешъ намъ глазамъ однѣ только прїятныя спороны предметовъ, а непрїятныя или украшаешъ, или дѣлаешъ совсѣмъ незамѣтными для нашего взора. Молчанїе Публики, благодаря убѣжденїю коварнаго самолюбїя, можешъ легко показашься автору одобренїемъ; онъ перестаетъ бышь осторожнымъ, спускаешъ себѣ съ благосклонностїю тѣ ошибки, на которыхъ читатели его смотряшъ съ равнодушїемъ — а благосклонность сїя не должна ли наконецъ погубить или уничтожить и его дарованїя? Скажу откровенно: слышашъ справедливый упрекъ въ присущивїи многихъ свидѣтелей — (ибо авторъ, и въ особенноти журналистъ, всегда на сценѣ болѣе или менѣе обширной) — едва ли можешъ бышь для насъ прїятно, по крайней мѣрѣ въ первую минушу. Но

если мы имѣемъ въ виду одно только усовершенствованіе своего таланта, если мы уважаемъ одну только похвалу за служенную, и если (что также очень важно) нашъ критикъ говоритъ съ нами не для того, чтобы насъ оскорбить или осмѣять, а для того, чтобы показать намъ истинный путь, съ котораго мы сбились: то мы послѣ минутной досады на собственную ошибку, и если угодно, на того, кто обнаружилъ ее передъ цѣлымъ свѣтомъ — сами поспѣшимъ въ ней признаться, потому что *признаніе половина исправленія*, останемся благодарными своему просвѣтителю, и выиграемъ много, сдѣлавшись осторожнѣе. Осторожность и робость — великая разница. Будучи соединена съ дѣятельнымъ прилѣжаніемъ, первая несомнѣнно приведетъ насъ къ успѣху.

Теперь позволите мнѣ обратиться къ вашей критикѣ, за которую благодарю искренно и васъ и шѣхъ любезныхъ женщинъ, которыя поручили вамъ сообщить мнѣ ее посредствомъ Аглаи. „Марія, по мнѣнію ихъ, не могла *ронять веретена*, сидя за *самолрядкою*, ибо веретена не было въ рукахъ ея; а если оно было, то Марія сидѣла просто за пряжею.“ Вамѣчаніе истинное, и я не смѣю сказать прошивъ него ни слова. Но пожалѣйтежъ

вмѣстѣ со мною объ участи Историка, желающаго быть вѣрнымъ, и имянно объ того впадающаго въ грубыя ошибки. Повѣстѣ: *Марьяна роца*, основана вся на древнихъ рукописяхъ и преданїяхъ; въ ней не найдете вы ни одного выраженїя, ни одной мысли, которая собственно принадлежала бы новому издашело; все заимствовано имъ изъ древнихъ записокъ — и онъ-то сдѣлалъ его преслупникомъ пропивъ здраваго смысла. Въ одномъ изъ старинныхъ манускриптовъ, кажешся современномъ Великому Князю Владиміру, сказано имянно, что *Марїя сидѣла за самопрлякою*; въ другомъ, принадлежащемъ, естли не ошибаюсь, ко временамъ Владиміра Мономаха, говорится о *вертежь* въ шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ первый историкъ упоминавшъ о самопрлякѣ — явное несогласїе въ произшествїяхъ! Чтожь сдѣлалъ новый историкъ? Онъ вздумалъ одною чершою пера согласишь несогласное, въ угодносшь одному изъ своихъ Геродотовъ, поставивъ самопрляку; а въ удовольствїе другому, прибавилъ къ ней вершено, и надобно признашь, естшественною вѣрояшностїю пожертвовалъ вѣрности исторической: — нещасїе, не рѣдко бывающее и съ важными Историками, копорые, въ наше время, описывають произшествїя, случившіяся за десяшь вѣковъ до Рождества

Христова! Не рѣдко мы ошибаемся и ошѣ того, что ищемъ вдали шой истины, которая у насъ передъ глазами. — Для чего бы, на примѣръ, и мнѣ, вмѣсто того чтобы умирать со скуки надъ пыльными, едва пояшными записками древнихъ бытописателей, не спросить у первой попавшейся мнѣ крестьянки: имѣли ли она въ рукахъ вершено въ то время, когда сидѣть за самопрядкою? Она ошвѣчала бы мнѣ рѣшишельнѣ всякаго манускрипта, современнаго Великому Князю Владиміру. — Виновашъ! нечего и говоришь; но повшорю, признаніе половина исправленія! Что же касается до маленькаго негодоваанія вашихъ любезныхъ дамъ, копорымъ показалось смѣшнымъ, что Вишязъ Рогдай вмѣстѣ съ золотыми парчами дарилъ Марію лентами и бисеромъ, а не жемчугомъ и богатыми ожерельями: шо оно конечно дѣлаешъ имъ честь! Но Ишторікъ не можетъ принять его на свой счетъ; онъ самъ досадовалъ на Рогдая за скупость его и неразборчивый вкусъ, однако принужденъ былъ повиновашся спргой Ишторіи, и вмѣсто жемчуга и ожерельевъ — написъ, скрѣпивъ сердце, бисеръ и ленты.

Теперь остаешся мнѣ (ошвѣчавъ вамъ, какъ справедливому и любезному кришику), поблагодаришь васъ, какъ добраго пріятеля,

за то желаніе, которымъ вы заключае-
 чаете свое письмо. Сказанное вами о успѣ-
 хѣ моихъ въ трудахъ кабинета и жиз-
 ни принимаю за одно доброжелательство
 благороднаго сердца, и желалъ бы найсти
 въ немъ вѣрное предвѣщаніе, по крайней
 мѣрѣ въ отношеніи къ послѣднему; ибо
 что принадлежитъ до трудовъ кабинета,
 свободныхъ, уединенныхъ и невинныхъ,
 то (вы знаете это по собственному опы-
 ту) никакой блистательный успѣхъ не
 можешь быть предпочтенъ пому скром-
 ному и тихому наслажденію, которое съ
 нимъ неразлучно: слѣдовательно они мо-
 гутъ быть нашимъ щастіемъ, или, если
 ли жопише, нѣкопорою замѣною нашего
 щастія и тогда, когда не будутъ увѣ-
 чаны успѣхомъ.

В. Ж.

ПОЛИТИКА.

V.

Шилль и его предпріятіе.

Военныя проказы Шилля сосставляють весьма странной эпизодъ въ нынѣшнюю эпоху, обильную важными происшествіями. Случай неслыханной, единственной въ своемъ родѣ! Предпріятіе сего удальца вовсе непонятно, такъ что до сихъ поръ еще не лзя рѣшишельно сказать о немъ своего мнѣнія: оно есть придажокъ къ исторіи человѣческаго ума и заблужденій. Здѣсь видимъ мы чиновника прославившагося подвигами, умнаго, весьма уважаемаго и опличаемаго своимъ Государемъ, любимаго всѣми согражданами, неподверженнаго никакимъ личнымъ недоспашкамъ. И чтожь? сей достойный чиновникъ, прельщенный — впрочемъ похвальнымъ, но въ семъ случаѣ излишнимъ — папрісшизмомъ, пренебрегъ свое званіе, честь и всѣ военныя правила, не уважилъ скорби своего Короля, и безъ того уже съ лишкомъ огорченнаго, и легкомысленно вздумалъ поиграть благомъ и бѣдствіями своихъ согражданъ. — Онъ вышелъ

изъ Берлина съ гусарскимъ полкомъ своимъ, съ нѣсколькими ротами егерей и улановъ, будуще бы, какъ уже и прежде случалось не рѣдко, учиться за городскими вѣрами: шѣмъ начались военныя его проказы.

Въ семъ произшествіи особливо поспранно, что онъ нашель для себя многихъ сообщниковъ, въ числѣ коихъ были разныхъ чиновъ и возраста офицеры знашной породы, также люди, которые, оставивъ легкомысліе молодости, съ честью служили и пріобрѣли уже надлежащія понятія о своемъ званіи и обязанностяхъ; женатые опрелись отъ своихъ выгодъ, покинули семейства свои и имущество: такое расположеніе могло родиться только отъ ожидаемаго долговременнаго бѣдствія, безкончнаго своими послѣдствіями. — Къ гусарамъ и коннымъ егерямъ присоединилась пѣхотная толпа народа.

Шилль, какъ человекъ образованный, безъ сомнѣнія читалъ исторію свѣта; военная слава, которую пріобрѣлъ онъ своими подвигами, казалась ему маловажною; онъ захопль представляль великую особу въ свѣтѣ и содѣлалъ безсмертнымъ свое имя. Неразсуждая о чрезвычай-

ныхъ препяшспівахъ, не думая о нѣнѣшнихъ обспояшельспвахъ, можешъ бышь надѣлся онѣ съ побѣдомоснымъ войскомъ пройши всю Германію и въ корошное время явишься главнымъ полководцомъ и военнымъ законодательемъ. Неизвѣстно, имѣлъ ли онѣ пошребныя къ шому способности, хопя бы счастье и благопріятствовало его намѣреніямъ; по крайней мѣрѣ нужны были совѣмъ другія средшва, а не шѣ, навія находились въ его власши. Впрочемъ досповѣрно, что самъ онѣ несомнѣвался въ счастливомъ успѣхѣ.

Смѣло ушверждать можно, что Шилль, какъ человекъ довольно проицательшой, при нынѣшнихъ обспояшельспвахъ не шолько имѣлъ въ виду сильную помощь въ своемъ предпріятіи, но даже совершенно былъ увѣренъ, что ее получишь; а иначе, надлежало бы почипашъ его безумцемъ. Кажешся, многого ожидалъ онѣ отъ возникшихъ тогда мяшежей въ Гессенѣ, отъ соединенія съ многолюдными, въ Богеміи собиравшимися, Гессенскимъ и Брауншвейгскимъ корпусами, отъ волненій народныхъ во всѣхъ Нѣмецкихъ провинціяхъ, а можешъ бышь и отъ Англійской высадки. Сіи или другія пишаль онѣ въ себѣ надежды — все равно, жбо во всемъ онѣ грубо ошибся. Мясемъ

въ Гессенѣ усмирены при самомъ началѣ; сославляемые въ Прагѣ чужезстранные корпусы, копорые или тогда должны бы дѣйствовать, или вовсе не дѣйствовать, остались въ покоѣ; никакого слѣда не было къ ожиданію помощи отъ Англіи; а народныя въ Нѣмецкихъ провинціяхъ волненія, отъ копорыхъ Шилль чаялъ себѣ великой пользы, исчезли какъ призракъ сновидѣнія, или по словамъ Шакспира: like the baseless fabrick of a vision, left not a wreck behind.

При такихъ обстоятельствѣхъ, при столь малыхъ вспомогательныхъ средствахъ и почти вовсе безъ надежды, Шилль по съ большими, по съ малыми толпами ходилъ по сѣверной Германіи. Подчиненные его сначала наблюдали хорошей порядокъ, попомъ вели себя не всегда похвально. Шилль, прежде всѣми оплично уважаемый, отъ многихъ правительствъ объявленъ *разбойникомъ*, а товарищи его извѣстны спали подѣ безчестнымъ названіемъ *шайки*. Правда что сіи названія не поселили во мнѣніи народномъ презрѣнія къ Шиллю; однако жъ отъ по многимъ отношеніямъ были вредны для безпомощнаго и безнадежнаго война. Почти сомнительно, былъ ли у Шилля планъ, заблаговременно хорошо обдуман-

ный, или по крайней мѣрѣ обширный; онъ дѣйствовалъ смотря по обстоятельству, и по нимъ располагалъ всѣ свои предпріятія и движенія. Изъ всего опирается, что искусный вѣздникъ, или опшважный предводитель многолюдной толпы неспособенъ былъ дѣйствовать какъ истинный полководецъ. Сряду нѣсколько недѣль мигдѣ невстрѣчалъ онъ сопротивленія, и во все сіе время однакожь бродилъ по разнымъ мѣстамъ вовсе безъ плана! Можетъ быть поджидалъ онъ посторонней помощи; но кажется ни малѣйшаго слѣда, никакого признака къ тому не видно было ни на сухомъ пуши, ни на морѣ; напрошивъ того повсюду готовились къ упорному сопротивленію. Большіе города въ сѣверной Германіи вооружались, хотя и нечаяли насильственныхъ поступковъ, ибо невидали тому примѣровъ, кромѣ что Шилль забиралъ общественныя суммы. Положеніе его становилось хуже со дня на день.

Казалось, что Шилль въ опчаянныхъ своихъ обстоятельствахъ напоследокъ сочинилъ для себя планъ, кошорой однакожь при самомъ началѣ обнаружилъ недостатокъ дарованія въ своемъ изобрѣтательствѣ. Шилль овладѣлъ Мекленбургскою вѣрвпосью Демицомъ, спорящею надъ Ель-

бою ; она могла бы бышь весьма полезною для счастливаго, надежную помощь имѣющаго предводителя, и послужила бы храбрищемъ военныхъ и свѣдѣнныхъ припасовъ и сборнымъ мѣстомъ; напрошивъ того для Шилля, которой неимѣлъ во власти своей окружной страны, крѣпость сія не только была бесполезною, но даже вредною. Безъ надежды на помощь при первомъ нападеніи надлежало пошчасъ лишиться ее, и гарнизонъ, состоящій изъ нѣсколькихъ сотенъ храбрыхъ людей, душевно преданныхъ своему начальнику, отдашь на произволъ неблагопріятствующей судьбины.

Не лзя было сомнѣваться въ потерѣ; выигрышъ и проигрышъ весьма худо разочтены при замѣреніи овладѣть крѣпостью. Шилль едва могъ держась ее двѣ недѣли ; оставленные поварищи его содѣлались жертвою довременности своей къ предводителю, которой опіюдь не былъ истиннымъ полководцемъ.

Голландскій Генераль Граціенъ, начальствующій на берегахъ Ельбы, собралъ нѣсколько полковъ Французскихъ и Голландскихъ ; съ ними напалъ онъ на Демицъ и преслѣдовалъ Шилля. Соединенное войско по слабости своей не могло долго

гнашья за непріятелемъ — и Шилль не умѣлъ воспользоваться временемъ споль драгоцѣннымъ! Онъ бродилъ по Мелленбургскимъ владѣніямъ; пробылъ два дня въ Висмарѣ, три дни въ Ростокѣ. Планъ его часъ отъ часу становился запутаннѣе, предпріятія часъ отъ часу безразсуднѣе: ему вздумалось сдѣлаться Герцогомъ Померанскимъ, что и исполнилъ онъ овладѣвши беззащитнымъ Спралзундомъ. Здѣсь опять потерялъ онъ пять дней, ничего не сдѣлавши полезнаго для спасенія себя и своихъ товарищей; по крайней мѣрѣ приготовился къ оборонѣ.

Шилль довольно хорошо воспользовался мѣстоположеніемъ города: онъ перекопалъ всѣ дороги, къ ворошамъ ведущія, и построилъ подъемные мосты надо рвами, а за недоспашкомъ цѣпей упошребилъ якорные канашы, кошорые повѣсилъ на блокахъ. Передъ всѣми ворошами заложилъ башареи и уславилъ ихъ немногими своими пушками; даже прежній конпрескарпъ до Книперскихъ ворошъ укрѣпилъ палисадомъ. Но сіи приготовленія были весьма недоспашочны: ибо Шилль нуждался пушками, и вовсе не имѣлъ артиллеристовъ. Гусары и бѣглые Шведы служили у него пушкарями.

Трудно, однакожь не невозможно было, разумѣется надлежащимъ образомъ пользуясь всѣми случаями и средствами, со всѣми людьми безвредно переправившись на островъ Рюгенъ, гдѣ до времени можно было бы находиться въ безопасности; однакожь и въ сему единственномъ способу сохранишь себя приняты мѣры весьма недостаточныя. Всѣмъ корпусомъ вдругъ овладѣла какая-то недѣлительность, и даже можно сказать уныніе; казалось, что и самъ предводитель совершенно потерялъ разсудокъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился со всѣми своими людьми переправиться на островъ Рюгенъ; велѣлъ искать кораблей и малыхъ судовъ въ Спиралзундѣ, Висмарѣ, Росшокѣ, Варнеминдѣ, и всѣ употребленные имъ способы были не надежны; драгоценное время проходило безъ всякой пользы. Шилль вступивши въ Спиралзундъ 25 Мая почто не имѣлъ обдуманнаго плана; не лзя было ему податься на оборону, для которой во всемъ видѣлъ недостатковъ; причѣмъ же онъ зналъ, что Генералъ Граціенъ его преслѣдуетъ.

Сей Генералъ, природный Французъ, начальствующій въ сѣверной Германіи надъ Голландскими войсками при Эльбѣ расположенными, вытѣснивъ Шилля изъ

Мекленбургской области, захопѣвъ какъ можно скорѣе сдѣлать конецъ всѣмъ его походамъ; но онъ былъ не такъ силенъ, чтобы отважиться на подвигъ свой съ чаянїемъ совершеннаго успѣха; для того Король Датскій повелѣлъ своему корпусу, изъ 1500 человекъ состоящему и находящемуся подъ начальствомъ Генерала Евальда, дарованїями и военными подвигами въ Америкѣ опличившагося, соединиться съ Голландцами. Сей корпусъ 31 го Мая пошелъ въ Спралзунду: Датскіе гусары, Голландскіе кирасиры и аршиллер. сны. 4 роты волыжеровъ и 2 роты Оденбургскихъ егерей составляли авангардъ, за копорымъ слѣдовалъ весь корпусъ колонною.

По оффиціальному объявленїю Генерала Граціена, Шиль имѣлъ у себя въ Спралзундѣ пять или шесть тысячъ воиновъ. Корпусъ его состоялъ изъ 600 гусаръ полку его имени, изъ 400 другихъ хорошо вооруженныхъ всадниковъ, изъ 150 улановъ и изъ немалаго числа бѣглыхъ Шведовъ; пѣхота — изъ двухъ полныхъ ротъ егерей, которые вышли изъ Берлина, изъ многихъ лѣсничьихъ служителей, приставшихъ къ Шиллю на походъ, изъ 1500 человекъ Померанской милиціи и изъ части Мекленбургскихъ войскъ, взятыхъ Шиллемъ въ полонъ и попомъ вступившихъ къ нему въ службу.

Нѣкопорые отряды Шиллева корпуса вышли изъ Спралзунда на встрѣчу осаждающимъ, и дрались весьма упорно. Послѣ жестокой пальбы изъ пушекъ союзники овладѣли непріятельскими бапарями передъ городомъ и находившимися на нихъ 27 ю. орудіями; Голландцы и Олденбургцы разрушили Книперскія ворота и ворвались въ городъ по стѣнѣ полуразвалившейся: шумъ начался драка на большихъ и малыхъ улицахъ, и съ обѣихъ сторонъ продолжаема была весьма жестоко, а особливо на торговой площади; даже изъ домовъ лезли пули. Часть Шиллевыхъ гусаръ дѣйствовала спѣшившись; прочіе вмѣстѣ съ уланами рубили на лошадяхъ; наконецъ послѣ двухчасоваго сраженія союзныя войска одержали поде.

Сопрошвленіе было не такъ сильно, какъ можно бы надѣяться. Сообщники Шилля, по видимому незнавшіе о числѣ непріятелей, копорыхъ всего на все было не болѣе 5000, скоро лишились бодрости; 800 человекъ отдались въ полонъ, пошерявши на мѣстѣ нѣсколько сошенъ убишыми. Доспальныя (числа ихъ въ точности опредѣлить не можно) вышли изъ города не въ самомъ лучшемъ порядкѣ. Собравшись на чешверти мили отъ Спралзунда, они попышались чрезъ по-

сланнаго просить себѣ пропуску обратно въ Пруссію; но желаніе ихъ неисполнилось.

Шиллева смерть вѣроятно помогла союзникамъ скорѣе одержать побѣду; ибо въ самую эту минуточку сообщники его лишились бодрости и обратились въ бѣгство. Нѣсколько сошень, какъ выше сказано, вышло изъ города, а 800 въ плѣнѣ достигались; вмѣстѣ съ предводителемъ, двадцать офицеровъ осталось на мѣстѣ во время сей кровопролитной битвы. Изъ 25 офицеровъ Шиллева полку по вступленіи изъ Берлина 12 убито, 7 взято въ плѣнѣ. Уланы сражались весьма храбро; ихъ было 150 нижнихъ чиновъ и 7 офицеровъ; послѣ побоища осталось на лицо только 1 офицеръ и 7 улановъ.

Побѣжденные бросились на суда; одна часть ихъ поплыла къ Свиаминду, другая къ острову Ригему, откуда оставшіеся оправились водою и сухимъ путемъ на островъ Узедомъ.

Смерть Шиллева была, какъ сказано, сигналомъ къ сему опспуленію и къ разбѣянію поварицей его на водахъ и на сушѣ. Самъ онъ былъ въ крайнемъ опчаяніи и непомнилъ что дѣлалъ. Въ Спралзундѣ всѣ утверждаютъ, что онъ хопѣлъ съечь городъ, и только медлен-

ность въ полученіи смолы и сѣры помѣшала исполниться его предпріятію. Онъ сражался, какъ опчаянный, до тѣхъ поръ, пока ружейная пуля не повергла его на землю; шутъ Дапской гусаръ довершилъ его погибель ударами сабли. Лице Шилля такъ обезображено ими, что на силу можно было узнать трупъ, когда принесли его въ рашушу. Его нашли совсѣмъ раздѣтымъ. Трупъ сей, когда доказано было, что онъ точно Шиллевъ, погребенъ того же вечера безо всякаго шума; но прежде отсѣзали отъ пуловища голову, которую Голландцы положили въ спиртъ и увезли съ собою.

Въ первые дни число плѣнныхъ Шиллевыхъ товарищей проспиралось уже отъ 1100 до 1200 человекъ. Многіе изъ нихъ опущены на волю, а особливо необмундированные; прочихъ, всего около 600 человекъ, Голландцы увели съ собою. Сверхъ того осталось множество раненыхъ, въ числѣ коихъ были 10 Шиллевыхъ офицеровъ.

Еще скажемъ: изъ 26 офицеровъ Шиллева полку вышедшихъ изъ Берлина осталось на лице только 7; ибо 12 убито и 7 взято въ плѣнъ союзниками. Число другихъ убитыхъ и раненыхъ офице-

ровъ также значительно. По увѣренію Генерала Граціена, въ одинъ день рѣшительнаго сраженія пало 20 офицеровъ Шиллевой шайки. Отъ ескадрона улановъ, въ кошоромъ было 7 офицеровъ и 150 рядовыхъ, уцѣлѣли 1 офицеръ и 7 рядовыхъ!

Такимъ образомъ окончилось осмѣянiя и презрѣнiя доспойное предпріятiе, кошорое при хорошихъ распоряженiяхъ, при надлежащей помощи, могло бы оставишь по себѣ слѣдствiя очень важныя. Сперва оно казалось папріотическимъ подвигомъ; однакожь въ самомъ дѣлѣ несомѣспно было ни съ честію, ни съ благоразуміемъ. Оно еспь шалоспъ дерзкаго воина, начашая опважно и рѣшительно, но безъ политическихъ соображенiй. Тогдашнiя обсповнелсшва обольспили удалцовъ и дали имъ поводъ ожидашь счаспливыхъ для себя послѣдствiй: надежда ихъ была самая неосновашельная.

Почши непрерывно продолжающаяся война со времени Французской революціи произвела весьма спранныя дѣйсствiя: союзы государствъ, съ древнихъ вѣковъ во всѣхъ странахъ почитаемыя спасемѣ для народовъ, отъ своенравiя владѣшелей, отъ происковъ министерскихъ и отъ

пристрастія къ личнымъ выгодамъ нынѣ
снали предметомъ проклятія.

Англійскіе миниспры нашего времени
обезславили почтенное названіе *союзни-
ковъ*. Побуждаемые народнымъ егоизмомъ,
для поддержанія своей ничтожной сис-
темы, или для частныхъ выгодъ, они напа-
даютъ на государства неутральныя и дру-
жественныя, какъ недавно поступили съ
Данчанами и Турками. Точно такъ по-
ступаютъ они и съ своими союзниками.
Обманами и пуспыми обѣщаніями, кото-
рыхъ никогда неисполняютъ, они дово-
дятъ ихъ до разоренія, и потомъ съ фило-
софическимъ хладнокровіемъ смотрятъ на
ихъ гибель; если же что-нибудь и дѣ-
лаютъ, то помощь ихъ всегда бываетъ
недостаточна, по большей части ни къ
чему неслужитъ и весьма часто походитъ
на шутку.

Таково поступали Англичане со всѣ-
ми державами и народами Европы, со
всѣми безъ исключенія: съ Нѣмцами,
Голландцами и Испанцами въ револю-
ціонную войну, потомъ съ Португальца-
ми, съ Испанцами, съ Королями Сардин-
скимъ, Неаполишанскимъ и Шведскимъ,
съ владѣтелями Тосканы и Гессена, съ
Домомъ Оранскимъ, съ Папою, съ Прус-

сією, съ Россією и съ Авспрїєю. Въ исторїи свѣпа нѣтъ подобнаго примѣра, чшобы одна держава и въ такое короткое время обманула всѣхъ своихъ союзниковъ и припомѣ споль многоразличными способами.

Хотя давно предусмошрѣшь можно было нѣтъ случившееся уничтоженіе церковнаго государства въ Италїи; однакожь оно теперь не сбылось бы, или по крайней мѣрѣ сбылось бы совсѣмъ инымъ образомъ, и Папа, сей послѣдній союзникъ Англіи, не содѣлался бы жертвою приверженности своей, если бы министры согласились на мирное предложеніе, посланное ошъ двухъ Императоровъ въ прошломъ году изъ Ерфурта въ Лондонъ.

Можетъ быть погибелю Шилля и отважныхъ поварищей его окончился рядъ несчастныхъ жертвъ оболъщенїя.

Сїи люди мечпали, что отваживающся на подвигъ, хотя сначала сомнительный въ разсужденїи правилъ чести, но славный въ своихъ послѣдствїяхъ: подвигъ сей окончился погибелю и безчестїемъ!

(Изъ Архенг. Минервы.)

VI.

Достопамятное предписаніе Императора Наполеона Елископамъ.

Господинъ Елископъ!... Побѣды при Енцедорфѣ и Ваграмѣ, гдѣ Господь силъ споль очевидно помогаль Французскому воинству, должны возбудишь живѣйшую благодарность въ сердцахъ подданныхъ нашихъ. Того ради мы желаемъ, чшобы вы, по полученіи сего писанія, условились съ кѣмъ надлежитъ, и собрали бы нашъ народъ въ церквахъ для принесенія Небу молиствъ и благодаренія, согласныхъ съ намбреніями, насъ одушевляющими. Господь нашъ Иисусъ Христосъ, произшедши опъ крови Давида, не соизволилъ учредитъ временнаго царства; напрошивъ того онъ восхотѣлъ въ земныхъ дѣлахъ повинувашся предписаніямъ Императора. Онъ единствененно помышлялъ о великомъ подвигѣ искупленія и о спасеніи душъ. Мы, яко наслѣдникъ владычества Цезарей, вознамѣрились удержавъ независимость нашего престола и ненарушимость правъ нашихъ. Мы будемъ продолжавъ великое дѣло возстановленія вѣры. Мы окружимъ служителей ея пѣмъ блескомъ, кошорой одни шолько мы дашь имъ можемъ. Мы будемъ внимашь вашему гласу обо всемъ, что относитя къ духовной

часши и къ успокоенію совѣсти. Среди за-
 бошѣ военнаго спана, среди ужасовѣ и
 безпокойствѣ военныхъ, мы посѣщили
 увѣдомить васѣ о намѣреніяхъ нашихъ,
 дабы подвергнушь презрѣнію оныя дѣ-
 янія невѣжества и слабости, нечестія и
 безумія, коими въ провинціяхъ нашихъ
 спарались посѣять мяшежи и раздоры.
 Никшо не опшрашилѣ васѣ ошѣ великой
 цѣли, къ кошорой мы спремимся, и
 кошорой почти уже достигли благо-
 получнѣ, шо есть къ возстановленію
 олшарей нашей вѣры, несмотря что
 кошяшѣ увѣришь васѣ, будшо прави-
 ла ея несомѣстны съ независимостію
 престоловѣ и народовѣ, какѣ думали Гре-
 жи, Англичане, Прощеспаншы и Кальви-
 нисшы. Богѣ достаточнѣ просвѣтилѣ васѣ,
 и для шого мы опшвергаемѣ сїи заблужде-
 нїя. Сердце наше и подданныхъ нашихъ
 неспрашишя оныхъ. Мы знаемѣ, что
 шѣ, кои кошяшѣ чтообы вѣчное спасенїе
 душѣ зависѣло ошѣ благѣ временныхъ и
 плѣнныхъ, весьма удалены ошѣ любви
 Христїянской, ошѣ духа и ошѣ вѣры
 Того, Кто изрекѣ: Царство мое нѣсть
 ошѣ мїра сего. Поелику сїе писанїе не-
 имѣетѣ другаго предмеша, шо я молю
 Бога, да прїиметѣ Онѣ васѣ, Господинѣ
 Епископѣ, подѣ свою свѣшную зашщину.
 Дано въ нашемѣ Имперашорскомѣ спанѣ

при Знаймѣ въ Моравіи 13 го Іюля 1809.
Подписали: Наполеонъ. Спашсъ - Секре-
тарь Марс.

VII.

Судьба Римской Церковной области.

При началѣ войны революціонной Церковная область содержала въ себѣ 800 миль квадрашныхъ и 2,100 000 жилищей; слѣдствіемъ превосходила многія нынѣшнія королевства величиною, а еще болѣе изобиліемъ въ произведеніяхъ земныхъ и выгоднымъ мѣстоположеніемъ. Принадлежавшія къ ней провинціи мало по малу присоединяемы были въ продолженіе десяти столѣтій. Наслѣдство Св. Петра (Patrimonio di St. Pietro), самое первое владѣніе Папы, которое, по сказанію монаха Исидора, будто бы подарено отъ Константина великаго, чайпельно соспавилось изъ усшупленныхъ въ разныя времена земель и пріобрѣтено посредствомъ умѣнья пользоваться случаями. Не прежде половины осмага столѣтія Папа получилъ большую силу, когда Пипинъ подарилъ ему Экзархатство, ошнющее у Лонгобардовъ. Карлъ великій еще болѣе распроширалъ могущество Первосвященника.

Въ печенїи времени до самой реформаціи Папскїя владѣнїя увеличивались новыми прїобрѣшенїями, полученными или чрезъ добровольныя уступки, или посредствомъ хищныхъ происковъ, или силою оружія. Поелїку Папы дѣйствовали какъ свѣдсаїе государи, и воевали съ разными державами, по и владѣнїя ихъ не были щадимы отъ непрїятелей; провинціи ихъ и самая столица не одинъ разъ доснавались побѣдителямъ, и сами Папы иногда въ плѣнъ попадались — на примѣръ Климентъ VII, при кошоромъ городъ Римъ взятъ приступомъ Генералами Императора Карла V. Но при заключенїи мира всегда получали они обратно свою потерю. Только со времени Французской революціи начали они лишаться безвозвратно. Городъ Авиньонъ, купленный Климентомъ VI въ четырнадцатомъ столѣтїи за 80,000 гульденовъ, и графство Вемессень, отъ Короля Филиппа смѣлаго въ 1273 году подаренное Римскому преспоу, по требованїю Франціи, внутри коей находились оныя земли, присоединены къ Французской республикѣ. За участїе Пія VI въ дѣлѣ союзниковъ — кошорымъ помогалъ не войскомъ, но буллами и прокляшїями — Бонапарте наказалъ его угрозами своими въ самомъ Римѣ: Папа долженъ былъ купить перемиріе въ Болонїи (23 Іюня 1796) 21

21 милліонѣ ливровѣ, съ придачею драгоценныхъ рукописей и художественныхъ произведеній, и попомѣ за мирѣ въ Толентино (17 Февраля 1797) заплашишь 31 милліонѣ, откажашься отѣ Авиньѣона и Венессеня, уступишь Болонью, Феррару и Романью. Въ 1798 году грозилсь отшоргнушь отѣ свяшаго престола послѣднїя двѣ шреши владѣнїй, когда за убїйсшво Французскаго Генерала Дюфо Директорїя превратила Римскую область въ республику. Но черезъ нѣсколько мѣсяцовъ сїя республика исчезла, и Бонапарше обращно отдалѣ Пїю VI его владѣнїя, кошоры тогда содержали въ себѣ 555 кв. миль и 1,320,000 жителей. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго года вдругѣ отняшо у Папы 260 кв. миль земли съ 705,000 жителей; для наказанїя Пїя VII за нехотѣнїе его вступишь въ союзѣ противѣ Англїи, чешыре при Адриатическомѣ морѣ лежащїя легашсшва, Урбино, Анкона, Мачераша и Камерино присоединены къ Италїянскому королевству, и шѣмѣ самой Францїи доставлена великая выгода и непосредственное сообщенїе съ Неаполитанскимѣ королевствомѣ. Доспальными 295 квадрашными милями земли и 615,000 жителей вдоль берега при Адриатическомѣ морѣ Наполеонѣ управлялѣ самовласшно посредствомѣ находившагося въ Римѣ сво-

его Губернашора; слѣдственно опредѣленіемъ 17 Мая уничтожено мнимое господство Папы; однакожь перемѣна сія естъ случай весьма важной въ исторіи свѣша. Реформашоры начали, медленно и шихо шрудились иѣсколько спольшій: Капшолитческій Монархъ за однимъ разомъ довершилъ ихъ предпріятіе! Священноначальникъ западнаго Христіансшва исключенъ изъ числа государей; шакимъ образомъ сдѣланъ шагъ къ проешомъ церкви первобышной, по крайней мѣрѣ въ семъ главномъ пунктѣ. Теперь, по уничтоженіи Нѣмецкаго Магистерсшва, во всемъ Христіанскомъ мѣрѣ остался шольно одинъ духовной владѣшель, а именно Князь Примасъ. Какія слѣдствія произойдушъ ошъ низложенія Папы, которой иѣкогда судьбу многихъ государствъ имѣлъ въ своей власши, какихъ перемѣнъ ожидать должно въ многолюдномъ обществѣ западнаго Христіансшва, о шомъ ничего рѣшительнаго шеперь сказать еще не можно. Духовная власшь и свѣшское могущество Папы всегда служили подпорою одно другому.

VIII.

Извѣстія и замѣчанія.

Расположеніе Французскаго войска, по спашьямъ перемирія, служивъ доспашочнымъ свидѣшельствомъ, сколь выгодно для Французовъ окончилось жестокое сраженіе при Ваграмѣ, и сколь было оно несчастно для Австрійцовъ. Корпусъ Герцога Ривольскаго стоивъ лагеремъ въ Зваймскомъ округѣ, Герцога Ауершедскаго въ Бриннѣ, Герцога Рагузинскаго въ Корненбургѣ, Графа Удино подъ Вѣною, Принца Евгенія въ Пресбургѣ и Грацѣ. Императоръ Наполеонъ съ гвардіею своею прибылъ въ Шенбруннѣ. Обѣ важныя крѣпости, по силѣ того же договора, отданы побѣдителямъ: Грацъ, котораго немогла взять Италіанская армія, поспѣвая соединиться съ главною, и попому должна была оставить его за собою; другая крѣпость Бриннѣ, которую надлежало бы Французамъ доставать силою, чтобы совершенно обезпечить себя въ Моравіи. Тироль и Фэралбергъ, по выступленіи Австрійцовъ, съ большею удобностію покорены будущъ союзными войсками; ибо чѣмъ меньше надежды для мяшежниковъ, тѣмъ меньше кровопролитія.

Сообщенія между обѣими арміями несомнишельно предвѣщаютъ скорое заклю-

ченіе мира, о которомъ переговоры продолжаются весьма ревностно. Ердгерцогъ Карлъ присылалъ къ Имперашору Наполеону Генераловъ Вейссенволфа, Вимпфена и Князя Лихтенштейна для поздравленія; со стороны Е. В-а прѣвжалъ къ Ердгерцогу Оберб-Гофмаршалъ Дюрюкъ, которой пробылъ нѣсколько часовъ въ главной кварширѣ, въ Будвейсѣ. —

По всѣмъ обстоятельствомъ видно, что война невозобновится. Правда, Французы безосновочно продолжаютъ дѣлать разные пригововленія къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ; однакожь онѣ суть не что иное какъ слѣдствіе оспорожности. О мирѣ не только никто не сомнѣвается, но даже знаютъ уже, на какомъ основаніи подписаны спашьи перемирія, по есть какого содержанія предварительныя спашьи приняты обѣими сторонами еще до перемирія. Въ Парижскихъ и Вѣнскихъ газетахъ напечатано, что Австрія уступитъ Франціи Галлицію, Спирію, Крайнъ, Каринтію, Кроашію и берегъ Адриатическаго моря съ Фіумомъ и Трїеспомъ. Скоро увидимъ, во всемъ ли справедливы сіи извѣстія, равно и тѣ, будто Австрійская армія немедленно отправится дѣйствовать противъ Турковъ.

Князь Лихтенштейнъ часто бѣдитъ въ главную кварширу Наполеона. Въ управленіи дѣлъ примѣтна какая-то необыкновенная поспѣшность, можетъ быть потому что Французскій Императоръ желаетъ праздновать день своего рожденія (15 Августа нов. ст.) въ Парижѣ. На дорогахъ приготовлены уже для него подспавныя лошади.

Въ награду за понесенные труды и подвиги Императоръ Наполеонъ пожаловалъ прехъ извѣстныхъ Генераловъ Маршалами Имперіи: Графа Удино, Герцога Рагузинскаго (Мармона) и Магдональда. По сему производству число Маршаловъ Франціи проспирается теперь до 14 пи; остающія еще два мѣста праздныя.

Въ Прагской газетѣ въ извѣстію о перемиріи прибавлены слѣдующія справки: „Еще и теперь, послѣ борьбы столь жестокой и продолжительной, силы Австріи нисколько неистощились. Ей надобно только рѣшиться, и Европа съ изумленіемъ увидитъ, что можетъ сдѣлать любовь вѣрныхъ народовъ и постоянство Государя справедливаго. Австрійскія войска и теперь еще одушевлены мужествомъ непоколебимымъ. Кто знаетъ Австрію, тотъ знаетъ, какое сокровище

„неизмѣримой силы народной, до нынѣ еще
 „непризванной дѣйствовать, находишься въ
 „готовности, и какъ всѣ напряже-
 „нїя непрїятели останутся щещными,
 „ежели захотятъ всю оную силу употре-
 „бить на пользу государства.“ Выпи-
 „шемъ прошивное пому мнѣнїе изъ Аргуса:
 „Ежели Англія успѣетъ возбудить Каби-
 „нетъ Австрійскій къ возобновенію вой-
 „ны, то по крайней мѣрѣ война сія nebudeтъ
 „продолжительна. Остатки Австрійской
 „арміи, раздѣленные и разбѣянные по Бо-
 „гемїи, Моравїи и Венгріи, одинъ по дру-
 „гомъ падушъ безъ дальняго сопротивле-
 „нїя передъ войскомъ необъявленнымъ и по-
 „бѣдоноснымъ, коего могущество состоитъ
 „и въ довѣренности къ самому себѣ и въ
 „многолюдствѣ и въ воспоминанїи о сла-
 „выхъ подвигахъ. Но все предвѣщаетъ,
 „что мы скоро увидимъ плоды его прїум-
 „фовъ; перемирїя при Маренго, при
 „Аусшерлицѣ, при Тильзитѣ имѣли по
 „себѣ счастливыя слѣдствїя.“

✱

Генералъ Аменде съ Австрійцами сво-
 ими опять выступилъ изъ Дрездена; онъ
 направилъ путь къ Богемїи. Губернаторъ
 Князь Лобковичъ просился съ магистрант-
 скими членами и ошдалъ имъ ключи го-
 родскїе. Въ Дрезденѣ всунушъ Саксонцы
 ошдѣлавшіеся ошъ Вестфальцовъ, коше-

рые отправились въ свое отечество. — Герцогъ Брауншвейгъ Эльскій съ двухъ-тысячнымъ корпусомъ своимъ вступилъ въ Лейпцигъ, откуда пойдетъ въ Галле и далѣе. Онъ продолжаетъ дѣйствовать непріятельски, не смотря на перемиріе между Французами и Австрійцами, и сіе приписывать должно тому, что Герцогъ почитаетъ себя Генераломъ служащимъ на Англійскомъ жалованьи; ибо онъ содержитъ корпусъ свой частію на собственномъ иждивеніи, частію на счетъ Англійскаго правительсва. Сказываютъ, что онъ будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Англичанами, которыхъ надѣется найти въ Ганноверѣ, или же направитъ пушъ свой къ берегамъ, чтобы сѣсть на корабли.

*

О большой Англійской экспедиціи до нынѣ еще ничего достоверно сказать не можно. Пишутъ изъ Италіи, что крѣпость Ишія сдалась на договоръ Англичанамъ. Осажденному войску неопказано въ военныхъ почестяхъ; однакожь оно будетъ отвезено въ Мальшу и останется тамъ до разбитія. Гарнизонъ обоихъ острововъ, то есть Ишіи и Прочиды, очень не великъ и простирается не сверхъ 1000 человекъ. Англичане напрошивъ того высадили 8000, въ томъ числѣ 400 человекъ вѣрныцы. Перевозныя суда пош-

часъ опплыли для доставленія собственныхъ припасовъ на острова, которые очень многлюдны и получали себѣ припасы изъ Неаполя. Успѣхъ Англичанъ дѣлаешь большую помѣху въ морской торговлѣ Неаполитанскаго королевства, но вѣроятно Король Иоаннъ не надолго оставитъ ихъ въ покоѣ. — Изъ Ливорны пишутъ, что Папа пробѣжалъ черезъ городъ Пизу. Думаютъ, что онъ опирается въ Авиньонъ.

*

Въ Голландіи набираются корпусы изъ Евреевъ. Раввинамъ приказано убѣждать единоплеменниковъ своихъ къ вступленію въ военную службу. Думаютъ, что уставъ большаго Парижскаго Сангедрина принятъ будетъ въ Голландіи. — По Королевскому указу, Еврейской консисторіи поручено спараться о переложеніи Библии съ Еврейскаго языка на Голландскій, для того чтобы дѣти учились въ школахъ по переводу.

*

По письмамъ изъ Варшавы извѣстно, что главная квартира Польскаго вѣйска находится въ Краковѣ. Въ Галиціи набираются полки для Французской службы; вмѣсто Австрійскихъ орловъ повсюду выставляются Французскіе; жишелей приводятъ къ присягѣ на подданство и вѣр-

ность Императору Наполеону; Князь Поляшовскій получилъ большой крестъ Почетнаго Легіона. Эрцгерцогъ Фердинандъ отступилъ въ Венгрію черезъ старую Галицію.

*

По извѣстіямъ изъ Молдавіи, наши Русскіе вмѣстѣ съ Сербами дѣйствуютъ весьма успѣшно на правомъ берегу Дуная, и большая часть Булгаріи, въ чемъ и сомнѣвались не надлежало, находится въ ихъ власти. Они нашли приверженныхъ къ себѣ Христіанскихъ жителей въ Турціи въ нынѣшнюю войну еще болѣе нежели прежде. Новый Великій Визирь Юсуфъ-Паша, семидесяти-шестилѣтній однокій сшарецъ, сшоевшъ съ главною Турецкою арміею при Адрианополѣ, гдѣ должно ожидать рѣшительной битвы. Порша, по своему обыкновенію, войну сію объявила священной; повелѣла выставить въ Константинополѣ зеленое Магометово знамя и воззвать черезъ Муфтія всѣхъ правовѣрныхъ къ оружію. Не смотря на столь хорошія мѣры, кажешся предстоить великая перемена для Турецкой Имперіи. Погибель неуномимаго Мусшавы Байракшара, уничтоженіе Сейменсовъ (выученныхъ военному искусству на Европейской образецъ) по желанію необузданнаго Янычарскаго корпуса, безпорядки и неповинове-

нїе почши во всѣхъ провинціяхъ, взаимная зависть между Пашами — все сїе добра не предвѣщаетъ.

*

Юля 18 го Принцъ Хрисіанъ Августенбургскій Шведскими чинами въ Стокгольмѣ избранъ наследникомъ престола.

14 Августа. К.

IX.

У в ѣ д о м л е н і е.

Изъ полученныхъ въ Москвѣ отъ неизвѣстной особы ассигнаціями 100 рублей и изъ Курска отъ Ив. . . . З. . . на 5 р. отправлено по требованію благошворителей 55 р. въ Почепъ къ самой М. В. Беринговой, и въ Симбирскъ 50 р. къ П. П. Тургеневу для досшавленія старостѣ деревни большой Кандалы Аншону. — Госпожа Берингова увѣдомляетъ неизвѣстныхъ своихъ благошворителей, что посланныя къ ней деньги черезъ г-на Зандмарка, изъ Кременчуга 25 р. и изъ Кексгольма 30 р., она получила.

КОНЕЦЪ XLVI ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

І Ю Н Ъ , Но 13.

Стран.

I. Приключенія застѣнчиваго челоуѣка.	3
II. Молочница и золошыхъ дѣлѣ мастерт.	12
III. О веселости.	21
IV. Разговоръ Моды съ Разсудкомъ.	22
V. Ужась !!	34
VI. къ К. Е. Д. Щ.	38
VII. Письмо изъ Іерусалима къ Патріарху Іерусалимскому.	43
VIII. Молишвы бѣдныхъ.	48
IX. О войнѣ между Англією и Францією.	53
X. Извѣстія и замѣчанія.	69
XI. Увѣдомленіе.	77
Реестръ.	79

І Ю Н Ъ , Но 14.

I. Истинное происшествіе.	81
II. Разговоръ Ума съ Сердцемъ.	101
III. Оригиналь и копія.	105
IV. Ядесте.	108

V.	Краткое историческое описание о бывшей въ Астраханѣ моровой язвѣ.	- - -	112
VI.	Два письма къ Издашелю.	-	122
VII.	О покойномъ Докторѣ Фрезѣ.		126
VIII.	О войнѣ между Англією и Францією (окончаніе).	- -	131
IX.	Извѣстія и замѣчанія.	-	152
X.	Увѣдомленіе.	- -	160

АВГУСТЪ, Но 15.

I.	Письмо къ Издашелямъ Въспника Европы.	- - -	161
II.	Свиданія Маршала Принца де Лия съ Ж. Ж. Руссо и Вольшеромъ.		173
III.	Извѣстія о Голландіи.	- -	192
IV.	Щастливѣйшее состояніе.	-	203
V.	Объ источникахъ для Русской Исторіи. (Продолженіе.)	-	209
VI.	Смѣсь.	- - -	219
VII.	О Сеймѣ въ Швейцаріи.	- -	226
VIII.	Извѣстія и замѣчанія.	- -	233
IX.	Увѣдомленіе.	- -	240

АВГУСТЪ, Но 16.

	Стран.
I. Сновидѣніе Альфреда, или Греки.	241
II. О невѣрности.	274
III. Ода на поединки.	279
IV. Благодарность любезному Издаше- лю Аглаи.	283
V. Шилль и его предпріятіе.	289
VI. Достопамятное предписаніе Импе- ратора Наполеона Елископамъ.	304
VII. Судьба Римской Церковной области.	306
VIII. Извѣстія и замѣчанія.	310
IX. Увѣдомленіе.	317
